

ISSN 1993-1824

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

1/2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 15, № 1

Январь – март 2022

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редактор — А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkowl@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 15, No. 1

January – March 2022

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriiliuk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editor — A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD in History, Senior Specialist of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Mikhail Yurievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Воронин А. В., Мехришвили Л. Л., Фарахутдинов Ш. Ф. Повышение производительности труда региональных предприятий в контексте реализации федеральных национальных проектов	9
Ермолаева С. Г. Проблема фрагментации университетского сообщества в оценках вузовских преподавателей	27
Ильин А. Н. Неолиберализм как фактор роста неравенства и развития спекулятивно финансового сектора	41
Ильиных С. А. Фриланс: ценности и потребности трудовой деятельности	57
Макарова Г. И. Нестолличные промышленные города России: подходы к изучению, проблематизация развития	69
Сбитнев В. Д., Шестаков С. А. Ожидания молодежи Тюменской области в отношении государства и власти	85
Симонов С. Г. Этнический бизнес: адаптация к современным российским реалиям	96
Торчинашвили Д. Т., Скок Н. И., Колтунова Ю. И. Некоторые аспекты формирования и реализации современной семейной политики Российской Федерации	112
ИНФОРМАЦИЯ	122

CONTENTS

Voronin A. V., Mehrishvili L. L., Farakhutdinov Sh. F. Increasing the labor productivity of regional enterprises in the context of the implementation of federal national projects	9
Ermolaeva S. G. The fragmentation of the university community in the assessments of university teachers	27
Il'in A. N. Neoliberalism as a factor in the growth of inequality and the development of the speculative and financial sector	41
Ilynykh S. A. Freelancing: values and needs of work	57
Makarova G. I. Non-capital industrial cities in Russia: approaches to study, problematization of development	69
Sbitnev V. D., Shestakov S. A. Expectations of young people in Tyumen region regarding the state and the authorities	85
Simonov S. G. Ethnic business: adaptation to modern Russian realities	96
Torchinashvili D. T., Skok N. I., Koltunova Yu. I. Some aspects of the formation and implementation of the modern family policy of the Russian Federation	112
INFORMATION	122

УДК 331.101.68

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-9-26

Повышение производительности труда региональных предприятий в контексте реализации федеральных национальных проектов

**Александр Владимирович Воронин¹, Ламара Ленгизовна Мехришвили^{2, 3},
Шамиль Фаритович Фарахутдинов^{3, 4}**

¹*Кафедра экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

³*Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия*

⁴*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

Аннотация. Статья посвящена проблеме повышения производительности труда на отечественных региональных предприятиях в условиях обострения международной конкуренции за рынки сбыта. В основе — эмпирический материал по результатам исследования, реализованного в Тюменской области — пилотном регионе, для ряда федеральных программ по повышению производительности труда. Исследование проведено с использованием таких методов, как экспертный опрос, контент-анализ, вторичный анализ данных. В работе изучены заинтересованность и вовлеченность предприятий в деятельность по повышению производительности труда; показана роль образования в исследуемых процессах. Рассмотрен опыт внедрения лучших практик (типовых решений) и получения услуг по повышению производительности труда посредством специализированных центров компетенций. Выявлена оценка уровня внедрения цифровых сервисов, изучены практики повышения производительности труда через формирование движения рационализаторов из числа сотрудников и повышение квалификации рабочих с использованием инфраструктуры WorldSkills. Отдельно рассмотрена проблематика бережливого производства. Выявлен круг проблем, затрудняющих внедрение программ по повышению производительности труда на региональных предприятиях. Сделан вывод о том, что в настоящее время созданы все условия для целенаправленной деятельности предприятий в направлении повышения производительности труда. В то же время проблема повышения производительности труда сегодня остается актуальной, а причины низкой производительности носят комплексный характер и связаны в первую очередь с соответствующей культурой.

Ключевые слова: производительность труда, бережливое производство, региональная экономика, предприятия

Для цитирования: Воронин, А. В. Повышение производительности труда региональных предприятий в контексте реализации федеральных национальных проектов / А. В. Воронин, Л. Л. Мехришвили, Ш. Ф. Фарахутдинов. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-9-26 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 9–26.

Increasing the labor productivity of regional enterprises in the context of the implementation of federal national projects

Alexander V. Voronin¹, Lamara L. Mehrishvili^{2, 3}, Shamil F. Farakhutdinov^{3, 4}

¹*Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

³*West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia*

⁴*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. The article is devoted to the issue of increasing labor productivity at domestic regional enterprises in the context of increased international competition for sales markets. Empirical material based on the results of a study carried out in Tyumen region, a pilot region, for a number of federal programs to increase labor productivity became the basis for an article. The study has been conducted using methods, such as expert survey, content analysis, secondary data analysis. The article draws our attention to the interest and involvement of enterprises in activities to increase labor productivity; the role of education in the studied processes is shown. The text gives valuable information on the experience of introducing best practices (standard solutions) and receiving services to increase labor productivity through specialized centers of competence. An assessment of the level of implementation of digital services was revealed; practices for increasing labor productivity were studied through the formation of a movement of innovators from among employees and advanced training of workers using the WorldSkills infrastructure. It is specially considered the problem of lean production. A range of problems has been identified that hinder the implementation of programs to increase labor productivity at regional enterprises. It is concluded that at present all conditions have been created for the purposeful activity of enterprises in the direction of increasing labor productivity. At the same time, the problem of increasing labor productivity remains relevant today, and the reasons for low productivity are complex and are associated, first of all, with the corresponding culture.

Keywords: labor productivity, lean production, regional economy, enterprises

For citation: Voronin, A. V., Mehrishvili, L. L., & Farakhutdinov, Sh. F. (2022). Increasing the labor productivity of regional enterprises in the context of the implementation of federal national projects. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 9-26. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-9-26

Введение

Производительность труда является одним из ключевых аспектов управления предприятием безотносительно к его отраслевой принадлежности. В литературе производительность труда рассматривается как эффективность труда в процессе производства, которая измеряется количеством времени, затраченного на производство единицы продукции, или количеством продукции, произведенной в единицу времени. Однако научный и практический интерес к этому экономическому показателю в отечественных реалиях оказался незаслуженно низким. М. Ю. Авдеев связывает это с форсированным переходом страны к рыночной экономике, в результате чего погоня за прибылью вытеснила стратегические показатели на второй план [1]. Производительность труда осталась лишь прерогативой теоретиков в сфере экономики труда, в то время как ученые в сфере менеджмента реализовывали себя в более актуальных областях. Сегодня проблематика повышения производительности труда вновь актуализировалась и осознается как важнейшая задача федерального масштаба, на которую указывали Президент РФ и другие орга-

ны власти. Так, фундаментальным тезисом стратегии «Россия 2020» является невозможность качественного экономического роста без повышения производительности труда.

На сегодняшний день среди отечественных исследователей отсутствует единое понимание категории «производительность труда». С. В. Полина, проанализировав различные трактовки данного понятия, отмечает, что большинство авторов характеризуют его как меру эффективности [2]. В целом, соглашаясь с указанным автором, добавим, что производительность труда — это еще и определенный уровень производственной культуры, сформированный на определенном предприятии.

Обзор зарубежной литературы показывает, что вопросам повышения производительности труда посвящено значительное количество работ. В то же время они затрагивают самые различные аспекты проблемы, что приводит к различным подходам к продуктивности. Результаты исследований показывают, что одни и те же факторы в разных условиях могут оказывать противоположное воздействие на производительность [3]. По этой причине для отдельно взятой организации довольно сложно выделить единственный подход, которому она могла бы следовать для достижения высокой производительности [4].

В современной России наблюдается значительная внутриотраслевая дифференциация предприятий по уровню производительности труда. Так, разрыв между лидерами и остальными компаниями отрасли в лесоперерабатывающей промышленности может достигать восьмикратного, а в химической — шестикратного значения. По результатам исследований специалистов НИУ ВШЭ, главными факторами более высокой производительности труда являются размер предприятия, наличие инвестиций в основные фонды и в обучение сотрудников, применение цифровых технологий. Факторами, влияющими на рост производительности труда, выступают «молодость» фирм, а также наличие и размеры расходов на НИОКР. Напротив, факторами низкой производительности труда выступают участие государства в капитале компании и ориентация на спрос государства и госкомпаний [5].

В научной литературе отмечается, что главные проблемы, препятствующие росту производительности труда, состоят в недостаточности у предприятий необходимых для этого ресурсов: кадровых (дефицит на рынке специалистов, обладающих необходимой квалификацией) и финансовых (отсутствие у предприятия необходимых средств, сложность привлечения внешнего финансирования), а также в ограниченных возможностях расширения продаж: относительно небольших объемах рынков, на которых действует предприятие, высоких барьерах для входа на новые рынки. При этом, если ведущие компании конкурируют на рынке труда за лучшие кадры, то отстающие более озабочены мотивацией имеющегося персонала [5].

С сентября 2017 года Минэкономразвития РФ реализует проект по повышению производительности труда и поддержке занятости за счет внутренних резервов предприятий. С 2018 года в качестве пилотного региона Тюменская область участвует в федеральной приоритетной программе «Повышение производительности труда и поддержка занятости», с 2019 года программа трансформирована в национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости».

По данным делового портала правительства Тюменской области, в регионе свою деятельность осуществляют более 500 крупных и средних предприятий [6]. В упомянутом нацпроекте участвуют 68 компаний региона, из которых 26 представляют сектор обрабатывающей промышленности, 21 — АПК, 16 — строительство. В ходе его реализации важное значение имеет обратная связь от всех участников проекта, которая может быть установлена посредством социологического инструментария. Данная работа является результатом социологического исследования и позволяет оценить существующее положение дел в региональном масштабе и способствовать совершенствованию мероприятий, направленных на достижение целей нацпроекта.

Материалы и методы

Исследование реализовано в Тюменской области — регионе, участвующем в качестве пилотной территории для федеральной приоритетной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости», которая с 2019 года трансформирована в национальный проект «Производительность труда». Исследование проведено в рамках исполнения дорожной карты по реализации мероприятий в рамках соглашения о сотрудничестве между правительством Тюменской области и Тюменским индустриальным университетом. Эмпирический материал, на котором базируется данная работа, был собран с использованием таких методов, как экспертный опрос, контент-анализ, анализ вторичных данных.

Экспертный опрос осуществлялся по двум полуструктурированным анкетам и был направлен на разные категории экспертов. В первом случае это — представители региональных предприятий, участвующих в федеральной программе по повышению производительности труда. Во втором — эксперты, напрямую не связанные с производством, но чья деятельность касается данных вопросов: представителей органов власти, общественных организаций, ученых. Всего было опрошено 36 экспертов.

Метод контент-анализа был применен по отношению к видеоматериалам — записям нетворкинг-площадок, которые были запланированы как часть комплекса мероприятий, реализуемых университетом в рамках вышеупомянутой дорожной карты. Всего было проведено две нетворкинг-площадки, а их работа запланирована таким образом, чтобы в ходе обсуждения затрагивались проблемы, сформулированные в качестве задач исследования. Видеозапись каждой из площадок была транскрибирована, а полученные тексты подвергнуты качественному контент-анализу.

Вторичный анализ данных подразумевал изучение материалов, полученных по данной тематике другими исследователями. В нашем случае сюда вошли опросы ВЦИОМ, экспертные опросы, проведенные в других российских регионах, и т. д. Этот метод позволил верифицировать и частично помочь интерпретации полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Данные, полученные в результате проведенного исследования, охватили широкий круг вопросов, связанных с проблематикой повышения производительности труда. Это свя-

зано с характером исследовательского инструментария, подразумевающего сбор мнений экспертов с минимальной формализацией. Так, в анкетах экспертных опросов почти каждый вопрос подразумевал наряду с выбором предложенных вариантов открытый ответ, а в ходе нетворкинг-площадок эксперты свободно высказывали свое мнение по любому аспекту. Таким образом, в ходе исследования нами было получено много разнообразных данных, аналитика которых осуществлялась в логике решения поставленных задач. В данной работе акцентируем внимание на ключевых аспектах, соответствующих задачам исследования.

1. *Заинтересованность и вовлеченность предприятий в деятельность по повышению производительности труда.* Осведомленность населения, экспертного сообщества и широкой общественности о ходе нацпроектов является важным фоном для их реализации и вовлечения широкого круга участников. Циркуляция в информационном пространстве сведений о столь важных для страны изменениях подстегивает к ним интерес и вызывает социальное одобрение, что стимулирует их реализацию. Неслучайно социологические опросы, направленные на выявление информированности россиян о нацпроектах и их узнаваемости, проводятся на системной основе. В частности, ВЦИОМ совместно с АНО «Национальные приоритеты», начиная с 2020 года, реализовал несколько волн опросов об осведомленности россиян относительно национальных целей и реализации национальных проектов [7]. Соответствующий вопрос был включен и в экспертные анкеты нашего исследования.

Эксперты из числа тех, чья деятельность напрямую не связана с производственными процессами, отвечая на вопрос о том, знакомы ли они с нацпроектом по производительности труда, разделились на почти равные группы, среди которых треть (38,4 %) оказалась знакома, еще треть что-то об этом слышала (30,8 %), но детально не знакома, и оставшаяся треть оказалась не осведомлена о проекте (30,8 %). Представители предприятий при ответе на аналогичный вопрос показали большую осведомленность: лишь один из них (10,0 %) отметил, что что-то об этом слышал, остальные ответили утвердительно (90,0 %). Такое распределение ответов, на наш взгляд, можно объяснить тем, что Тюменская область является пилотным регионом, в котором реализуется данный нацпроект, в связи с чем ряд специалистов оказались слабо информированы относительно хода его реализации в регионе.

Нужно отметить, что эксперты — участники нетворкинг-площадки не акцентировали внимание на данном вопросе, что вполне логично — данные представители профессионального сообщества не испытывают проблем с осведомленностью о реализации национального проекта в регионе. К общим пожеланиям эксперты отнесли следующие рекомендации: «повышение информированности руководителей в сфере реализации национального проекта “Повышение производительности труда” и технологий “бережливого производства” как в РФ, так и в Тюменском регионе», а также «более интенсивное освещение информации о проекте и ходе его реализации в региональных СМИ».

Актуальность для предприятий Тюменской области проблемы повышения производительности труда было предложено оценить экспертам по пятибалльной шкале в следующем вопросе анкеты. Большинство экспертов поставили 5 баллов (76 %), еще 20 % — 4 балла, и лишь один эксперт (4 %) — 3 балла. Среди представителей

предприятий, которым было предложено оценить актуальность проблемы на их собственном производстве, высший бал поставили 60 % респондентов, 4 балла — 30 %, а 10 % поставили 3 балла. Таким образом, можно констатировать, что актуальность проблемы в целом осознается большинством экспертов, хотя и не всеми.

Представители экспертов, принявших участие в нетворкинг-площадках в ходе обсуждения данной проблематики, высказывали идеи о более фундаментальных основаниях ее актуальности. В частности, были высказаны рекомендации, согласно которым в современных реалиях необходимо не только продолжать работу в данном направлении, но, прежде всего, необходимо разрабатывать и внедрять длительные проекты с целью формирования «культуры» повышения производительности труда и бережливого производства.

Вопрос о том, какова в нашем регионе доля предприятий с достаточно высоким уровнем производительности труда, был задан только экспертам, напрямую не связанным с деятельностью предприятий. Здесь мнения существенно разделились. Треть респондентов (36 %) указала значение менее 25 %, чуть менее половины (44 %) посчитали, что таких предприятий от 25 до 50 %, а пятая часть (20 %) считает долю таких предприятий высокой — 51–75 %. Такой разброс в ответах, на наш взгляд, можно объяснить отсутствием в открытом информационном пространстве объективных данных, характеризующих эффективность производства Тюменских предприятий.

Для выявления основных причин низкой производительности труда на предприятиях Тюменской области экспертам был задан соответствующий вопрос и возможность выбрать из предложенного списка два варианта. На отсутствие достаточно развитой производственной культуры и низкий уровень цифровой зрелости указали 8 и 9 экспертов соответственно (34,6 и 30,8 %). По 11 респондентов (42,3 %) связали низкую производительность труда с нехваткой квалифицированных кадров, недостаточной эффективностью использования внутренних резервов и технологическим отставанием. На низкое качество менеджмента и политики управления указал лишь 1 эксперт (3,8 %).

Как видим, из представленных ответов трудно выделить какой-то основной фактор. Почти все они были отмечены экспертами в равной мере. Это подчеркивает необходимость комплексного характера мер, необходимых для повышения производительности труда.

2. *Образование в сфере повышения производительности труда.* Важная роль в реализации нацпроекта «Производительность труда» принадлежит деятельности специализированных центров компетенций. Специализированный центр компетенций (СЦК) — это центр развития профессий и профессиональных сообществ WorldSkills, ресурсный центр, обладающий современным оборудованием и технологиями, отвечающими требованиям WorldSkills, а также наличием экспертов для осуществления обучения и оценки соответствующей квалификации по стандартам WorldSkills.

СЦК созданы распоряжением Правительства РФ с целью создания условий для осуществления подготовки кадров по наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям в соответствии с лучшими зарубежными стандартами и передовыми технологиями. СЦК WorldSkills Russia (далее — WSR) — это юридическое лицо, зарегистрированное и осуществляющее деятельность на территории Российской

Федерации для выполнения функций по подготовке участников WSR и проведения соревнований (мероприятий) WSR. При аккредитации СЦК в системе WSR осуществляются мониторинг и проверка по единому стандарту, установленному Союзом WorldSkills, что позволяет многим профессиональным образовательным организациям стремиться соответствовать высоким критериям [8]. Ряд СЦК оказывают услуги по повышению производительности труда.

Оценивая их эффективность, в целом эксперты ставили более высокие баллы, по сравнению с другими аспектами. Несмотря на то, что большинство так же, как и в случае с лучшими практиками, поставили 3 балла (38,5 %), довольно много респондентов выбрали 4 и 5 баллов — 26,9 и 11,5 %. Низкие баллы указали всего 6 экспертов: 2 балла — 15,4 %, 1 балл — 7,7 %.

Направления совершенствования деятельности таких центров эксперты связывали с увеличением их численности, необходимостью приобретения опыта сотрудников центров на лучших предприятиях, разработкой многоуровневых программ непрерывного образования, расширением спектра узкоспециализированных программ направлений подготовки специалистов, расширением сотрудничества с промышленными партнерами, изучением и применением системы «кайдзен», более тесным взаимодействием с вузами. Большинство представителей предприятий указывали на свое сотрудничество со специализированными центрами компетенций в вопросах повышения производительности труда, при этом какие-либо проблемы во взаимодействии с ними упомянуты не были.

Деятельности, значению и роли регионального СЦК представители экспертного сообщества из числа участников нетворкинг-площадок уделили особое внимание. В числе экспертов был и руководитель РЦК, который акцентировал внимание на необходимости расширения функционала Центра в части развития партнерства между высшими учебными заведениями региона и предприятиями по ряду аспектов. Во-первых, была отмечена необходимость обучения преподавательского состава учреждений СПО и ВО знаниям и практическим навыкам по производительности труда и «бережливому производству» посредством участия преподавателей в «Фабрике процессов». Во-вторых, указано на необходимость привлечения студентов в качестве экспертов на предприятия региона для получения знаний и понимания всего процесса «бережливого производства», подготовку специалистов с новыми современными компетенциями «повышения производительности труда и конкурентоспособности предприятий». В-третьих, подчеркнута необходимость участия вузов в работе предприятий и РЦК в рамках проекта «бережливого производства». В-четвертых, предложено апробировать проект/технологии «бережливого производства», «офисных процессов» на базе вузов региона.

Другой аспект, связанный с системой образования в сфере производительности труда, связан с обучением сотрудников предприятий по стандартам WorldSkills. Несмотря на высокую оценку деятельности регионального СЦК, профессиональное обучение, переобучение, повышение квалификации сотрудников по стандартам WorldSkills на предприятиях Тюменской области, по мнению экспертов, осуществляются нечасто. На это указывает распределение ответов на следующий вопрос анкеты. В 1 балл данный аспект оценили 24 % экспертов, в 2 балла — 16 %, в 3 — 44 %, в 4 — 12 %, в 5 — 4 %.

Эти данные подтверждаются и ответами представителей предприятий на вопрос относительно профессионального обучения, переобучения, повышения квалификации сотрудников предприятия по стандартам WorldSkills — большинство ответили отрицательно. Также почти все отрицательные ответы были и на вопрос о том, есть ли на предприятии сотрудники, подтвердившие квалификацию рационализатора и сертифицированные по стандартам WorldSkills. На наличие проблемы в этом аспекте указывает и тот факт, что участники нетворкинг-площадки единодушно обратили особое внимание на необходимость организации тесного сотрудничества предприятий с РЦК при реализации национального проекта.

Обучение специалистов предприятий инструментам повышения производительности труда. В оценках эффективности существующей системы обучения сотрудников предприятий инструментам повышения производительности труда чаще всего эксперты ставили 3 балла, а максимальный балл не выбрал ни один эксперт (1 балл — 7,7 %, 2 балла — 15,4 %, 3 балла — 46,2 %, 4 балла — 30,8 %, 5 баллов — 0 %).

Отмечая недостатки существующей системы обучения сотрудников предприятий инструментам повышения производительности труда, около трети экспертов затруднились с ответом. Те, кто оставил свой комментарий, чаще всего отмечали необходимость индивидуального подхода, формальность и поверхностность обучения, использование малоэффективных методик обучения, отсутствие системности в образовательном процессе, недостаточность практики, незнание системы бережливого производства.

В то же время подавляющее большинство представителей предприятий отметили, что их сотрудники прошли обучение инструментам повышения производительности труда. Среди программ обучения чаще всего упоминались следующие: «Основы бережливого производства», «5S», «Лидеры производительности», «Визуализация», «Реализация проектов по улучшению».

Эксперты, принявшие участие в нетворкинг-площадках, поддержали идею «проводить обучение специалистов (не менее 10–15 % работников предприятия)», «организовывать постоянное обучение сотрудников предприятия технологиям “бережливого производства”, в том числе на базе ведущих (в данном направлении) предприятий».

Обучение управленческим навыкам. В рамках федерального проекта «Системные меры по повышению производительности труда», входящего в национальный проект «Производительность труда» Минэкономразвития России совместно с ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли», реализуется программа профессиональной переподготовки управленческого звена «Лидеры производительности». Программа направлена на проработку ключевых направлений повышения производительности труда для конкретного предприятия, а также разработку плана его реализации. Целевой аудиторией программы являются руководители предприятий и ключевых направлений в компании, а также их заместители.

В настоящее время Росстат и другие субъекты официального статистического учета фиксируют показатели социально-экономического развития РФ, необходимые для мониторинга достижения показателей национальных проектов. Для проекта «Системные меры по повышению производительности труда» фиксируется показатель доли участников программы обучения управленческим навыкам для повышения произво-

длительности труда, удовлетворенных программой обучения. В 2019 году это значение составило 87 %, а в 2020-м — 92 %, что свидетельствует о высоком уровне образовательной программы [9].

Данный факт нашел отражение и в результатах нашего исследования. В оценке эффективности программ обучения управленческим навыкам для повышения производительности труда, которую экспертам было предложено осуществить по пятибалльной шкале, в целом можно увидеть позитивный тренд. Большинство экспертов поставили удовлетворительную и хорошую оценку (3 и 4 балла) — 34,6 и 42,3 % соответственно. Максимальный бал отметили 11,5 % и столько же в совокупности поставили неудовлетворительную оценку (1 и 2 балла).

В анкете представителей предприятий данный вопрос был направлен на выявление факта участия и количества представителей менеджмента предприятия, прошедших обучение по программе управленческих навыков для повышения производительности труда. Все респонденты ответили на данный вопрос утвердительно, а количество прошедших курс в среднем составило 5–7 человек от предприятия.

Эксперты, принявшие участие в работе нетворкинг-площадок, осознавая актуальность проблемы обучения управленческим навыкам представителей менеджерского состава предприятий, предложили «вовлекать в проекты две трети инженерного персонала производственно-инженерной службы» и в целом «формировать мировоззрение “бережливого производства”, которое должно стать образом жизни в первую очередь управленческой команды», «формировать осознанное отношение руководства к механизмам lean».

3. *Внедрение цифровых сервисов по повышению производительности труда посредством цифровой экосистемы национального проекта.* Цифровизация или цифровая трансформация — это глубокое внедрение в бизнес-процессы современных информационных технологий, позволяющее вывести организацию на следующий уровень развития. Речь идет не только и не столько об установке дополнительного оборудования и программного обеспечения, сколько о фундаментальной перестройке всех процессов, протекающих на предприятии. Современные программные решения позволяют автоматизировать бизнес-процессы, избавить сотрудников от рутины и значительно повысить производительность труда. Облачные технологии позволяют совместно работать над проектами, в том числе в актуальном удаленном режиме. Цифровизация меняет подходы к управлению, развивает дополнительные способы коммуникации (как внутри организации, так и с внешним миром), формирует новую корпоративную культуру. Результатом становится повышение конкурентоспособности компании и заметное увеличение ее эффективности. Для оценки уровня цифровизации организации разработан коэффициент цифровизации DQ (Digital Quotient), содержащий четыре субиндекса: стратегию, цифровую культуру, компетенции и организационную модель [10].

В оценке уровня цифровизации предприятий Тюменской области эксперты обошлись без крайних позиций: 1 и 5 баллов не выбрал ни один респондент; 3 балла традиционно стали самой популярной оценкой — ее поставили 53,8 % экспертов, 4 балла поставили 26,9 %, а 2 балла — 19,2 % респондентов.

Отмечая проблемы, с которыми предприятиям Тюменской области приходится сталкиваться при внедрении цифровых сервисов по повышению производительности труда, эксперты чаще всего отмечали отсутствие у рядовых сотрудников навыков использования цифровых технологий и нежелание их осваивать. В отдельных случаях отмечалась дороговизна процесса цифровизации, связанная с обновлением оборудования и программного обеспечения, повышением квалификации персонала.

Представители предприятий, оценивая уровень цифровизации своей организации, также в большинстве случаев ставили 3 балла (60 %). Ниже среднего (2 балла) и низкий уровень (1 балл) отметили по 10 % респондентов. Оценку выше среднего (4 балла) поставили 30 %, а высокую оценку (5 баллов) не поставил никто. На вопрос о том, применялись ли на предприятии за последние 3 года цифровые сервисы по повышению производительности труда, примерно половина респондентов ответила утвердительно. Среди сложностей, с которыми сталкиваются современные предприятия при внедрении цифровых сервисов, респонденты отмечали поиск квалифицированных программистов; высокую стоимость «коробочных» продуктов для малого и среднего бизнеса, необходимость разработки специализированных технических заданий и программного обеспечения.

4. *Лучшие практики (типовые решения) и рационализаторство.* Концепция лучшей практики подразумевает существование в любой сфере деятельности оптимального способа достижения цели. Способа, который может быть формализован и экстраполирован в другие аналогичные или смежные сферы и демонстрировать в них эффективность. Одним из первых идею лучших практик вербализовал основоположник научной организации труда и менеджмента Ф. Тейлор: «Среди всего многообразия методов и инструментов, используемых в каждый момент каждого процесса, всегда есть один метод и инструмент, который работает быстрее и лучше остальных» [11]. В общей трактовке «лучшие практики» — одно или несколько эффективных решений по сокращению потерь в производственных и непроизводственных процессах, позволивших добиться повышения производительности труда в продуктивном потоке или в его части (технологическом процессе, на рабочем месте). К ним целесообразно отнести, например, внедрение инструментов бережливого и/или быстро реагирующего производства, автоматизации процессов, цифровых технологий и т. п.

Лучшая практика повышения производительности труда представляет собой опубликованное либо готовящееся к публикации на ИТ-платформе «производительность.рф» методическое пособие для предприятий одного вида деятельности, разработанное для определенного продуктового потока или его части (технологического процесса), которое содержит набор инструкций (типовых решений) для самостоятельной реализации мероприятий по повышению производительности труда.

Подавляющее большинство экспертов (почти две трети — 61,5 %) поставили этому аспекту удовлетворительную оценку, а максимальный балл не выбрал никто, 4 балла отметили 11,5 % экспертов, 2 балла — 23,1 % экспертов, 1 балл — 3,8 %. Говоря о сложностях, связанных с внедрением лучших практик, эксперты отмечали следующие аспекты: «отсутствие заинтересованности бизнеса»; «отсутствие квалифицированных кадров, необходимость закупки более технологичного оборудования»; «цифрой-

вые и ресурсные ограничения»; «низкая квалификация персонала»; «финансовые ограничения»; «сопротивление изменениям, неадекватная оценка их значимости», «отсутствие опыта»; «слабая информированность о лучших практиках, отсутствие персонала, способного адаптировать».

Отвечая на соответствующий вопрос, представители предприятий указывали на внедрение «5S на рабочих местах, ABC-анализ на складах хранения»; «инструментов бережливого производства, автоматизацию процессов»; «модернизацию производственного участка», «оптимизацию времени перемещения ремонтных бригад».

К числу сложностей и проблем, возникавших при адаптации и внедрении лучших практик (типовых решений), респонденты отмечали сложности восприятия инноваций персоналом, ситуацию с COVID. Значительная часть участников опроса указала на отсутствие каких-либо проблем, а один из респондентов отметил: «Сложности не возникли, так как примененная лучшая практика — собственная разработка».

Рационализаторство как фактор повышения производительности труда имеет в нашей стране богатую историю. Первый законодательный акт, имеющий отношение к организации изобретений, появился в России 17 июня 1812 года, а с середины 60-х до середины 80-х гг. XX в. СССР вышел в мировые лидеры по количеству создаваемых и регистрируемых на государственном уровне изобретений. Таким образом, страна опиралась на интеллектуальный капитал своих граждан, что во многом обеспечивало ее экономическую устойчивость [12]. В настоящее время сбор рацпредложений как целостная система отсутствует, а ее частичное воспроизведение на уровне отдельно взятого предприятия способно в значительной степени повлиять на производительность труда.

Очередной аспект, предложенный экспертам для оценки, был посвящен практике сбора рацпредложений. Здесь ситуация оказалась даже хуже, чем в предыдущих случаях: 42,3 % экспертов поставили 1 или 2 балла, столько же — 3 балла, и лишь 15,4 % респондентов оценили ситуацию с рацпредложениями на «хорошо».

Основные проблемы, связанные с распространением практики сбора рацпредложений в регионе, по мнению экспертов, состоят в отсутствии мотивации у работников, административно-бюрократических сложностях, утрате культуры сбора рацпредложений, отсутствии желания руководства предприятий. По мнению самих представителей предприятий, сложности и проблемы, сопряженные с функционированием системы рацпредложений на предприятии, заключаются в отсутствии мотивации у персонала, а также необходимости совмещения данной деятельности с основными обязанностями при напряженном графике работы.

5. *Проблематика бережливого производства.* Одной из наиболее известных и распространенных технологий повышения производительности труда в международной практике стала концепция бережливого производства, предполагающая включенность всех сотрудников предприятия в процессы устранения потерь ресурсов и времени на всех этапах производства. Отечественный опыт применения данной технологии в настоящее время только формируется, однако уже показывает положительные результаты. Среди лидеров по внедрению бережливых технологий можно назвать такие крупные корпорации, как СБЕР, ОАО «РЖД», «Росатом» и др. С 2014 г. в России разраба-

тывается семейство национальных стандартов «Бережливое производство», позволивших сформировать единую методическую базу: обозначить терминологию, стандартизировать системы менеджмента, разработать процедуры оценки и сертификации, а также описать основные методы и инструменты бережливого производства [13].

Часть экспертов — участников нетворкинг-площадок сфокусировали свое внимание на таком аспекте повышения производительности труда, как реализация технологии «бережливое производство».

Один из экспертов (доктор экономических наук, изучающий данную проблематику) выразил уверенность, что «вникать в принципы бережливости нужно без эйфории», поскольку это всего лишь один из способов улучшения работы предприятия и один из механизмов (инструментов) повышения производительности труда. По ее мнению, фанатичное следование моде, «как показывает жизнь, выкачивает деньги и “ломает” специалистов». Ученый считает, что «бережливое производство» не должно стать «модой» — сегодня важно не столько название, сколько содержание данного процесса. «Бережливое производство» — это длительный процесс, система постоянных улучшений, эффективность которой можно оценить не через несколько месяцев, а только через несколько лет. Вывод, к которому пришел эксперт, состоит в том, что для достижения стратегического преимущества нужно нечто большее, а инструменты бережливости успешно работают лишь в локальных проектах. В этой связи она подчеркнула, что если к 2024 году темпы роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики будут составлять не ниже 5 % в год, то механизм бережливости стоит рассматривать как приоритетный.

Другой эксперт высказал мнение, что цель «бережливого производства» намного шире, чем повышение производительности труда производства — это, скорее, повышение конкурентоспособности предприятия, особенно на уровне региона и значение в решении проблем развития региона. По ее мнению, этот инструмент должен быть адаптирован к особенностям и потребностям каждого отдельного взятого предприятия.

Глубокое обсуждение проблематики бережливого производства позволило экспертам сформулировать ряд предложений, направленных на внедрение этой системы. Первым шагом, по мнению экспертов, является признание руководством предприятия наличия проблем, среди которых отсутствие мотивации к использованию бережливого производства из-за слабой конкуренции или бюджетного финансирования; недостаточность знаний о технологиях бережливого производства и государственной поддержке; сопротивление персонала внедрению бережливого производства.

6. *Сложности в реализации программ по повышению производительности труда на предприятиях и механизмы их преодоления.* Оценивая примерный прирост (в %) производительности труда на предприятиях Тюменской области за последние 2–3 года, большинство экспертов (60 %) отмечали значение, не превышающее 5 %. Пятая часть считает, что это значение составляет 5–10 % и столько же полагает, что прирост составляет более 10 %. Отвечая на аналогичный вопрос, представители предприятий указывали самые разные значения. Кто-то отмечал рост более чем на 30 %, другие указывали на спад производительности из-за COVID-19 и экономической ситуации в целом.

Говоря о существующих препятствиях, затрудняющих более активное участие региональных предприятий в нацпроекте «Производительность труда» и реализации региональных проектов в рамках национального проекта, эксперты отмечали недостаточную информированность тех, на кого этот проект направлен, отсутствие интереса у предприятий, изношенный производственный аппарат. К причинам властного уровня эксперты относили недостаточное межведомственное взаимодействие и недостаток государственной поддержки. Один из экспертов отметил две причины: «формальность внедрения» и «у собственников предприятия нет стратегических целей развития, только тактические».

Сами представители предприятий, оценивая в целом эффективность реализуемой на предприятии программы по повышению производительности труда, ставили в основном удовлетворительные (40 %) и хорошие (40 %) оценки. Еще 20 % экспертов поставили 2 балла. В числе направлений деятельности для совершенствования системы повышения производительности труда на своем предприятии эксперты-практики отмечали необходимость автоматизации групповой упаковки; организации поточного производства; организацию перевозок; модернизацию и автоматизацию производства; обучение вновь принятых сотрудников производственного блока принципам бережливого производства, разработку и внедрение прозрачного механизма оценки изменения производительности, в том числе по направлениям и по компании в целом.

Достаточно детально в своих выступлениях эксперты нетворкинг-площадок очертили круг основных препятствий и проблем, влияющих на эффективность реализации национального проекта на предприятиях Тюменской области. Так, руководитель регионального центра компетенций в сфере производительности труда среди проблем отметил однократное участие предприятий в проекте, короткий срок реализации проекта — всего 4 месяца, зависимость от экспертов, а также сопротивление коллективов намерению руководства перейти на новые инструменты сокращения производственных потерь. Другой эксперт, директор завода, также отметил, что времени реализации проекта (4 месяца) достаточно лишь для того, чтобы раскрутить маховик, но для запуска всех процессов требуется гораздо больший период. Он подчеркнул, что хотя бы раз в полгода РЦК должен устраивать проверочные сессии, а также указал на необходимость обеспечения непрерывности процесса: «производительность труда — процесс, которым нельзя заниматься от случая к случаю».

В числе механизмов мотивации со стороны органов власти региона, которые экспертам предлагали для активизации деятельности предприятий в направлении повышения производительности труда, упоминались самые разнообразные стимулы. Во-первых, это меры монетарного характера, включающие налоговые субсидии, льготы, беспроцентные ссуды, грантовую поддержку, льготное кредитование. Во-вторых, информационная поддержка, включающая привлечение международных экспертов в данной области, освещение успешных региональных кейсов, проведение конкурсов, организацию площадок для обсуждения лучших практик. В-третьих, мероприятия организационного характера, включающие установление обязательных показателей реализации программ повышения квалификации сотрудников для повышения производительности труда, помощь в продвижении продукта/услуги предприятия в регионе и за его пределами.

Рекомендации со стороны представителей предприятий обобщенно можно выразить высказываниями двух экспертов. Первый отметил, что необходимо «повысить информированность собственников, менеджмента и персонала в выгодах реализации проекта, сроках окупаемости вложений; пояснить необходимость реализации проекта как ключевое условие повышения конкурентоспособности предприятия, заработной платы и конкурентоспособности персонала на рынке труда (сотрудник, обученный системе производительности труда или имеющий опыт такой работы, должен быть более ценным на рынке труда)». Второй сделал акцент на том, что «необходимо вести работу с местными крупными предприятиями-заказчиками продукции и услуг МСП для увеличения заказов внутри области, повышении практической направленности участия сотрудников РЦК в совместной работе с конкретным предприятием по повышению производительности».

Предложения экспертного сообщества — участников нетворкинг-площадки по вопросам мотивации предприятий для участия в национальном проекте и повышения производительности труда были направлены не столько в адрес органов власти региона, сколько в адрес самих предприятий — реальных и потенциальных участников пилотного проекта. К приоритетным рекомендациям можно отнести следующие: научить оглашать проблемы; разрабатывать и апробировать офисные процессы (параллельно с производственными); проводить при запуске проекта на предприятии (по истечении 4 месяцев) раз в полгода контрольные (проверочные) сессии с оценкой хода его реализации; диверсифицировать проект на подпроекты (подзадачи) и за каждым назначать руководителя; синхронизировать процессы в подпроектах (во времени и эффективности их реализации); включать в технологии «производительности труда» и «бережливого производства» процессы продаж, оценку поставщиков с точки зрения lean-технологий.

Выводы

В Тюменской области сегодня в целом созданы условия для целенаправленной деятельности предприятий в направлении повышения производительности труда. Этому способствует участие ряда ключевых предприятий региона в нацпроекте, а также высокий уровень свободы действий региональных властей, способных преодолевать ограничения, характерные для федерального уровня. В то же время проблема повышения производительности труда, как показало исследование, сегодня остается актуальной для региональных предприятий. Полученные данные свидетельствуют о значительной дифференциации предприятий по уровню производительности труда и включенности в процессы по ее повышению, что можно объяснить разным уровнем их информированности. Таким образом, нам представляется, что важным направлением повышения вовлеченности различных субъектов является расширение информационного поля и трансляции валидной информации на максимально широкую аудиторию.

Обучение управленческим навыкам по повышению производительности труда «Лидеры производительности» осуществляется на федеральном уровне, а ее эффективность не вызывает сомнений. Высокий уровень данной программы подтверждается как

статистическими данными, так и высокими оценками экспертов. Говоря об образовании специалистов, эффективность существующей системы обучения эксперты чаще всего оценивали средним баллом. Отмечая недостатки, они указали на необходимость индивидуального подхода, формальность и поверхностность обучения, использование малоэффективных методик обучения, отсутствие системности в образовательном процессе, недостаточность практики, незнание системы бережливого производства. Заметно хуже обстоят дела с профессиональным обучением, переобучением, повышением квалификации сотрудников по стандартам WorldSkills на предприятиях Тюменской области. Основная проблема заключается в том, что обучение рядовых сотрудников предприятия осуществляется нечасто.

В оценке уровня цифровизации предприятий Тюменской области эксперты обошлись без крайних позиций, оценивая ее на «среднем» уровне. К числу проблем можно отнести отсутствие у рядовых сотрудников навыков использования цифровых технологий и нежелание их осваивать, дороговизну процесса цифровизации, связанную с обновлением оборудования и программного обеспечения, повышением квалификации персонала. Также имеют место сложности при поиске квалифицированных программистов; высокая стоимость «коробочных» продуктов для малого и среднего бизнеса, необходимость разработки специализированных технических заданий и программного обеспечения.

Внедрение лучших практик (типовых решений) на предприятиях региона в настоящее время оставляет желать лучшего. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае со сбором и внедрением рацпредложений. Исследование показало, что основные сложности и проблемы, связанные с этим аспектом, связаны с их восприятием персоналом: отсутствие мотивации, административно-бюрократические сложности, отсутствие соответствующей культуры.

Инструменты бережливого производства, о которых в настоящее время много говорят в контексте повышения производительности труда, нельзя рассматривать как панацею. Они имеют ограниченное влияние и в полной мере способны показать свою эффективность только в долгосрочной перспективе.

Препятствиями, затрудняющими более активное участие региональных предприятий в нацпроекте «Производительность труда» и реализации региональных проектов в рамках национального проекта, являются недостаточная информированность тех, на кого этот проект направлен; отсутствие интереса у предприятий; изношенный производственный аппарат. К причинам властного уровня эксперты относили недостаточное межведомственное взаимодействие; недостаток государственной поддержки; однократное участие предприятий в проекте, короткий срок реализации проекта — всего 4 месяца.

Подводя итог, отметим, что причины низкой производительности носят комплексный характер, однако главным препятствием остается отсутствие в современной региональной бизнес-среде соответствующих установок. Сегодня только зарождается понимание того, что проблема лежит в фундаментальной плоскости, а формирование «культуры» повышения производительности труда и бережливого производства способно оказывать позитивное влияние в долгосрочной перспективе.

Список источников

- [1] Авдеев, М. Ю. Актуальность проблемы управления производительностью труда на современном этапе / М. Ю. Авдеев. – Текст : электронный // Вестник Евразийской науки. – 2019. – Т. 11, № 3. – URL: <https://esj.today/PDF/44ECVN319.pdf>.
- [2] Полина, С. В. Проблемы повышения производительности труда в экономике региона / С. В. Полина. – Текст : электронный // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 1 (36). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2133>.
- [3] Millea, M. Does pay affect productivity or react to it?: Examination of U.S. manufacturing / M. Millea, S. M. Fuess. – DOI 10.1016/j.qref.2004.06.004. – Direct text // The Quarterly Review of Economics and Finance. – 2005. – Vol. 45, Issue 4–5. – P. 796–807.
- [4] Goel, V. Factors affecting labour productivity : an integrative synthesis and productivity modelling / V. Goel, R. Agrawal, V. Sharma. – DOI 10.1504/GBER.2017.083964. – Direct text // Global Business and Economics Review. – 2017. – Vol. 19, Issue 3. – P. 299–322.
- [5] Симачев, Ю. В. Факторы роста производительности труда на предприятиях несырьевых секторов российской экономики : доклад / Ю. В. Симачев, М. Г. Кузык, А. А. Федюнина [и др.]. – Текст : непосредственный // XXI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – 2020. – Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. – С. 4–60.
- [6] Промышленные предприятия. Деловой портал правительства Тюменской области. – Текст : электронный // Департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства Тюменской области : сайт. – URL: <https://www.tyumen-region.ru/support/industry/enterprises/>.
- [7] Нацпроекты : тренды-2021. Аналитический обзор ВЦИОМ от 19 июля 2021 г. – Текст : электронный // ВЦИОМ : сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacproekty-trendy-2021> (дата обращения: 12.12.2021).
- [8] Малиновский, Е. С. Специализированные центры компетенций в Российской Федерации / Е. С. Малиновский. – Текст : непосредственный // Мир педагогики и психологии. – 2020. – № 10 (51). – С. 58–65.
- [9] Доля участников программы обучения управленческим навыкам для повышения производительности труда, удовлетворенных программой обучения. – Текст : электронный // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) : сайт. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/60308> (дата обращения: 12.12.2021).
- [10] Кельчевская, Н. Р. Влияние цифровых технологий отраслей промышленности на потенциальный экономический эффект / Н. Р. Кельчевская, Е. В. Ширинкина. – DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-2-19-30. – Текст : непосредственный // Мир экономики и управления. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 19–30.
- [11] Тейлор, Ф. У. Принципы научного менеджмента / Ф. У. Тейлор ; перевод с английского А. И. Зак. – Москва : Изд-во стандартов, 1991. – 104 с. – Перевод изд.: Scientific Management / Frederick Winslow Taylor. New York, London, 1911. – Текст : непосредственный.

- [12] Соснина, Т. Н. Использование отечественного и зарубежного опыта организации изобретательской и рационализаторской деятельности как фактор инновационного развития России / Т. Н. Соснина. – Текст : непосредственный // Россия : тенденции и перспективы развития. Сборник трудов конференции. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. – № 12–2. – С. 530–532.
- [13] Бирюкова, Л. В. Бережливое производство как технология повышения производительности труда / Л. В. Бирюкова, Е. Ю. Апханова. – DOI 10.38161/2618-9526-2020-1-2-21. – Текст : непосредственный // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2020. – № 1–2 (102–103). – С. 55–60.

References

- [1] Avdeev, M. Yu. (2019). The urgency of the problem of labor productivity management at the present stage. *The Eurasian Scientific Journal*, 11(3). (In Russian). Available at: <https://esj.today/PDF/44ECVN319.pdf>
- [2] Polina, S. V. (2017). Problems of increasing labor productivity in the economy of the region. *Territorial development issues*, (1(36)), 7 p. (In Russian). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2133>
- [3] Millea, M., & Fuess, S. M. (2005). Does pay affect productivity or react to it?: Examination of U.S. manufacturing. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 45(4-5), pp. 796-807. (In English). DOI: 10.1016/j.qref.2004.06.004
- [4] Goel, V., Agrawal, R., & Sharma, V. (2017). Factors affecting labour productivity: an integrative synthesis and productivity modelling. *Global Business and Economics Review*, 19(3), pp. 299-322. (In English). DOI: 10.1504/GBER.2017.10004593
- [5] Simachev, Yu. V., Kuzyk, M. G., Fedyunina, A. A., Yurevich, M. A., & Zaytsev, A. A. (2020). *Factory rosta proizvoditel'nosti truda na predpriyatiyakh nesyr'evykh sektorov Rossiyskoy ekonomiki: doklad. XXI Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*, HSE University Publ., pp. 4-60. (In Russian).
- [6] *Promyshlennye predpriyatiya*. Delovoy portal pravitel'stva Tyumenskoy oblasti. (In Russian). Available at: <https://www.tyumen-region.ru/support/industry/enterprises/>
- [7] *Natsproekty : trendy-2021. Analiticheskiy obzor VTSIOM ot 19 iyulya 2021 g.* (In Russian). Available at: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacproekty-trendy-2021>
- [8] Malinovsky, E. S. (2020). Specialized competence centers in the Russian Federation. *Mir pedagogiki i psikhologii*, (10(51)), pp. 58-65. (In Russian).
- [9] *Dolya uchastnikov programmy obucheniya upravlencheskim navykam dlya povysheniya proizvoditel'nosti truda, udovletvorenykh programmoy obucheniya.* (In Russian). Available at: <https://fedstat.ru/indicator/60308>
- [10] Kelchevskaya, N. R., & Shirinkina, E. V. (2019). The impact of digital technologies in industrial sectors on potential economic effect. *World of economics and management*, 19(2), pp. 19-30. (In Russian). DOI: 10.25205/2542-0429-2019-19-2-19-30

- [11] Taylor, F. W. (1911). *Scientific Management*. New York, London, Harper. 144 p. (In English).
- [12] Sosnina, T. N. (2017). Ispol'zovanie otechestvennogo i zarubezhnogo opyta organizatsii izobretatel'skoy i ratsionalizatorskoy deyatel'nosti kak faktor innovatsionnogo razvitiya Rossii. Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Sbornik trudov konferentsii. Moscow, Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, (12-2), pp. 530-532.
- [13] Biryukova, L. V., & Apkhanova, E. Y. (2020). Lean production as a technology for increasing labor productivity. *Vestnik of Khabarovsk State University of Economics and Law*, (1-2), pp. 55-60. (In Russian). DOI: 10.38161/2618-9526-2020-1-2-21

Статья поступила в редакцию 08.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 11.02.2022.

The article was submitted 08.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 11.02.2022.

УДК 316.64

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-27-40

Проблема фрагментации университетского сообщества в оценках вузовских преподавателей

Светлана Георгиевна Ермолаева

Кафедра управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Актуальность изучения феномена фрагментации университетского сообщества обусловлена необходимостью социологического анализа латентных последствий внедрения в российском высшем образовании модели академического менеджериализма. В новых условиях университетского управления, базирующегося на принципах стимулирования конкуренции, бюрократизации контроля, формализации системы оценивания академического труда, рационализации затрат, в университетском сообществе возникла крайняя форма его дифференциации — фрагментация. Академический менеджериализм создает организационный и институциональный контекст для этого процесса. Вместо сплоченности и интеграции, необходимых для решения новых стратегических задач университетского развития, возникли сегментация и поляризация. Фрагментация университетского сообщества представляет собой вызов российскому высшему образованию, потому что лишает его важных нематериальных ресурсов — внутригруппового доверия, солидарности, взаимности. Цель статьи заключается в обосновании признаков фрагментации академического сообщества в российских университетах в условиях академического менеджериализма. В статье раскрываются понятие фрагментации университетского сообщества, восприятие фрагментации представителями университетских сообществ, показана связь фрагментации академического сообщества с установлением новой модели образовательного менеджмента. Первый вопрос базируется на теоретическом анализе философских и социологических концепций фрагментации, а также исследований академической профессии. Второй и третий вопросы раскрываются на основе данных эмпирического исследования, проведенного в 2020–2021 гг. в университетах Свердловской области. Основным методом является глубинное интервью с научными и педагогическими сотрудниками университетов ($n = 20$). Дополнительно был использован метод вторичного анализа данных исследований, посвященных университетскому управлению и академическому сообществу в современных российских университетах.

Ключевые слова: университетское управление, академический менеджериализм, фрагментация, университетское сообщество, высшее образование

Для цитирования: Ермолаева, С. Г. Проблема фрагментации университетского сообщества в оценках вузовских преподавателей / С. Г. Ермолаева. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-27-40 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 27–40.

The fragmentation of the university community in the assessments of university teachers

Svetlana G. Ermolaeva

Department of Personnel Management and Psychology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The relevance of studying the fragmentation of the university community is due to the need for a sociological analysis of the latent consequences of the implementation of the academic managerialism model in Russian higher education. In the new conditions of university management, based on the principles of stimulating competition, bureaucratization of control, formalization of the system of evaluation of academic work, rationalization of costs, an extreme form of its differentiation has emerged in the university community. It was called fragmentation. Academic managerialism creates an organizational and institutional context for this process. Instead of the cohesion and integration necessary to solve the new strategic tasks of university development, segmentation and polarization have emerged. The fragmentation of the university communities is a challenge to Russian higher education, because it deprives universities of important intangible resources, such as intragroup trust, solidarity, and reciprocity. The aim of the article is to substantiate the signs of fragmentation of the academic communities in Russian universities in the conditions of academic managerialism. The article reveals the concept of fragmentation of the university community, the perception of fragmentation by representatives of university communities, shows the correlation the fragmentation of the academic community with the implementation of a new model of educational management. The first question is based on a theoretical analysis of the philosophical and sociological conceptions of fragmentation, as well as research on the academic profession. The second and third questions are revealed using the empirical data of study (2020-2021, universities of Sverdlovsk region of the Russian Federation). The main method was an in-depth interview with scientific and pedagogical staff of universities (n = 20). Additionally, the author of the article used the method of secondary analysis of research data on university management and the academic communities in Russian universities.

Keywords: university management, academic managerialism, fragmentation, university community, higher education

For citation: Ermolaeva, S. G. (2022). The fragmentation of the university community in the assessments of university teachers. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 27-40. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-27-40

Введение

Имплементация в российских университетах новой модели управления, получившей название академического менеджериализма, привела к глубокой трансформации академического сообщества. Постепенно изменились условия и содержание академической профессии, принципы конкурсного отбора и условия академического контракта. Вслед за изменениями формальных аспектов академической сферы оказались деформированными традиции «старой» университетской культуры и отношения внутри университетских сообществ. Ранее преподаватели, исследователи, методисты и администраторы представляли собой относительно целостное университетское сообщество. Оно скреплялось едиными ценностями, нормами, паттернами поведения, профессиональными и корпоративными целями деятельности, историей. Сегодня во многих российских университетах как будто возникли параллельные миры, в которых протекает жизнь «академиков» и менеджеров. Само академическое сообщество также оказалось расколотым на фрагменты: есть сообщества экономистов, социологов, инженеров, биологов, физиков и т. д. Внутри дисциплинарных сообществ также наблюдаются центробежные процессы. Иногда одна научная школа не знает, что исследует другая школа, или не хочет принять и оценить ее вклад в развитие данной науки. «Трещины» прошли по тем же траекториям, по которым раньше пролегали связи, скреплявшие университетское сообщество.

В данной статье мы ставим вопрос: насколько критична ситуация в российском академическом сообществе, определяемая как его фрагментация? Возможно, эта ситуация снижает потенциал российского высшего образования и университетской науки. Возможно, наоборот, в этой ситуации латентно формируются основания для нового социального порядка, солидарности, идентичности.

Поскольку проблема фрагментации университетского сообщества является малоизученной, мы обратились к двум группам работ, составившим теоретический бэкграунд разработки темы. Первая группа — фундаментальные теоретические работы по философии и социологии, в которых концептуализировано понятие социальной фрагментации. К ним были отнесены концепции Ж.-Ф. Лиотара [1], З. Баумана [2; 3], Н. Лумана [4]. Вторая группа — исследования по общим проблемам современного высшего образования и трансформации университетов и академической профессии. Среди наиболее авторитетных исследователей отметим Ф. Альтбаха [5], Б. Кларка [6], Р. Дим [7], С. Уитчерч [8; 9]. В российской науке эта тема поднимается в работах Р.Н. Абрамова [10], М. М. Юдкевич, Я. И. Кузьмина [11], Г. Е. Зборовского [12], М. В. Курбатовой [13], С. Д. Резника [14] и др.

Цель исследования заключалась в обосновании признаков фрагментации академического сообщества в российских университетах, возникающей в условиях академического менеджериализма. Исследовательские задачи, представленные в статье: 1) рассмотрение понятия фрагментации университетского сообщества; 2) анализ восприятия феномена фрагментации представителями университетских сообществ; 3) изучение связи фрагментации академического сообщества с новой моделью университетского менеджмента.

Материалы и методы

В исследовании был использован метод анализа и обобщения положений социологических теорий, раскрывающих сущность и признаки социальной фрагментации, а также экстраполяции этих тезисов на сферу образования и деятельности академического сообщества. Результаты такого анализа составили основу первого исследовательского вопроса. Второй и третий вопросы были раскрыты на основе материалов эмпирического исследования, проведенного автором в 2020–2021 гг. в университетах Свердловской области. Изучение влияния академического менеджериализма на академическое сообщество является «закрытой» темой, поэтому была использована качественная методическая стратегия, позволяющая снять социально-психологические трудности сбора информации и выявить латентные связи между новой моделью университетского управления и процессами фрагментации сообщества «академиков». Основным методом исследования — глубинное интервью с научными и педагогическими сотрудниками университетов ($n = 20$). Из текстов интервью были выделены утверждения, касающиеся принципов академического менеджериализма. Затем утверждения были сгруппированы по полюсу их оценки (разделены на позитивные и негативные).

Дополнительно был использован метод вторичного анализа данных исследований, посвященных университетскому управлению и академическому сообществу в со-

временных российских университетах в других регионах страны. Результаты этих исследований были структурированы в соответствии с теми же критериями, что и данные глубинных интервью, проведенных автором. Такой подход позволил сопоставить процессы, происходящие в вузах Свердловской области, с процессами, разворачивающимися в российском высшем образовании в целом (в других регионах, ведущих университетах страны). Личный опыт автора, работающего в вузе с 1980-х гг., послужил дополнительной рамкой для оценивания тенденций дифференциации университетского сообщества.

Результаты и обсуждение

Понятие фрагментации университетского сообщества

Понятие фрагментации получило распространение в современной гуманитарной и социальной науке. Философы-постмодернисты и социологи-постмодернисты считали фрагментарность мира и социального порядка принципом жизнедеятельности общества постмодерна. Ж.-Ф. Лиотар [1] и З. Бауман [2; 3] обосновали применение данного понятия к особым состояниям и процессам дифференциации социума, социальных групп и сообществ, которые характеризуются раздробленностью, распадом на микроструктуры и принципиальным отсутствием оснований для их интеграции, единства и восстановления целостности. По их мнению, социальная фрагментация является своеобразным ответом на кризисные процессы в социуме. Она означает дискретность, разрыв связей между элементами социальной системы, «закрывание» социальных групп от интенсивного взаимодействия, возникновение разнообразных конфликтов между ними. Одной из причин фрагментации является снижение доверия к социальным институтам (власти, профсоюзам, образованию и др.), веры в полезность совместных, коллективных действий.

Исследователи рассматривают фрагментацию как результат двух стратегий поведения социальных групп и общностей в кризисной ситуации. Первая стратегия — самозамыкание социальной общности как способ ограничения и защиты своих интересов во враждебной, конфликтной среде. Вторая — стратегия ухода от социального конфликта, открытого столкновения путем абсолютного или максимального ограничения межгрупповых (межобщностных) связей. Таким образом, фрагментацию можно рассматривать как форму чрезмерной социальной дифференциации.

Социальная фрагментация тесно связана с феноменом индивидуализированного общества, понятие которого было концептуализировано Н. Луманом и З. Бауманом. З. Бауман описывал в своих работах социальную реальность «разделенной», «разобщенной», «дисперсной», «растекающейся» поздней модернити. Социолог пишет о хрупкости и нечеткости целей, статуса человека в таком обществе. Фрагмент книги З. Баумана можно считать эпиграфом к анализу любых проявлений социальной фрагментации: «Оставь надежду на цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текучей современности» [3]. По мнению Н. Лумана, фрагментация не возникает внезапно, как некое состояние, а проявляется как процесс. У него есть латентная, подготовительная стадия, во время которой вызревают предпосылки и появляются

отдельные маркеры фрагментации. Их знание и понимание важно для тех социальных субъектов и структур, которые управляют обществом, а значит, могут влиять на процессы фрагментации [4].

Рассматривая понятие фрагментации, мы обращаем внимание на работы Г. М. Маклюэна, в которых американский исследователь характеризует мозаичность медиа, влияние этого фактора на преобразование социума. Г. Маклюэн также считал, что фрагментированный характер приобрело образование: «Наше образование давно приобрело фрагментарный и осколочный механизм. Ныне оно находится под все более возрастающим давлением, подталкивающим его к обретению глубины и взаимосвязи, без которых никак нельзя обойтись в мгновенном всеобъемлющем мире электрической организации» [15].

Философия и социология постмодерна создала фундаментальную основу для исследования процессов фрагментации академического сообщества в современных университетах. Предпосылки и факторы появления этого феномена в высшем образовании связаны с трансформацией академической профессии, которая происходит в последние десятилетия во всех странах мира. Меняются социальные роли профессоров, исследователей, университетских администраторов. В одних случаях происходит их смешивание, в других — они диаметрально расходятся, вступая в конфликт между собой. Формулируются новые цели и форматы профессионального развития «академиков». По мнению С. Уитчерч, эволюция современного академического сообщества идет от конфликта между «академиками» и «администраторами» к появлению «третьего пространства» [9], в котором у каждой группы формируются новые смешанные роли, цели, форматы деятельности. За счет этого постепенно вырабатывается метод погашения конфликта между ними.

Переструктурирование университетского сообщества тесно связано с изменением моделей университета и университетского управления. Разработка этой проблемы ведется социологами с конца 1990-х гг. [16; 17]. Они показали неоднозначность оценок академическим сообществом новой модели управления системой высшего образования, а также университетского менеджмента. По мнению авторов, наиболее успешно адаптировались к новому управлению преподаватели университетов развитых стран. Среди них оказалось «меньшинство академиков, деморализованных текущими процессами принятия решений» [18] и воспринимающих новую университетскую среду как неадекватное окружение. Благоприятным фактором стало то обстоятельство, что многие университеты уже имели положительный опыт взаимодействия выдающихся профессоров и опытных менеджеров, создававшего атмосферу взаимного уважения и разумного разделения власти. Напротив, в университетах менее развитых и развивающихся стран взаимодействие «академиков» и «администраторов» оказалось «хрупким» в силу очевидного доминирования власти менеджеров и относительно небольшого объема власти у профессорско-преподавательского состава.

Еще один фактор, определяющий фрагментацию университетского сообщества, можно идентифицировать с помощью объяснительной модели Б. Кларка. Б. Кларк обратил внимание на три паттерна, в соответствии с которыми координацию осуществляют либо ведущие профессора (Германия, Италия, Португалия), либо государство

(Япония, Корея, Бразилия), либо рынок (США, Австралия, Великобритания). Исследование CAP показало, что в «профессорских» системах чаще возникает напряжение между старшим и младшим поколением «академиков», чей голос в управлении почти не слышен. В «рыночных» же системах ниже уровень лояльности «академиков» к университетам и оценки компетентности менеджмента, выше недовольство громоздкостью университетской бюрократии [18].

Анализ философских и социологических теорий фрагментации, а также результатов исследований трансформации академического сообщества и академической профессии позволил нам разработать собственную трактовку фрагментации университетского сообщества. Мы интерпретируем в статье данный феномен как особую форму социальной дифференциации университетского сообщества, при которой происходит его раскол на несколько изолированных групп, закрытых для интенсивного взаимодействия и интеграции. Признаками фрагментации можно считать следующие маркеры: 1) принципиальное отсутствие у этих групп общей идентичности; 2) различие близких профессиональных целей, событий, повестки повседневной деятельности; 3) отсутствие способности к объединению для защиты своих интересов; 4) поляризацию (антагонизм, конфликтность) отношений; 5) различия ценностей и норм взаимодействия.

Для эмпирического исследования важным является выделение синонимического ряда понятий, позволяющих определить рамки семантического поля применения понятия «фрагментация» в исследованиях социальных явлений. Среди таких синонимов — «отщепы», «осколки», «сегменты», «разрывы», «мозаичность», «расколотость», «социальная сегментация», «социальная дезинтеграция», «поляризация», «диверсификация», «хрупкость», «атомизация» и др.

Восприятие фрагментации представителями университетского сообщества

Научно-педагогические сотрудники российских университетов по-разному воспринимают процесс фрагментации университетского сообщества, хотя его признаки фиксируются всеми представителями академической профессии. Первая группа «академиков» четко осознает этот процесс и ощущает его деструктивное влияние в своей профессиональной деятельности. Ее представители очень остро воспринимают разрывы традиционных формальных и неформальных связей, сложившихся внутри университета и за его границами. Приведем отрывок из интервью: *«Очевидно, что в университете (как в нашем, так и других) усиливаются различия между группами сотрудников. Это не просто дифференциация. Происходит поляризация сообщества. С одной стороны, есть педагоги, исследователи, кандидаты наук, доктора наук. Это особая категория людей. Они живут в университете своей жизнью. У них свои цели, проблемы и заботы. С другой стороны, есть менеджеры разных уровней управления. Они все больше и больше дистанцируются от педагогов и студентов, превращаются в особую управленческую касту в университете»* (информант № 3, профессор, доктор наук).

По мнению информантов первой группы, расколотость университетского сообщества они видят и ощущают в личных отношениях и взаимодействиях и на групповом уровне. Они воспринимают это состояние как «упадок», «гибель» университета, его традиций, университетского этоса. Признаками фрагментации они считают снижение

уровня доверия к коллегам, в некоторых случаях возникновение тотального недоверия: *«Я думаю, что одним из ярких признаков этой разобщенности является снижение уровня доверия друг к другу, к коллегам по кафедре, к другим кафедрам. Остаются доверительные отношения, которые проверены временем. Остаются доверие к конкретным людям, которые не поведут себя подло, которые не будут что-то делать за спиной. А если это и случится, то подойдут и честно об этом скажут. А вот доверие к университету в целом нивелируется, смазывается. Возникает стремление оградить себя от этих негативных “других” людей. Все это и приводит к дистанцированности. Мы начинаем держать оборону там, где надо и не надо. В этих ситуациях мы лишний раз промолчим, потому что последствия могут быть непредсказуемы»* (информант № 1, доцент, кандидат наук).

Другим признаком фрагментации, по мнению информантов, является исчезновение традиционных кафедральных или университетских неформальных встреч: *«Университетское сообщество слабо развито, потому что нет ощущения, что в нем есть какая-то корпоративная группа или какие-то корпоративные мероприятия для того, чтобы почувствовать себя частью этого сообщества»* (информант № 10, доцент, кандидат наук).

Первая группа информантов четко артикулировала такой признак фрагментации, как резкое ослабление профессиональной солидарности, стремления защищать профессиональные интересы и права. Аргументом служит следующее высказывание: *«Одно из проявлений (фрагментации) — низкий уровень заинтересованности коллег в совместном решении проблем университета. Много формализма. Например, пришли на собрание коллектива просто потому, что нужно кого-то выбрать, чтобы он представлял интересы кафедры, института (в университетских органах управления). Но этот представитель не защищает интересы, а просто слушает и потом рассказывает, что запомнил. Нет у коллектива заинтересованности в формировании этой солидарности, в поддержке общих интересов, решении общих проблем»* (информант № 8, доцент, кандидат наук).

Вторая группа «академиков» фиксирует отдельные проявления фрагментации. Мифологема о принципиальном единстве и солидарности университетского сообщества, утвердившаяся еще в советский период истории нашей страны, до сих пор живет в их сознании. Они не часто задумаются над этой проблемой, потому что больше озабочены адаптацией к усложняющимся условиям академической работы. Посмотреть на эту ситуацию в целом, охватить ее они не могут. В то же время представители второй группы отметили среди ключевых проблем университетского сообщества много признаков фрагментации. Среди них — зависть и недовольство различиями в оплате труда разных групп «академиков», а также в оплате труда «академиков» и «администраторов»: *«В университете есть напряженные отношения между безразличными ко всему “чиновниками” и малооплачиваемыми преподавателями. Ситуация напряженности сохранится до тех пор, пока преподаватели будут получать нищенскую зарплату. Ни о какой солидарности не может идти речи, пока разница составляет в 10–12 раз. Наверное, это наиболее ярко проявляется между преподавателями и ректоратом, администрацией»* (информант № 5, доцент, кандидат наук).

Особым признаком «расколотости» университетского сообщества вторая группа информантов выделила усиление конкуренции за гранты и финансовые ресурсы: *«Хотя и раньше ориентация на здоровую конкуренцию была, но сейчас она достигла очень высокого уровня. Фокус разногласий сосредоточен на сфере финансирования и исполнения показателей эффективности. В этой сфере наблюдается радикальный индивидуализм. Активность сотрудников направлена не на интеграцию и совместные решения каких-то задач, проектов. Большие научные коллективы становятся маленькими. Между этими группами можно увидеть борьбу интересов за подачу заявок на внутренние и внешние гранты»* (информант № 15, доцент, кандидат наук).

Характерной чертой второй группы информантов была интерпретация фрагментации как следствия индивидуального поведения отдельных коллег: *«Наверно, в университете так же, как и в любой другой организации, есть различия и дистанция между сотрудниками. Мне кажется, что это в большей степени зависит от личности самого человека, его умения договариваться, общаться, выстраивать эффективные контакты, профессиональные отношения с любым сообществом, с любыми группами и бесконфликтные ситуации поддерживать»* (информант № 16, доцент, кандидат наук).

Многие представители данной группы респондентов говорили, что им приходится взаимодействовать с разными людьми: одни стремятся к сотрудничеству, новым контактам — как личным, так и деловым; другие перестают открыто общаться, делиться информацией в силу доминирования их личных интересов. Такой спектр взаимодействий — от стремления к сотрудничеству новых коллег до разрыва привычных кафедральных связей с прежними коллегами — воспринимается описываемой группой информантов спокойно, как ситуация «нормального кризиса» современного университета. Приведем один из самых убедительных фрагментов интервью: *«В рыночной экономике нет и не может быть солидарности. Контрактная система давно убила всякую солидарность. Однако можно говорить о каких-то традициях, они пока что, в определенной степени, сохраняются, в особенности у преподавателей старшего и среднего возраста»* (информант № 19, доцент, доктор наук).

Таким образом, мы можем констатировать, что процессы фрагментации в университетском сообществе наблюдаются, но рефлексированы только частью академического сообщества. Мы можем предположить, что это происходит вследствие социокультурной инерции, характерной для «академиков», стремящихся сохранить в «текущем» мире современного университета старые традиции, связи, отношения. Другая же часть университетского сообщества, действительно, оказалась отколотой, поэтому фиксирует как объективные, так и субъективные признаки фрагментарности.

Связь между фрагментацией университетского сообщества и внедрением новой модели университетского менеджмента

Исследование позволило установить связь фрагментации университетского сообщества с новой моделью университетского управления — академическим менеджериализмом. Информантам был задан вопрос о факторах, которые вызывают и усиливают процесс фрагментации в университетском сообществе. Во всех ответах (явно или ла-

тентно, в большей или меньшей степени) присутствовало указание на фактор университетского управления.

По мнению информанта № 12, политика министерства науки и высшего образования и университетского руководства требует от сотрудников кафедр выполнение плана набора абитуриентов. Это автоматически приводит не только к внешней конкуренции (между университетами), но самое главное — к внутренней конкуренции между образовательными программами, институтами, кафедрами. Порой конкурентная борьба сопровождается нечестными приемами: *«В этом году наши “коллеги” из другого института воспользовались ситуацией и стали переманивать абитуриентов на свои программы. Они звонили им и в разговоре не свои достоинства подчеркивали, а использовали “черный” PR, то есть ругали наши программы, наших преподавателей. Но ведь это же наши коллеги, с некоторыми из них мы учились в университете, знаем лично. Это печально»* (информант № 12, профессор, доктор наук).

К сожалению, борьба за абитуриентов — это только одно из многих проявлений жесткой конкуренции внутри университетского сообщества. Часто предметом конкуренции становятся финансовые ресурсы на развитие науки, стажировки преподавателей, внутренние гранты, ставки сотрудников и др. Финансовые ресурсы необходимы для развития кафедр и институтов, укрепления их позиции в университетском рейтинге. По мнению информантов, установление жестких показателей эффективности и недостаток ресурсов для их достижения усиливают тенденцию фрагментации: *«В университете сейчас много таких моментов, которые вынуждают нас конкурировать. Это изменения академической работы, которые связаны с достижением определенных показателей эффективности. Сегодня вузы должны участвовать в рейтингах — предметных, университетских, национальных, международных. Борьба за эти показатели и приводит к атомизации наших университетских сообществ»* (информант № 7, доцент, кандидат наук).

Большое значение для интеграции и фрагментации университетского сообщества имеет фактор управленческого лидерства. Информантами было отмечено, что среди университетских руководителей сегодня появилось много «эффективных» менеджеров, которые не хотят вникать в особенности академической профессии, используют административные методы управления вместо приемов академического лидерства, ресурсов экспертной власти. Такие менеджеры плохо выстраивают коммуникации на уровне кафедр, институтов, университета. Приведем отрывок из интервью: *«У меня такое ощущение, что руководители не хотят нас видеть и разговаривать. Один из них говорит: “Мне некогда разбираться в ваших отношениях”. Другой, за два года руководства, только поздравляет нас с началом учебного года. Ему некогда встретиться с профессорами, молодыми талантливыми исследователями нашего института. Круг его общения — такие же администраторы, как и он. Откуда возьмется солидарность? Мы работаем как будто на разных планетах. Где существует высокий уровень культуры общения, взаимодействия, там будет единство, целостность. Именно руководитель может организовать работу коллектива, поддерживать тесные отношения и корпоративность в нем, дух солидарности»* (информант № 18, доцент, кандидат наук).

Некоторые интервью показали, что фрагментация университетского сообщества в российских вузах — не только стихийный процесс, складывающийся под влиянием изменений высшего образования. Это также процесс, целенаправленно запущенный и «дирижируемый» новым университетским менеджментом.

«Мне иногда кажется, что директор института специально “бросает кость” нам, создает ситуацию конфликта между сотрудниками и кафедрами. А потом он смотрит, кто сильнее, кто побеждает в этом конфликте. Когда к нему обращаются как к арбитру во внутриорганизационных конфликтах, то он пассивен, ничем никому не помогает, а только наблюдает» (информант № 19, доцент, кандидат наук).

Характеристики современной модели университетского менеджмента способствуют дезинтеграции университетского сообщества. Преподаватели российских вузов отмечают формализованный, сверхбюрократический характер управления. Если управление образовательным и научным процессом выстроено по принципам бюрократии, то фрагментация неизбежна вследствие «функциональной болезни». Она проявляется в изолированности и узкой функциональности подразделений организации, когда отдел, департамент, кафедра выполняют только ту работу (функцию), которая за ней закреплена. Они видят только свою узкую цель и не вписывают ее в общую стратегию развития университета.

Фрагментация университетского сообщества отмечена информантами как явление, которое обусловлено процессами оптимизации. Из-за этого происходит постоянная реструктуризация университетов. Она проявляется в слиянии институтов, кафедр, выделении новых структурных департаментов, лабораторий и т. д. Этот процесс бесконечен. В одном из интервью информант отметил: *«Вследствие того, что в российских университетах идет сокращение кадров и укрупнение структурных подразделений, реализуется такая идея: объединять самые разные кафедры, их сотрудников, которые чужие друг другу, не понимают друг друга. Процесс интеграции таких искусственно созданных коллективов очень долгий. Не успели их объединить, не успели они привыкнуть друг к другу, тут же принимается решение снова их разделить, перетасовать» (информант № 12, профессор, доктор наук).* «Новый университетский менеджмент» часто объединяет совершенно несовместимые подразделения, принимая во внимание формальные показатели их работы. Приведем фрагмент высказывания: *«В нашем университете объединили институт экономики (в нем реализуют программы бизнес-образования) и институт государственного управления. Но ведь это разные векторы подготовки, научных исследований, идеология! Как будто соединили тигра и лань в одном загоне. Объединяли по очень простому принципу: в одном институте одни показатели, во втором — другие, если их суммировать, то получится очень неплохая картинка эффективности. Давайте, мы вас объединим! А в результате за три года мы как были чужими друг другу, так и остались. А с теми кафедрами, коллегами, с которыми мы раньше сотрудничали, у нас стало меньше возможностей работать, взаимодействовать. В общем, в одном месте порвались связи, в другом — вырасти не смогли» (информант № 10, доцент, кандидат наук).*

Таким образом, проведенные интервью показали, что представители академического сообщества подчеркивают негативное значение фактора новой модели универси-

тетского управления в процессах фрагментации. В то же время многие из них отмечали, что проблема заключается в том, что эта модель только укоренилась в российских университетах, и новый менеджмент еще не сформировал у себя специфические качества академических лидеров, способных консолидировать и увлечь за собой «академиков». По сути, вопрос заключается в необходимости профессионального развития университетских руководителей, их более глубокого «погружения» в академический мир.

Выводы

Российские университеты внедрили новую модель управления, построенную на принципах академического менеджериализма, не так давно. Она оказалась достаточно агрессивной для классической модели университетов и традиционного академического сообщества. Ее имплементация проходила настолько стремительно, что «академики» не успели адаптироваться к ней, понять и принять новые ценности, паттерны, цели и стратегии. Само университетское руководство формировалось неорганично: большую долю в нем составляют чиновники, представители бизнеса, то есть те люди, которые пришли к руководству не из академической среды. У них также не было времени для адаптации к специфической университетской культуре. Конфликт между «академиками» и «администраторами» был неизбежным.

Результатом такого конфликта стала фрагментация университетского сообщества. Оно «расслоилось», стало мозаичным, поскольку удар по его традициям был очень мощным. Одни «академики» полностью согласились с новыми принципами и ценностями, другие не интериоризовали их, но приспособились к ним, третьи категорически отказались принять модель «академического менеджериализма». Каждый «отщеп», осколок некогда единого мира занял свою позицию по отношению к новой модели университета и его управления. Университетское руководство также по-разному воспринимает процесс фрагментации университетского сообщества. С одной стороны, оно понимает, что вследствие фрагментации потерян (и пока не восстановлен) важный ресурс — солидарность, доверие, взаимная поддержка. С другой стороны, руководители воспринимают фрагментацию как естественный процесс трансформации современного университета (по принципу: «нельзя склеить то, что разбито; то, что прогнило, должно умереть»). Во фрагментации они видят ситуацию, в которой рождается новое качество академической профессии, академического мира. С третьей стороны, часть университетского руководства (наиболее радикально настроенное) использует фрагментацию как инструмент управления и манипулирования сложными, «трудными академиками». Они действуют по принципу: «Разделяй и властвуй». Такая позиция также проявляется в стратегиях управления университетом, но в отличие от первых двух имеет деструктивный вектор.

Неоднозначность последствий социальной фрагментации для академического сообщества и университетов определяет необходимость дальнейших исследований этого феномена. С одной стороны, фрагментация университетского сообщества свидетельствует о его кризисе. С другой стороны, она может привести к появлению внутри него новых структур, отношений, функций. Негативные проявления фрагментации универ-

ситетского сообщества можно преодолеть посредством формирования культуры открытых коммуникаций внутри университета и университетских профессиональных групп, восстановления внутриобщностного доверия, традиций университетской корпоративной культуры. Важным направлением преодоления фрагментации может стать процесс профессионализации и гуманизации университетского управления, применения социально-психологических методов управления человеческими отношениями.

Список источников

- [1] Lyotard, J.-F. *The Postmodern Condition : A Report on Knowledge* / J.-F. Lyotard. – The United Kingdom : Manchester University Press, 1984. – 144 p. – Direct text.
- [2] Bauman, Z. *The individualized society*. – Cambridge : Polity Press, 2001. – 272 p. – Direct text.
- [3] Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман ; перевод с английского С. А. Комарова. – Москва [и др.] : Питер, 2008. – 238 с. – Перевод изд.: *Liquid modernity* / Zigmunt Bauman. USA, 2000. – Текст : непосредственный.
- [4] Luhmann, N. *The Differentiation of Society* / N. Luhmann. – New York : Columbia University Press, 1982. – 484 p. – Direct text.
- [5] Altbach, Ph. *Trends in Global Higher Education : Tracking an Academic Revolution* / Ph. Altbach, L. Reisberg, L. Rumbley. – Rotterdam : Sense, 2010. – 272 p. – Direct text.
- [6] Кларк, Б. Р. *Создание предпринимательских университетов : организационные направления трансформации* / Б. Р. Кларк ; перевод с английского А. Смирнова. – Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. – 238 с. – Перевод изд.: *Creating entrepreneurial universities : organizational pathways of transformation* / Burton R. Clark. The United Kingdom, 1998. – Текст : непосредственный.
- [7] Deem, R. «New Managerialism» in Higher Education : The Management of Performances and Cultures in Universities / R. Deem. – Direct text // *International Studies in the Sociology of Education*. – 1998. – Vol. 8, № 1. – P. 56–75.
- [8] Whitchurch, C. *Being a higher education professional today : Working in a third space* / C. Whitchurch. – DOI 10.1007/978-981-10-1607-3_31-1. – Direct text // *Professional and support staff in higher education* / Edited by C. Bossu, N. Brown. – Singapore : Springer, 2018. – P. 1–11.
- [9] Whitchurch, C. *Reconstructing identities in higher education : The rise of «third space» professionals (research into higher education)* / C. Whitchurch. – DOI 10.4324/9780203098301. – London : Routledge, 2012. – 184 p. – Direct text.
- [10] Абрамов, Р. Н. *Баланс работы и личной жизни и источники стресса научно-педагогических работников российских исследовательских университетов* / Р. Н. Абрамов, И. А. Груздев, Е. А. Терентьев. – DOI 10.14515/monitoring.2019.3.02. – Текст : непосредственный // *Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены*. – 2019. – № 3 (151). – С. 8–26.
- [11] Кузьминов, Я. И. *Университеты в России : как это работает* / Я. И. Кузьминов, М. М. Юдкевич ; Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. – 616 с. – Текст : непосредственный.

- [12] Зборовский, Г. Е. Социология высшего образования : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российское общество социологов. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – 539 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Курбатова, М. В. Оценка изменения положения преподавателей российских вузов / М. В. Курбатова, И. В. Донова, Е. С. Каган. – DOI 10.17323/1811-038X-2017-26-3-90-116. – Текст : непосредственный // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26, № 3. – С. 90–116.
- [14] Резник, С. Д. Управление изменениями в деятельности университетских менеджеров / С. Д. Резник, О. А. Сазыкина. – Текст : непосредственный // News of Science and Education. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 40–45.
- [15] Маклюэн, М. Г. Понимание медиа : внешние расширения человека / М. Маклюэн ; перевод с английского В. Г. Николаева. – Москва : КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003. – 464 с. – Перевод изд.: Understanding media: the extensions of man / Marsh McLuhan. The United Kingdom, 1994. – Текст : непосредственный.
- [16] Boyer, E. L. The academic profession : An international perspective / E. L. Boyer, P. G. Altbach, M. J. Whitelaw. – Princeton, NJ : Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 1994. – 71 p. – Direct text.
- [17] Marginson, S. Rethinking academic work in the global era / S. Marginson. – DOI 10.1080/713678133. – Direct text // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2000. – Vol. 22, Issue 1. – P. 23–35.
- [18] Teichler, U. The changing academic profession. Major findings of a comparative survey / U. Teichler, A. Arimoto, W. Cummings. – Dordrecht, New York ; London : Springer, 2013. – 260 p. – Direct text.

References

- [1] Lyotard, J.-F. (1984). The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. The United Kingdom, Manchester University Press, 144 p. (In English).
- [2] Bauman, Z. (2001). The individualized society. Cambridge, Polity Press, 272 p. (In English).
- [3] Bauman, Z. (2000). Liquid modernity. USA, Polity Press, 240 p. (In English).
- [4] Luhmann, N. (1982). The Differentiation of Society. New York, Columbia University Press, 484 p. (In English).
- [5] Altbach, Ph., Reisberg, L., & Rumbley, L. (2010). Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. Rotterdam, Sense, 272 p. (In English).
- [6] Clark, B. R. (1998). Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation. The United Kingdom, Emerald Group Publishing, 163 p. (In English).
- [7] Deem, R. (1998). "New Managerialism" in Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities. International Studies in the Sociology of Education, 8(1), pp. 56-75. (In English).

- [8] Whitchurch, C. (2018). Being a higher education professional today: Working in a third space. Professional and support staff in higher education. Singapore, Springer, pp. 1-11. (In English). DOI: 10.1007/978-981-10-1607-3_31-1
- [9] Whitchurch, C. (2012). Reconstructing identities in higher education: The rise of «third space» professionals (research into higher education). London, Routledge, 184 p. (In English). DOI: 10.4324/9780203098301
- [10] Abramov, R. N., Gruzdev, I. A., & Terentiev, E. A. (2019). Work-life balance and sources of stress for the academic staff in Russian research universities. Monitoring of public opinion: economic and social changes, (3(151)), pp. 8-26. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.02
- [11] Kuz'minov, Ya. I., & Yudkevich, M. M. (2021). *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet*. Moscow, HSE University Publ., 616 p. (In Russian).
- [12] Zborovsky, G. E., & Ambarova, P. A. (2019). *Sotsiologiya vysshego obrazovaniya: monografiya*. Ekaterinburg, Gumanitarnyy universitet Publ., 539 p. (In Russian).
- [13] Kurbatova, M., Donova, I., & Kagan, E. (2017). Changes in the Standing of Lecturers at Russian Higher Education Institutions. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 26(3), pp. 90-116. (In Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-90-116
- [14] Reznik, S. D., & Sazykina, O. A. (2018). Change management in the activities of university managers. *News of Science and Education*, 4(2), pp. 40-45. (In Russian).
- [15] McLuhan, M. (1994). *Understanding media: the extensions of man*. London, Routledge, 389 p. (In English).
- [16] Boyer, E. L., Altbach, P. G., & Whitelaw, M. J. (1994). *The academic profession: An international perspective*. Princeton, NJ, Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 71 p. (In English).
- [17] Marginson, S. (2000). Rethinking academic work in the global era. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 22(1), pp. 23-35. (In English). DOI: 10.1080/713678133
- [18] Teichler, U., Arimoto, A., & Cummings, W. (2013). *The changing academic profession. Major findings of a comparative survey*. Dordrecht, New York, London, Springer, 260 p. (In English).

Статья поступила в редакцию 08.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 14.02.2022.

The article was submitted 08.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 14.02.2022.

УДК 32.019.5

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-41-56

Неолиберализм как фактор роста неравенства и развития спекулятивно финансового сектора

Алексей Николаевич Ильин

*Кафедра практической психологии, Омский государственный педагогический университет,
Омск, Россия*

*Кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский
университет, Омск, Россия*

Аннотация. В статье рост неравенства в мире связывается с политикой неолиберальных реформ. Неолиберализм как идеология и практика подразумевает приватизацию государственной собственности, отход государства от социальной сферы, масштабную коммерциализацию. Автор развенчивает рыночный миф, согласно которому личная ответственность каждого гражданина сопряжена с общим социальным благом. Также подвергаются критике некоторые неолиберальные идеологемы, оправдывающие неравенство. Отмечается, что ряд развитых стран, принуждая правительства менее развитых стран осуществлять неолиберальные реформы, сами воздерживаются от глубокого рыночного реформирования; именно это воздержание послужило их развитию. Соответственно, неолиберализм для них — это прежде всего идеология и практика, ориентированная на экспорт и служащая торможению развития геополитических конкурентов. Современная «экономика постмодерна» характеризуется виртуализацией, симулякризацией, финансовой спекулятивностью. В статье наибольшее внимание уделяется развитию спекулятивно-финансового сектора, получившее распространение благодаря осуществлению неолиберальной политики. Финансовые спекуляции рассматриваются как социально вредное явление, несущее свою долю ответственности за рост неравенства.

Ключевые слова: неолиберализм, неравенство, финансовые спекуляции, спекулятивный сектор

Для цитирования: Ильин, А. Н. Неолиберализм как фактор роста неравенства и развития спекулятивно финансового сектора / А. Н. Ильин. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-41-56 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 41–56.

Neoliberalism as a factor in the growth of inequality and the development of the speculative and financial sector

Alexey N. Il'in

Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

*Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Omsk State Medical University,
Omsk, Russia*

Abstract. In the article, the growth of inequality in the world is associated with the policy of neoliberal reforms. Neoliberalism as an ideology and practice implies the privatization of state property, the state's withdrawal from the social sphere, and large-scale commercialization. The author debunks the market myth, according to which the personal responsibility of each citizen is associated with the common social good. Some neoliberal ideologems that justify inequality are also criticized. It is noted that a number of developed countries, forcing the

governments of less developed countries to implement neoliberal reforms, themselves refrain from deep market reform; it is this abstinence that has served their development. Accordingly, for them neoliberalism is primarily an export-oriented ideology and practice that serves to slow down the development of geopolitical competitors. The modern "postmodern economy" is characterized by virtualization, simulacrizization, and financial speculation. The article pays the greatest attention to the development of the speculative and financial sector, which has become widespread due to the implementation of neoliberal policies. Financial speculation is seen as a socially harmful phenomenon, bearing its share of responsibility for the growth of inequality.

Keywords: neoliberalism, inequality, financial speculation, speculative sector

For citation: П'ин, А. Н. (2022). Neoliberalism as a factor in the growth of inequality and the development of the speculative and financial sector. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 41-56. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-41-56

Введение

Неолиберальный культ личной ответственности и личной вины за свои неудачи противоречит идеям общего блага, общего интереса, поскольку каждый занят только собственными проблемами. Ответственность, как бы представляясь константой, переходя из одной сферы, оставляет дефицит самой себя в другой сфере; чем больше ее здесь, тем меньше там.

Противоречие личной ответственности идеям общего блага, как отмечает Д. А. Силичев, «ведет к оправданию общей безответственности по отношению к окружающей среде, общественному здоровью, условиям жизни и судьбе будущих поколений» [1]. Д. А. Силичев отлично описал последствия неолиберализации, подорвавшей европейские социумы всеобщего благосостояния: рост безработицы, падение социально-экономической защищенности, снижение доходов рабочих на фоне роста прибыли корпораций (и повышение имущественного расслоения), нейтрализация даваемых высшим образованием гарантий на высококвалифицированный труд, сворачивание социальных пособий, повышение пенсионного возраста, уменьшение пенсий, ограничение доступности медицинского обслуживания и т. д. Все это — не побочные продукты, а неотъемлемые результаты либерализации, которая, кстати, в европейских странах типа Великобритании и Франции произошла не в полной мере, а лишь частично. Полная либерализация привела бы к намного большему усилению перечисленных проблем. Хотя, с точки зрения неолибералов-фундаменталистов, это вовсе не проблемы, а достижения.

Следует особо подчеркнуть, что развитые страны Запада, элиты которых призывают правительства других стран переходить на неолиберальный путь, сами не имеют опыта мощной либерализации. Столь глубокой перестройки не было даже во времена известных рыночников — Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Конечно, рынок там силен, но не настолько, чтобы говорить о его полном господстве. В том числе по этой причине данные страны остаются развитыми. Помимо прочего, по сделанному в разных работах замечанию М. Г. Делягина, до достижения своего высокого развития они оказывали давление на спекулятивный сектор и не позволяли финансам, необходимым для реального сектора, уходить на спекулятивные рынки; в том числе поэтому они и стали

развитыми [2; 3]. Иными словами, они противодействовали либерализации собственной экономики. Напротив, российская экономическая политика, сконцентрированная в руках неолибералов, остается лояльной к спекулятивно-ростовщическому, социально вредному и непроизводительному сектору и, соответственно, недостаточно лояльной к реальному, производительному.

Для развитых западных стран неолиберализм — идеология, предназначенная в первую очередь не для личного потребления, а для экспорта в идеологическое поле геополитических конкурентов, чтобы тормозить их развитие. Истеблишмент центров мир-системы заинтересован в том, чтобы в других странах происходило «перенасыщение неолиберализмом». Ноам Хомский так формулирует неолиберальный подход к экономике: «Правила свободного рынка хороши для других, но не для меня, за исключением того случая, когда я нахожусь в благоприятном положении по отношению к конкурентам» [4]. Ряд западных стран стали и остаются богатыми по разным причинам. Одна из них — ограбление колоний ранее и неокolonий в наше время. Другая причина — нереализация в полной мере у себя либерального режима и, соответственно, функционирование государства в ряде областей экономики, хотя бы частичное ограничение финансовых спекуляций, сохранение протекционизма, госпомощь «своим» корпорациям и т. д.

Стоит привести слова философа Дж. Грея: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях...

Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из западных моделей, означает продемонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада...

Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными» [5]. Самое главное в контексте нашего изучения в приведенных словах — отсылка к Западу, имеющему разрушительный опыт реализации соответствующих идеологий. Когда же говорят о том, что кто-то пытается подражать Штатам, эти фразы носят условный характер. Ведь чтобы подражать Штатам, нужно обладать таким же, как США, военным, информационным, экономическим и геополитическим влиянием в мире. Для полного подражания следует с аналогичным успехом вмешиваться в дела суверенных стран ради личной выгоды. Но столь мощных и вероломных акторов, как США, не существует. Следовательно, принятие американской модели экономической политики в условиях отсутствия такого глобалитета не приведет к его появлению и к обязательному экономическому развитию страны. К сожалению, посткоммунистические страны стали полем — но не

столько для идеологии, решительно воплощаемой на практике в США, сколько для идеологии, которую Вашингтон планомерно насаждает внешнему миру.

Материалы и методы

Материалами данного исследования являются работы отечественных и зарубежных авторов, раскрывающие главные особенности реализации неолиберальных проектов в контексте проблематики неравенства. База источников является междисциплинарной и включает в себя работы философов, экономистов, социологов и политологов.

Для осмысления неолиберализма как фактора роста неравенства применялись следующие методы и подходы:

- неомарксистский подход позволил критически оценить социально-экономические тенденции, проявляющиеся в условиях неолиберального общества;
- метод теоретической реконструкции был применен для выделения основного содержания неолиберального проекта и последствий его реализации;
- системный подход позволил интегрировать различные исследовательские идеи для создания критической концепции неолиберализма.

Результаты и обсуждение

Весьма парадоксально выглядят жалобы либеральных авторов на рост имущественной поляризации; ведь он — закономерное явление в условиях свободного рынка. Многие российские либералы (А. Кудрин, Д. Медведев, Г. Греф — вполне подходящие примеры) утверждают о необходимости поднимать пенсионный возраст и отказываются от повышения зарплат бюджетникам, объясняя это тем, что экономика развита слабо и не вынесет большого числа пенсионеров и высоких зарплат. Только они забывают добавить, что экономика недостаточно развита именно *благодаря* либеральному экономическому курсу. Они умышленно умалчивают, что им нужны деньги, полученные с помощью повышения пенсионного возраста, не для развития экономики России, а для развития экономики наших геополитических конкурентов за счет России и ее народа. У них почему-то нет денег на социальные проекты, но для обогащения олигархата и для покупки американских облигаций деньги находятся всегда. Видимо, в эти «стратегически важные» сферы они и планируют направить средства, отобранные у людей, которые достигли пенсионного возраста.

Утверждая необходимость повышения пенсионного возраста и вообще ухода государства из социальной сферы, монетаристы признают, что эти меры непопулярны. Данное наименование — эмоционально смягченная форма такого, более подходящего прилагательного, как «антинародные». Впрочем, как показала история либеральных реформ в России (и в ряде других стран), их авторам свойственно выступать от имени демократии и вершить совершенно антинародно-недемократическую политику, не считаясь с мнением широких социальных слоев.

Либералы часто высказывают недовольство реальными проблемами общества и экономики — на этом и строится их политическая риторика. Но эти проблемы актуализировались политикой, которая соответствует их идеологии. И после высказанного

негодования либералы предлагают решать данные проблемы углублением рыночных реформ, что вызовет еще большее усиление проблем. Невозможно бороться с бедностью и имущественным расслоением типичным монетаристским рецептом — сокращением финансирования социальных программ. Вовсе не ослабление государства, а госрегулирование способно обеспечить людей такими правами и свободами, как право на жизнь, на достойную работу, на качественное и эффективное здравоохранение и образование, на доступ к культуре, свобода от лишений, от страха перед завтрашним днем. Неолиберализм же, на словах абсолютизируя права человека и провозглашая равенство всех перед законом, дисфункционализирует перечисленные права, бросая общество в ситуацию, когда лишь деньги обеспечивают доступ к жизненно важным ресурсам (и, соответственно, право на них), а также наделяя бизнес возможностью эксплуатировать трудящихся и осуществлять манипулятивные рекламные кампании.

Рост неравенства — закономерное следствие функционирования на практике идеологии рыночного фундаментализма и, в частности, приватизации. Именно система экономического дерегулирования способствует тому, чтобы наиболее влиятельные максимизировали свое могущество (за счет остальных), не сталкиваясь с ограничениями, которые опираются на идеи социальной справедливости, необходимости более или менее уравнивать доходы. Вместе с ростом неравенства происходит перераспределение рисков; если блага концентрируются на социальном вершине, большинство рисков — внизу. Создатели концепции «общества риска» утверждают, что в наше время риски переходят границы государств и межклассовые барьеры, следовательно, риски входят в жизнь каждого независимо от статуса и уровня благосостояния (см. работу [6]). Действительно, никто полностью не защищен от экологических, техногенных и многих других рисков. Однако социально-экономическое положение все-таки коррелирует со степенью безопасности, и нельзя сказать, что абсолютно все независимо от их положения одинаково незащищены и равны перед рисками. Есть специфические риски, характерные именно для социальных низов, да и в целом все-таки низы наименее защищены от рисков. Очевидно, малообеспеченные слои населения подвержены более значительным рискам, которые связаны с недостаточным доступом к образованию, здравоохранению, экологически чистым продуктам питания, способствующим мобильности, социальным связям и т. д. Неолиберализация множит количество этих низов и, соответственно, рисковость их положения. Статус, власть и богатство, сконцентрированные на социальной вершине, все более способствуют максимизации этих благ и усилению защиты от рисков. Социальные низы подобно магниту притягивают к себе риски, связанные с проблемами прокормить семью, дать детям образование, сохранить работу и т. д.

По заявлению Дж. Бхагвати, серьезное богатство должно подталкивать его обладателей к растрачиванию значительных сумм на общественное благо; здесь автор делает лицемерный вывод, что крайняя степень неравенства оборачивается лучшими последствиями, чем меньшая степень неравенства (по сути неравенство оправдывается) [7]. Читая такое интеллектуальное завихрение, сразу вспоминаешь психологически значимую мудрость, призывающую во всем плохом искать что-то хорошее. Только автор забыл важный нюанс человеческой психологии: параллельно росту благосостояния растут потребности, и человеку хочется все большего. И весьма глупо

на этом основании расхваливать неравенство (да еще и крайнюю его степень), так как, даже если сверхбогатые тратят деньги на общественные нужды, то лишь незначительную часть по сравнению с тем, что своим «трудом» у общества отняли — особенно это касается финансовых спекулянтов, деятельность которых изначально вредна с точки зрения экономики и интересов общества. Их благотворительность — это зачастую «великодушное» предоставление одной рукой небольшой части того, что было награблено (обычно законным образом — в капиталистическом мире законы выражают интересы буржуазии) другой рукой. Можно ведь (насильственно) присвоить/украсть миллиарды долларов и пожертвовать миллионы рублей. И выходит, рука отобрала очень много, а потом чуть-чуть отдала; при таком раскладе вовсе не стоит эту руку боготворить. Особенно термин «грабительство» здесь уместен, если вспомнить марксистскую концепцию отъема прибавочной стоимости, хотя ограбление может выглядеть и по-другому, то есть представляться в более явной форме. К тому же, как отмечает М. Г. Делягин, в наше время благотворительность является для коммерческих компаний убежищем типа офшоров и обеспечивает им неприкосновенность. Прозрачность некоммерческих неправительственных организаций минимальна, чем пользуется крупный капитал, выделяя им средства. Низкая подотчетность НКО объясняется среди прочего их использованием в качестве инструмента США и их сателлитов для деликатных операций, в числе которых — организации государственных переворотов [8].

Ничто не говорит о возникновении у сверхбогатых потребности тратить деньги на общественные нужды, кроме оторванного от реальности нелепого психологизма и морализма. Факты как раз указывают на возникновение потребности использовать капиталы для еще большего упрочения власти и еще большего наступления как на права трудящихся, так на суверенитет национальных государств. Конечно, сверхбогатые занимаются общественной деятельностью, но и про усиление собственного влияния не забывают. В ряде случаев помощь определенным социальным группам только усиливает это влияние, поднимая престиж благотворителя в глазах общества.

В других случаях то, что называется общественной помощью, является ее полной противоположностью. Известно, как влекомые стремлением к глобальной власти сверхбогатые занимаются инвестированием денег под видом общественного блага в общественное зло: на устроение государственных переворотов в разных странах мира с негодным правительством (после чего общество этих стран обращается в нищету), на всяческие программы снижения рождаемости в мире и т. д. Так, вряд ли стоит назвать социально полезной деятельность фонда Сороса, которая заключалась в спонсировании ряда российских научных и образовательных учреждений и конкретных ученых, но также в переписывании учебников истории на русофобский лад. Едва ли полезна деятельность по созданию и распространению медицинских препаратов и генномодифицированных продуктов, использование которых приводит к бесплодию. Вряд ли полезна поддержка ювенальной юстиции, скрывающаяся за благозвучным лозунгом защиты семьи и детства. Нередко богачи просто выводят капитал из своей страны. В общем, слова о том, что большое богатство должно стимулировать его обладателей к тратам на общественное благо, является всего лишь пожеланием, а не констатацией факта. «Должно» и «делает» — совершенно разные термины.

Идеологи говорят, что сверхбогатые меценаты и филантропы помогают бедным. Эти воззрения неизбежно наталкиваются на следующий факт: в том числе вследствие жадности «благотворителей» наступил финансово-экономический кризис, борьбу с которым вместо «благодетелей» оплачивал обычный народ, который профинансировал этих «благодетелей». Идеологами также постулируется необходимость уважительно относиться к богачам и не требовать от них ничего, ибо «широкая душа» самостоятельно поможет. Специально скрывается тот факт, что именно сконцентрированное в руках небольшой кучки людей огромное богатство является одним из условий распространения бедности и нищеты. И если программы благотворительности начинают заменять собой масштабную социальную поддержку со стороны государства, наступает ситуация «тушите свет».

Согласно одной из теорий, которые защищают неолиберальный порядок и формируемое им неравенство, налогообложение сверхбогатых по более высоким ставкам уменьшит их мотивацию к труду и накоплению, причем настолько, что налоговые сборы могут даже упасть. Мол, налоги для богатых должны быть минимальны, и тогда, получая еще большие доходы, богатые будут лучше работать и содействовать «просачиванию» благ сверху вниз, от верхов к низам. Хочется спросить: а где критерий, который указывает на «нормальный» доход экономического истеблишмента? С таким же успехом можно повышать их доходы до бесконечности, используя аргумент типа «чем они богаче, тем это лучше для всего общества и экономики». Если топ-менеджер вместо 500 тысяч получает 400, он перестает эффективно работать? Не лучше ли в таком случае найти менеджера, который будет хорошо трудиться за меньшие деньги? Остается только пожалеть богачей, ведь они понесут серьезные, буквально несовместимые с жизнью потери. А вот бедных неолиберальному проекту не жалко; про них не говорится в аналогичном ключе, что они, получая минимальные зарплаты, вследствие этого недостаточно хорошо работают. Наоборот, либералы из российского правительства в абсолютно хамской манере заявляют, что те из учителей, врачей и т. д., кто не доволен своими доходами, должны работать на две ставки, и вообще все, кто жалуется и не хочет увеличивать трудовую нагрузку, являются лентяями.

Видимо, бедные и богатые — два различных народа с принципиально разными психологическими механизмами, а теория неолиберализма носит расистский оттенок. Если доходы вторых нельзя трогать, поскольку упадет их мотивация к труду, первые изначально и априори работают малоэффективно, поэтому их доходы повышать необязательно. Конечно, напрямую это говорится в исключительных случаях, но не похожий ли вывод следует сделать из либерального аргумента о трудовой мотивации богатых, строящейся на сохранности их доходов?

Общественно нецелесообразно, если бы промышленники, создавшие важные для экономики страны и для обороны государства предприятия, внезапно закрыли их из-за высоких налогов. Однако высокие налоги позволят им получать несколько меньшую прибыль, а народу дадут хотя бы минимально справедливую форму распределения.

Напомним, что при неолиберальной заботе о сверхдоходах элит ускользает от внимания факт, что многие из них не занимаются социально полезной деятельностью. Некритично для экономики, если вдруг потеряет в доходах тот, кто создает совсем не

обладающий необходимостью для широких масс товар и кто в рекламе этого товара говорит о его необходимости. Поскольку некоторые представители экономических элит «сделали себя» финансовыми спекуляциями, а игра на бирже, ростовщичество и т. д. оказывают глубокий вред экономике, объяснение в духе «будет плохо всем, если эти люди прогорят» являются прямой ложью. В общем, абсурдным выступает оправдание неравенства и неолиберализма посредством апелляции к тому, что богатые должны богатеть, и это в интересах всех остальных, так как якобы богатые создают рабочие места и вносят максимальный вклад в экономику. Спекулянты важный вклад не вносят, рабочих мест не создают, и их богатство не идет на пользу обществу. Благодаря их деятельности не просто социальное богатство отказывается увеличиваться, а производительность — расти. Спекулятивный сектор в бешеной гонке за краткосрочной прибылью разрушает, все, что только можно разрушить, и приводит к наступлению кризиса. «Абсурдная диктатура биржевой игры учредила господство меркантилизма “последних дней”, апокалиптического меркантилизма, который, затеяв гонку в никуда, будоражит тело и туманит рассудок <...> Увлечшийся биржевыми играми капитализм рассчитывается за разрушенное прошлое, истребляя настоящее; он занимается выгодной распродажей мусора и скидывает на рынок мертвые идеи, которые — какими бы испорченными они ни были — поспешно восстанавливаются и подстраиваются под современные пристрастия» [9].

Даже если мы говорим о производительном секторе, теория «просачивания» просто не работает. Не слишком много просачивается от доходов и тем более сверхдоходов фирм и предприятий в карман простых рабочих. Наоборот, наблюдается гиперконцентрация богатств. Этому способствуют многие факторы, в том числе плоская (и тем более регрессивная) шкала налогообложения. И даже если осуществляются социальные программы, все равно переходящие вследствие их функционирования блага в руки «низам» в ходе их покупательской активности переходят к «верхам». Непонятно, зачем уповать на это мифическое просачивание благ сверху вниз, если более целесообразно было бы распределять блага в соответствии с принципом социальной справедливости. Тем более представители низших классов, в отличие от своих классовых оппонентов, не выведут свои деньги в офшоры. И они имеют намного меньше возможностей скрывать собственные доходы от налогообложения. Помимо прочего, одна и та же денежная единица с разных позиций имеет различную ценность. Малая сумма, полученная нищим, может спасти его от голодной смерти. Эта же сумма, полученная богачом, ничего столь кардинального в его жизнь не внесет. Данный факт с моральной стороны подкашивает любые оправдания неравенства.

Спекулятивная финансиализация — в некотором роде лицо глобального неолиберализма. Спекуляции стали максимально прибыльным бизнесом в условиях глобального капитализма, что является необходимым следствием такого типа экономической системы, где капитал беспрепятственно ищет себе наиболее прибыльные сферы, которыми являются в том числе чисто паразитические. Если нет законов, ограничивающих спекулятивные сделки, последние будут только поддерживаться самими экономико-политическими условиями. Если госсuverенитет размывается, капитал будет свободно перемещаться из страны в страну, представляя собой крайне мобильную номадическую

единицу. Развившийся благодаря типично неолиберальному дерегулированию финансовый капитал, как известно, вступает в противостояние с промышленным — не только в России, а в любых странах. Удушая промышленность, финансисты только способствуют деиндустриализации и наступлению кризисов со всем спектром характерных для них негативных явлений. Глобальный финансовый капитал с его спекуляциями ответственен за многочисленные кризисы, за уязвимость национальных экономик перед финансовыми рынками и набегами спекулянтов, за различные аферы с надуванием финансовых пузырей.

Как отмечает Г. Дерлугьян, политические меры монетаристов М. Тэтчер и Р. Рейгана вызвали раскрутку финансового маховика, что привело к перемещению капиталов из материального сектора в область финансовых спекуляций [10]. Позже ситуация только усугублялась на мировом уровне. Недаром были созданы сложные финансовые связи на международном уровне и новые финансовые операции типа тех, которые используют производные ценные бумаги, фьючерсы и т. д. Появился широчайший рынок необеспеченных облигаций, хеджевых фондов, низкокачественных кредитов. Даже частичный уход правительств из экономики в целом и от контроля над финансовым сектором в частности закономерно вызывает отток денег из реального сектора в спекулятивный, где результат краткосрочен, а прибыли обычно выше. В наше время не просто капитал, то есть промышленный капитал, торжествует свой триумф над трудом и над социальными завоеваниями трудящихся. Скорее, социально безответственный финансовый капитал одержал победу как над трудом, так над промышленным капиталом. Современную мировую экономику можно называть в первую очередь финансовой, нежели производственной. Имеет смысл говорить о финансиализации экономики, происходящей не параллельно расцвету неолиберализма и расширению его влияния, а благодаря этому. Финансовый сектор стал контролировать самые разные сферы экономики.

Быстрая отдача, доходность от вложений в спекуляции отвращает от инвестиций в производственный сектор. Выросшая финансовая раковая опухоль в условиях рынка тормозит инновационные процессы и научно-технический прогресс. Отметим один парадоксальный момент: неолибералы постоянно говорят о необходимости останавливать инфляцию и ради этого призывают реализовывать такие антиэкономические и антинародные меры, как сжатие денежной эмиссии и снижение государственных расходов на социальные проекты. При этом именно характерный для неолиберальных режимов рост спекулятивного сектора раскручивает инфляционную спираль. Да и для решительного перехода на ресурсосберегающие технологии требуется не разрозненный рынок, где каждый актер действует в соответствии со своей выгодой, а совершенно антирыночная политика властей, принуждающая к прогрессу.

В целом рынок, еще крайне финансиализуемый, не способен в достаточной мере поддерживать и фундаментальную науку, которая нередко выступает основой для развития прикладной науки и для практических разработок, несущих выгоду. Фундаментальная наука требует значительной государственной поддержки, поскольку не дает однозначных рыночно выгодных результатов. Вообще роль фундаментальной науки в различных областях функционирования общества крайне высока. В условиях существования рыночной стихии этот крайне ценный ресурс способен только деградировать

и разрушаться, поскольку воспринимается как нечто, требующее постоянного финансирования, но не дающее и не гарантирующее никакого точного результата (более подробно см. [11–13], см. также другие статьи автора, собранные в разделе «Образование» на его сайте <http://ilinalexeu.ru/category/obrazovanie/>).

Хотя, конечно, центры мир-системы оставляют за государством роль регулятора за разными сферами деятельности, и далеко не все отдается на откуп рынка, в том числе и наука. Зато осуществляется массивная идеологизация, согласно которой другие государства должны покинуть экономику и общественную жизнь в целом и отказаться от всяческого субсидирования фундаментальной науки в частности.

Финансиализация мира дестабилизирует глобальную экономику. Она способствует росту долгов и связанного с этим закабаления. Она множит различные риски, вымывает капитал из производственной сферы (превращает его из производственного в спекулятивный). Спекуляции стали способом перераспределения активов и возрастания неравенства. Эта система противоречит элементарному принципу социальной справедливости, согласно которой получать прибыль должен тот, кто отличается общественно полезной деятельностью. В результате развития финансово-спекулятивного сектора множатся риски наступления экономических кризисов, растет безработица, падает производство, тормозится НТП, обесцениваются сбережения, снижается заработная плата, повышается имущественное расслоение как между классами внутри страны, так и между странами. Мы перечислили только наиболее значимые негативные эффекты, возникающие при финансово-экономическом метастазировании мировой экономики.

Диспропорция между производственным и финансово-спекулятивным капиталом растет в пользу второго. Мы находим различные данные, касающиеся расширения паразитического спектра финансовых спекуляций. Согласно исследованию Б. Б. Рубцова, если в 1990 г. мировой рынок долговых инструментов составлял 79 % мирового ВВП, то в 2010 г. — 144 %. Причем США с заметным отрывом лидируют в сфере объема долговых бумаг. Опережающий рост финансовых активов в сравнении с ВВП — явление последних десятилетий [14]. Недаром именно в последнее время глобализация под флагом неолиберализма развернулась пышным цветом. Правда, В. В. Рубцов, подобно многим либералам, наивно верит в то, что МВФ помогает попавшим в кризисную ситуацию странам, и в то, что страны «двадцатки» и международные организации типа МВФ и ВБ эффективно борются с последствиями кризиса.

Финансовый сектор с характерными для него быстро растущими объемами транзакций и оттоком в данную сферу человеческих и иных ресурсов получил доминирующий статус, что вполне закономерно при господстве неолиберализма. В статье Л. Н. Красавиной, опубликованной в 2011 г., находим цифру объема производных финансовых инструментов в \$700 трлн, что является 12-кратным превышением мирового ВВП [15]. Имеется мнение, что к 2007 г. финансовые активы мира превышали мировой ВВП уже в десятки раз, а ВВП США в последние годы примерно равен \$20 трлн, в то время как финансовых деривативов — более \$200 трлн [16].

В другой работе содержатся данные более скромные: соотношение реальной и виртуальной экономики равняется 1:10, то есть в \$60 трлн оценивается объем реального сектора, а в \$600 трлн — виртуального со всеми его фьючерсами, деривати-

вами и т. д. [17]. Глобальная финансовая надстройка превысила в своих масштабах реальный сектор и превысила мировой ВВП. Т. В. Игнатова и Т. В. Подольская также пишут, что число финансовых инструментов превышает размер реальной мировой экономики более чем в 10 раз. В 1980 г. мировые финансовые активы примерно равнялись мировому ВВП (\$12 и \$10 трлн соответственно), в 2007 г. они составляли \$195 трлн, а с учетом вторичных деривативов объем финансовых активов превышал мировой ВВП в 12 раз. В 2008 г. объем мировых финансовых активов немного снизился под влиянием кризиса, составив \$178 трлн, однако финансовая глубина (отношение объема финансовых активов к мировому ВВП) сохранилась на высоком уровне. Доходность финансового рынка в докризисный период измерялась двузначными числами, хотя рост мировой экономики составлял всего несколько процентов. В пользу ничего не создающих спекулянтов происходит перераспределение важной части доходов, создаваемых в области производства. Сегодня глобальные финансовые рынки стали средствами перераспределения денег от менее богатых к более богатым структурам и странам [18].

В 1970 г. около 90 % международного капитала шло на торговлю и долгосрочные капиталовложения и 10 % — на спекуляции; в 1990 г., наоборот, 90 % являлись спекулятивными, а 10 % расходовались на торговлю и долгосрочные капиталовложения. К 1994 г. около 95 % от всего капитала было спекулятивным [19]. С той поры эти цифры только растут. Д. Котц приводит следующие данные. Доля прибыли финансовых корпораций в общей прибыли корпораций США в 1948 г. составляла почти 10 %, в 1992 г. — 30 %, в 2000 г. — 40 %, в 2008 г. (начало финансово-экономического кризиса) они упали до 10 %, после чего сразу же поднялись почти до 35 %. Аналогичная динамика видна по доле валовой добавленной стоимости финансовых корпораций в общей валовой добавленной стоимости корпораций США: от 4 % в 1948 г. до 14 % перед мировым финансово-экономическим кризисом [20]. Совокупный ежедневный объем финансовых операций на международных рынках в 1983 г. составлял \$2,3 млрд, к 2001 г. достиг \$130 млрд [21].

В статье А. В. Бузгалина показан планомерный рост объемов рынка деривативов с 1998 по 2007 гг., что указывает на темпы развития финансового капитала, существенно опережающего динамику капитала в сфере реального производства. Наблюдается особо значимое влияние финансового сектора «на все системы аллокации ресурсов и координации (направления потоков инвестиций, принятие решений, структура цен и т. п. во *всей* экономике определяется ныне во многом конъюнктурой финансового сектора...). Кроме того, приоритетное развитие финансового капитала вызвало волну дерегулирования; финансовые спекуляции стали «регулятором» — субститутотом государственного воздействия на экономику» [22].

Важный фактор доминирования финансового сектора над промышленным — промышленники для создания производств должны обеспечивать финансистов посредством взятия кредитов под высокую процентную ставку. На почве пропагандируемой экономической свободы возникает целая система финансового капитала, который, занимаясь социально вредными ростовщическими спекулятивными проектами, отрывается от реальной экономики. В конечном итоге безудержный рост влияния спекулятивного капитала становится благодатной основой для финансово-экономических кризисов.

Для нормальной экономики повышение могущества спекулятивного фиктивного и не отличающегося социально полезностью сектора следует квалифицировать как крайне серьезную дисфункцию.

Деньги не предназначены для того, чтобы стать товаром, но в разные эпохи они наделялись этой «функцией», которая справедливо порицалась. Еще Аристотель писал: «Так как хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают ее за саму экономику; но она не экономика. Потому что хрематистика не следует природе, а направлена на эксплуатацию. На нее работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращенный». Также и Катон Старший утверждал: «А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо» [23].

Выводы

В разных исследованиях данные о росте финансового сектора по сравнению с реальным сектором различаются. Для нас главное — вовсе не поиск окончательной истины относительно данного соотношения, а простой факт: финансовая сфера растет и увеличивает свое влияние, равно как спекулятивный сектор становится все более значимым в мировой экономике.

Огромные доходы спекулянты получают не как вознаграждение за создание и прирост общественного/национального богатства (сколько бы ни уверяли в этом защитники неолиберализма), а как прибыль, полученную посредством отбора у общества значительной части этого богатства, произведенного без помощи с их стороны «... богатство верхушки — и страдания внизу — проистекает из денежных трансферов, а вовсе не из производственных процессов» [24]. Личные доходы и общественная польза не всегда связаны между собой; вовсе необязательно те, кто получает огромную прибыль, имеют большие показатели социально необходимой продуктивности. На это указывает хотя бы следующий факт: ученые, которые разработали действительно полезные обществу технологические инновации, почти ничего на этом не зарабатывают, однако зарабатывают на их изобретениях те, кто внедрил их в производство. Можно сказать, что это полбеда, ведь богачи ничего не изобрели, но внедрили. Однако максимально зарабатывают даже не они, а те, кто своей спекулятивной деятельностью только подрывает основы экономики. В общем, тезис «больше получает прибыли тот, кто приносит максимальную помощь обществу» не соответствует эмпирической реальности. В этом заключается одна из фундаментальных несправедливостей, формируемых неолиберализмом и неспособных быть устранимыми рыночно-монетарными методами. Однако спекуляции — и неолиберализм в целом — опираются на спекулятивную философию, которая пытается обосновать и оправдать существующее положение вещей. Аспекты практики либерализма навязываются мировой общественности соответствующим философско-идеологическим производством.

Равенство и свобода противоречат друг другу намного меньше, чем свобода и неолиберализм. Мировая экономика перевернута с ног на голову. То, что должно находиться внизу, в подчиненном состоянии, стоит наверху. Денежная часть призвана обслуживать производственную. Однако все наоборот. Мало того, эта денежная область превратилась в чистый симулякр, в социально вредный и всеуправляющий организм с его печатанием денег из ничего, банковской системой, занимающейся ростовщичеством и надуванием финансовых пузырей. Б. Брехт использовал афоризм: что такое ограбление банка по сравнению с основанием банка? Иными словами, есть незаконное ограбление, а есть законное ограбление. И наверняка законная его форма (основание банка) несет значительно больше прибыли.

Список источников

- [1] Силичев, Д. А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну / Д. А. Силичев. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 3–20.
- [2] Делягин, М. Г. Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить / М. Г. Делягин. – Санкт-Петербург : Питер, 2016. – 320 с. – Текст : непосредственный.
- [3] Делягин, М. Г. Россия в большой игре. На руинах потсдамского мира / М. Г. Делягин. – Москва : Книжный мир, 2016. – 352 с. – Текст : непосредственный.
- [4] Тарасов, А. «Хомскианская революция» в России / А. Тарасов. – Текст : электронный // Скепсис. – URL: http://sceptsis.net/library/id_555.html.
- [5] Кара-Мурза, С. Г. «Перетекание рынка в общество» как политическая проблема / С. Г. Кара-Мурза, И. А. Тугаринов. – Текст : непосредственный // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8, № 5 (43). – С. 42–49.
- [6] Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; перевод с немецкого В. Седельника и Н. Федоровой. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. – Перевод изд.: *Risikogesellschaft Auf Dem Weg in Eine Andere Moderne* / Virich Beck, 1986. – Текст : непосредственный.
- [7] Бхагвати, Дж. В защиту глобализации / Дж. Бхагвати ; перевод с английского ; под редакцией В. Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва, Журн. «Свободная мысль-XXI». – Москва : Ладомир, 2005. – 406 с. – Перевод изд.: *In defense of globalization* / Jagdish Bhagwati. New York, 2004. – Текст : непосредственный.
- [8] Делягин, М. Г. Конец эпохи : осторожно, двери открываются! Том 1. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИПРОГ, Книжный мир, 2019. – 832 с. – Текст : непосредственный.
- [9] Ванейгем, Р. Письмо моим детям и детям грядущего мира / Р. Ванейгейм ; перевод с французского М. Лепиловой. – Москва : Гилея, 2015. – 116 с. – (Планы на будущее). – Перевод изд.: *Lettre à mes enfants et aux enfants du monde à venir* / Raul Vaneigem. Paris, 2012. – Текст : непосредственный.

- [10] Дерлугьян, Г. Адепт Бурдье на Кавказе : эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Г. Дерлугьян ; перевод с английского. – Москва : Территория будущего, 2010. – 560 с. – Перевод изд.: *Sketches for biography in a world-system perspective* / G. Derlugyan, 2010. – Текст : непосредственный.
- [11] Ильин, А. Н. Культура потребления и коммерциализация науки / А. Н. Ильин. – Текст : непосредственный // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре*. – 2017. – Т. 2, № 3 (31). – С. 51–60.
- [12] Ильин, А. Н. Утилитаризация науки в обществе потребления / А. Н. Ильин. – Текст : непосредственный // *Свободная мысль*. – 2019. – № 1. – С. 79–88.
- [13] Ильин, А. Н. Образование, поверженное реформами : монография / А. Н. Ильин. – Москва : Университетская книга, 2020. – 392 с. – Текст : непосредственный.
- [14] Рубцов, Б. Б. Глобальные финансовые рынки : масштабы, структура, регулирование / Б. Б. Рубцов. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2011. – № 2 (8). – С. 73–98.
- [15] Красавина, Л. Н. Тенденции и перспективы реформы мировой валютной системы / Л. Н. Красавина. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2011. – № 1 (7). – С. 29–43.
- [16] Егоров, Д. Г. Глобальное потепление и экономическая теория : преодоление кризиса мировой цивилизации / Д. Г. Егоров, А. В. Егорова. – DOI 10.30884/vglob/2020.02.04. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2020. – № 2 (34). – С. 45–54.
- [17] Филюхина, С. В. Глобальные тенденции развития мира / С. В. Филюхина. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2012. – № 2. – С. 179–188.
- [18] Игнатова, Т. В. Возможности глобального управления мировой финансовой системой : реалии и перспективы / Т. В. Игнатова, Т. В. Подольская. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2014. – № 2 (14). – С. 119–128.
- [19] Хомский, Н. Классовая война : интервью с Дэвидом Барзамьяном / Н. Хомский ; перевод с английского С. А. Мельникова. – Москва : Праксис, 2003. – 326 с. – перевод изд.: *Interviews with David Barsamian* / Noam Chomsk, 1996. – Текст : непосредственный.
- [20] Бузгалин, А. В. [Рецензия] / А. В. Бузгалин. – Текст : непосредственный // *Вопросы политической экономии*. – 2015. – № 4. – С. 138–152. – Рец. на кн.: *Взлет и падение неолиберального капитализма* / Д. Котц. Кембридж, Гарвард, 2015. 257 с.
- [21] Харви, Д. Краткая история неолиберализма : актуальное прочтение / Д. Харви ; перевод с английского Н. С. Брагиной. – Москва : Поколение, 2007. – 288 с. – Перевод изд.: *A Brief History of Neoliberalism* / David Harvey. USA, 2007. – Текст : непосредственный.
- [22] Бузгалин, А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития / А. Бузгалин. Текст : электронный // *ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия* : [сайт]. – URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/aleksandr-vladimirovich-buzgalin/7179-mirovoj-yekonomicheskij-krizis-i-scenarii-postkrizisnogo-razvitiya.html>.
- [23] Кара-Мурза, С. Г. Политэкономика индустриализма. Мифы и реальность / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Родина, 2018. – 272 с. – Текст : непосредственный.

- [24] Стиглиц, Дж. Ю. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Ю. Стиглиц ; перевод с английского Е. Рождественской. – Москва : Эксмо, 2015. – 255 с. – Перевод изд.: *The price of inequality : how today's divided society endangers our future* / Joseph E. Stiglitz. New York, 2012. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Silichev, D. A. (2005). Sotsial'nye posledstviya perekhoda ot industrializma i moderna k postindustrializmu i postmodernu. *Voprosy filosofii*, (7), pp. 3-20. (In Russian).
- [2] Delyagin, M. G. (2016). *Novaya Rossiya. Kakoe budushchee nam predstoit postroit'*. St. Petersburg, Piter Publ., 320 p. (In Russian).
- [3] Delyagin, M. G. (2016). *Rossiya v bol'shoy igre. Na ruinaх potsdamского mira*. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 352 p. (In Russian).
- [4] Tarasov, A. "Khomskianskaya revolyutsiya" v Rossii. Skepsis. Available at: http://scepsis.net/library/id_555.html (In Russian).
- [5] Kara-Murza, S. G., & Tugarinov, I. A. (2015). "The flow of the market in society" as a political issue. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 8(5(43)), pp. 42-49. (In Russian).
- [6] Beck, V. (1986). *Risikogesellschaft Auf Dem Weg in Eine Andere Moderne*. (In German).
- [7] Bhagwati, J. (2004). *In defense of globalization*. New York, Oxford University Press., 308 p. (In English).
- [8] Delyagin, M. G. (2019). *Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! Tom 1. Obshchaya teoriya globalizatsii*. 12th edition, revised and expanded. Moscow, IPROG, Knizhnyy mir Publ., 832 p. (In Russian).
- [9] Raoul Vaneigem. (2012). *Lettre à mes enfants et aux enfants du monde à venir*. Paris, Le Cherche Midi Publ., 112 p. (In French).
- [10] Derlugyan, G. (2010). *Adept Bourdieu in the Caucasus: Sketches for biography in a world-system perspective*. (In English).
- [11] Il'in, A. N. (2017). Consumer culture and the commercialization of science. *Scientific notes of Komsomolsk-on-Amour state technical university*, 2(3(31)), pp. 51-60. (In Russian).
- [12] Il'in, A. N. (2019). Utilitarization of science in the consumer society. *Svobodnaya mysl'*, (1), pp. 79-88. (In Russian).
- [13] Il'in, A. N. (2020). *Obrazovanie, poverzhennoe reformami*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 392 p. (In Russian).
- [14] Rubtsov, B. B. (2011). Global'nye finansovye rynki : masshtaby, struktura, regulirovanie. *Vek globalizatsii*, (2(8)), pp. 73-98. (In Russian).
- [15] Krasavina, L. N. (2011). Tendentsii i perspektivy reformy mirovoy valyutnoy sistemy. *Vek globalizatsii*, (1(7)), pp. 29-43. (In Russian).
- [16] Egorov, D. G., & Egorova, A.V. (2020) *Global'noe poteplenie i ekonomicheskaya teoriya: preodolenie krizisa mirovoy tsivilizatsii*. *Vek globalizatsii*, (2(34)), pp. 45-54. (In Russian). DOI: 10.30884/vglob/2020.02.04
- [17] Filyukhina, S. V. (2012). Global'nye tendentsii razvitiya mira. *Vek globalizatsii*, (2), pp. 179-188. (In Russian).

- [18] Ignatova, T. V., & Podolskaya, T. V. (2014). *Vozmozhnosti global'nogo upravleniya mirovoy finansovoy sistemoy: realii i perspektivy*. *Vek globalizatsii*, (2(14)), pp. 119-128. (In Russian).
- [19] Chomsk, N. (1996). *Interviews with David Barsamian*. Monroe (ME), Common Courage Press., 319 p. (In English).
- [20] Buzgalin, A. V. (2015). *Retsenziya na knigu D. Kotts'a "Vzlet i padenie neoliberal'nogo kapitalizma"* *Voprosy politicheskoy ekonomii*, (4), pp. 138-152. (In Russian).
- [21] Harvey, D. (2007). *A Brief History of Neoliberalism*. USA, Oxford University Press. (In English).
- [22] Buzgalin, A. *Mirovoy ekonomicheskij krizis i stsennarii postkrizisnogo razvitiya*. (In Russian). Available at: <http://www.intelros.ru/subject/figures/aleksandr-vladimirovich-buzgalin/7179-mirovoj-yekonomicheskij-krizis-i-scennarii-postkrizisnogo-razvitiya.html>
- [23] Kara-Murza, S. G. (2018). *Politekonomiya industrializma. Mify i real'nost'*. Moscow, Rodina Publ., 272 p. (In Russian).
- [24] Stiglitz, J. E. (2012). *The price of inequality: how today's divided society endangers our future*. New York, WW Norton & Company. (In English).

Статья поступила в редакцию 16.09.2021; одобрена после рецензирования 12.10.2021; принята к публикации 19.10.2021.

The article was submitted 16.09.2021; approved after reviewing 12.10.2021; accepted for publication 19.10.2021.

УДК 316.334.22

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-57-68

Фриланс: ценности и потребности трудовой деятельности

Светлана Анатольевна Ильиных

Кафедра социологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

Аннотация. Актуальность исследования фриланса как формы нестандартной занятости связана с тем, что на российском рынке труда появились новые занятости, которые требуют социологического осмысления. В статье рассматриваются причины выбора такой формы занятости. В работах М. Кастельса показано, что исчезает представление о предсказуемой модели карьерного продвижения. Исследователи высказывают идеи о том, что фриланс как форма занятости избирается в силу преимуществ. К их числу относятся гибкий график, возможность участвовать в исполнении тех проектов, которые в большей мере подходят работнику в силу его личностных особенностей, ограничения по здоровью, не позволяющие находиться в стандартных трудовых отношениях с работодателем, свобода в выборе специализации, свобода в распределении времени и нагрузки, свобода передвижения. В связи с тем, что фрилансерство прочно утверждается на российском рынке труда и спрос на услуги фрилансеров растет, возникает необходимость исследования их ценностных ориентиров и потребностей, реализуемых в трудовой деятельности. В статье представлены результаты эмпирического исследования лиц, занимающихся фрилансерством. Выявленная иерархия ценностей фрилансеров отличается от такой же у лиц, имеющих стандартную занятость. Отличия имеются также и в зависимости от возраста. Изучение потребностей фрилансеров показывает, что они коррелируют с ценностями. Исключение составляет потребность свободы. Материалы статьи могут быть интересны всем, кто занимается исследованием форм трудовой занятости на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: фриланс, трудовая занятость, нестандартная занятость, ценности, потребности

Для цитирования: Ильиных, С. А. Фриланс: ценности и потребности трудовой деятельности / С. А. Ильиных. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-57-68 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 57–68.

Freelancing: values and needs of work

Svetlana A. Ilynykh

Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Abstract. The relevance of the research of freelancing as a form of non-standard employment is due to the fact that new jobs have appeared on the Russian labor market that require sociological understanding. The article discusses the reasons for choosing this form of employment. Works of M. Castells show that the idea of a predictable career promotion model is disappearing. Researchers express the idea that freelancing as a form of employment is chosen because of the advantages. These include a flexible schedule, the opportunity to participate in the execution of those projects that are more suitable for the employee due to his personal characteristics, health restrictions that don't allow him to be in a standard labor relationship with the employer, freedom in

choosing a specialization, freedom in the distribution of time and workload, freedom of movement. Due to the fact that freelancing is firmly established in the Russian labor market and the demand for freelancers' services is growing, there is a need to study their value orientations and needs realized in work. The article presents the results of an empirical study of persons engaged in freelancing. The revealed hierarchy of values by a freelancer differs from the same for people with standard employment. There are also differences depending on age. Studying the needs of freelancers shows that they correlate with values. The exception is the need for freedom. The materials of the article may be interesting to anyone, who engaged in the study of forms of employment at the present stage of development of Russian society.

Keywords: freelance, employment, non-standard employment, values, needs

For citation: Плынькх, S. A. (2022). Freelancing: values and needs of work. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 57-68. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-57-68

Введение

Для современного общества характерны изменчивость, неопределенность, сопряженные часто с рискованностью. Изменения становятся множественными и нередко без заранее прогнозируемых результатов. Под влиянием этого происходят трансформации во многих сферах жизни, в том числе и в сфере труда. В эпоху постиндустриализма с появлением нестандартных форм занятости появилась потребность во временных работниках без предоставления рабочего места и заключения трудового договора.

В сфере труда получила распространение новая форма занятости — фриланс, которую можно рассматривать в более широком аспекте. Фриланс становится не только трудовой стратегией, но жизненной стратегией. Дело в том, что во фрилансе происходят индивидуализация трудовой активности, свободное регулирование труда и отдыха. Нередко занятые во фрилансе преодолевают географические границы места своего проживания, работая в организациях других государств.

Говоря в целом о занятости, можно отметить, что исследователи выделяют несколько форм. К их числу относятся формальная, неформальная, стандартная, нестандартная, типичная, нетипичная и др. С нашей точки зрения, фриланс относится к нестандартной форме трудовых отношений. По мнению Ж. Т. Тощенко, нестандартная занятость схематично описывает чрезвычайно большое многообразие трудовых отношений [1]. Исследователи, изучающие непосредственно явление фриланса, указывают, что классифицировать и измерить данный феномен невозможно [2].

Эта форма занятости активно исследовалась такими зарубежными учеными, как Ч. Хэнди [3; 4], У. Бек [5], М. Бехтель [6], М. Кастельс [7; 8], Д. Пинк [9], Дж. Рифкин [10], так и российский учеными Т. С. Бандюковой [11], В. Н. Бобковым [12], Е. Н. Гасюковой [13], В. Е. Гимпельсоном [14], З. Т. Голенковой [15], Р. И. Капелюшниковым [16], Е. А. Колосковой [17], О. И. Шкаратаном [18] и др.

Так, М. Кастельс рассматривает новый тип общества — информационный. В нем происходит трансформация в сфере труда, а именно появление нового типа субъектов труда — «сетевых» работников и работников с гибким рабочим графиком. В информационном обществе постепенно исчезает представление о предсказуемой модели карьеры.

ерного продвижения [7; 8]. В информационном обществе возрастает спрос на виды деятельности, связанные с обработкой информации. Для выполнения проектных работ не актуальны штатное расписание, организованные рабочие места, которые требуют затрат на организацию трудового процесса со стороны работодателя.

Ч. Хэнди высказывает идею о будущем труда, трудности сохранения стандартной занятости, о необходимости наличия «портфеля работ» [3]. Дж. Рифкин еще в 1996 году в работе «Конец работе: сокращение рабочей силы в глобальном масштабе и начало послерыночной эры» писал о том, что в мире неуклонно происходит сокращение занятости [10]. В работе Д. Пинка на основании многочисленных интервью автора с независимыми работниками фрилансеры описываются как свободные работники, которые самостоятельно организуют свою жизнь [9].

Такую форму занятости работник избирает в силу очевидных для него преимуществ. К их числу относятся, например, гибкий график, возможность участвовать в исполнении тех проектов, которые в большей мере подходят работнику в силу его личностных особенностей, ограничений по здоровью, не позволяющих находиться в стандартных трудовых отношениях с работодателем. В исследовании, проведенном М. И. Кадничанской и Е. П. Галкиной, выявлено, что существенное преимущество деятельности фрилансеров — свобода в выборе специализации, свобода в распределении времени и нагрузки, свобода передвижения [19].

Исследователи называют причины привлечения фрилансеров, которые «выгодны» работодателю. Так, для 57 % важен доступ к широкой экспертизе, 51 % — снижение издержек на фонд оплаты труда, 27 % — потребность в работе на отдельных проектах, по 13 % — простота устройства на работу, скорость решения задач, 10 % — качество выполнения работ [20].

В 2019 году из-за распространения коронавирусной инфекции произошли колоссальные изменения на рынке труда, рост безработицы, что привело к увеличению фриланс-сектора. Одной из причин этого является то, что фрилансеры имеют возможность осуществлять свою деятельность все зависимости от социально-экономических, социально-политических и даже эпидемиологических факторов. Так, в опросе 182 фрилансеров, проведенном К. В. Вольфом и И. В. Бархатовым, оказалось, что во время «карантинных каникул» в марте–августе 2020 года у 83 % сохранилась активная деятельность, поскольку продолжали поступать заказы [21].

Представим картину фрилансерства в России в целом. Для сравнения укажем, по данным Федеральной службы государственной статистики, на конец октября 2021 года численность экономически активного населения составляла примерно 71 млн [22]. По данным РwС, в 2020 году в России число фрилансеров достигло 14 млн [20]. Сопоставляя данные, можем увидеть, что фрилансеры составляют почти пятую часть экономически активного населения.

Интересен портрет фрилансеров в отношении такой социально-демографической характеристики, как возраст. Оказалось, что 68 % фрилансеров находятся в возрасте от 18 до 34 лет, 18 % фрилансеров — от 35 до 44 лет, 7 % — от 45 до 54 лет. Как видим, подавляющая часть фрилансеров в возрасте от 18 до 45 лет.

Что касается сфер деятельности, то в 2020 году, как указывает Kwock, произошел прирост по таким ключевым направлениям, как разработка и ИТ (49 %), дизайн (44 %), маркетинг (30 %), тексты (25 %) [23]. Исследования PwC показывают, что в долгосрочной перспективе наиболее востребованными будут услуги на дизайн и мультимедиа, ИТ и программирование, контент и переводы, финансы, управление и HR [20].

Итак, фрилансерство прочно утверждается на российском рынке труда. Спрос на услуги фрилансеров растет. Но при этом необходимо отметить, что у фрилансера в целом изменяются ценностные ориентиры и потребности. Дело в том, что фрилансер может работать официально или неофициально, в одном или в нескольких местах, может организовать свою работу полностью самостоятельно. В результате такой специфики они могут выполнять один или несколько проектов и одновременно с этим искать новую работу и предлагать свои услуги. В результате мотивация к гарантированной занятости неизменно снижается. Одновременно с этим перестраивается система ценностей. Каким образом происходят изменения в системе ценностей и потребностей фрилансеров, и было выявлено в эмпирическом исследовании.

Методы исследования

С целью изучения круга вопросов, связанных с деятельностью фрилансеров, в июне 2021 года в г. Новосибирске было проведено социологическое исследование. Метод исследования — анкетирование. Респонденты имели возможность выразить свое мнение в открытых вопросах, поэтому в статье будут приведены также и отдельные высказывания. Выборочная совокупность сформирована посредством «метода снежного кома». В исследовании приняли участие 130 респондентов. Возраст опрошенных варьировал от 18 до 40 лет. Направления сфер деятельности респондентов: 45 % заняты в сфере услуг, 25 % — торговля, 18 % — сфера ИТ, 8 % — медицина, 5 % — сфера финансов, 3 % — сфера маркетинга, 2 % — сфера туризма.

Результаты и обсуждение

При исследовании специфики деятельности фрилансеров, в том числе их ценностей, была выдвинута гипотеза о том, что в целом ценности не отличаются от таковых же у имеющих стандартную форму трудовой занятости, но они ранжируются по-другому. Респонденты оценивали такие ценности, как финансовая независимость, образование, карьера, домашний комфорт, возможность самопознания, здоровье, семья, свой бизнес, отдых, любовь. То, что ранжирование будет другим, предполагалось, но мы не ожидали, что оно совсем не укладывается в традиционные рамки о трудовых ценностях. Распределение представлено на рисунке 1.

То, что самой значимой ценностью является финансовая независимость, закономерно. Ее называют 40 % опрошенных. Финансовая независимость трактуется как сочетание свободы и относительно высокого уровня дохода в сравнении с тем, кто стабильно трудоустроен.

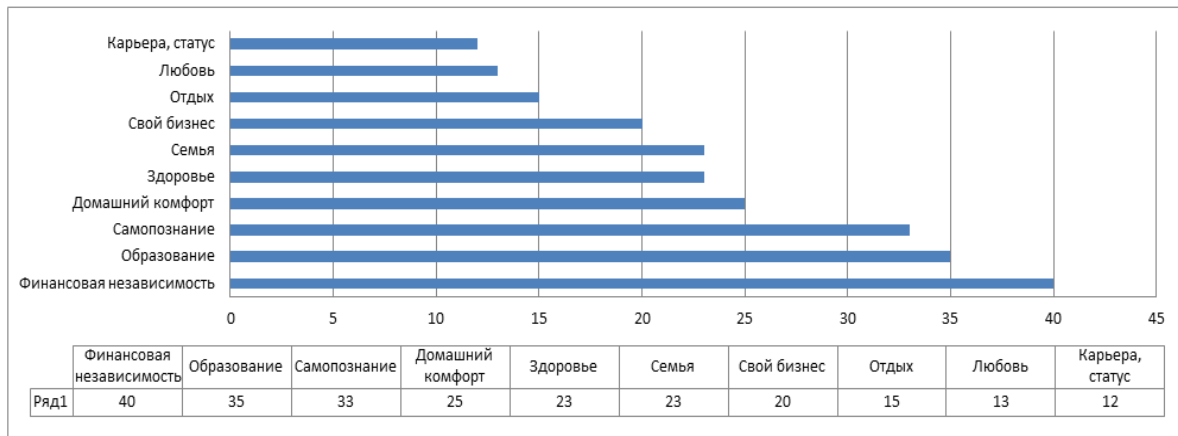

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о ценностях, которые мотивируют в трудовой деятельности (множественные ответы, %)

При этом в разрезе возраста эта ценность имеет разное значение. Чаще всего об этой ценности высказываются респонденты в возрасте от 21 до 30 лет — 40 % случаев. В 30 % случаев эту ценность называют респонденты в возрасте от 31 до 40 лет. Финансовая независимость важна лишь для 20 % респондентов в возрасте от 18 до 20 лет, выбирающих путь фрилансерства.

Объяснить полученные данные можно следующим образом. До 20 лет фрилансер часто еще не имеет возможности получить устойчивые навыки работы, которая будет востребована на рынке труда. Вероятно, поэтому и уровень притязаний в финансовом аспекте достаточно низок.

В то же время желание молодых людей в возрасте от 21 до 30 лет хорошо зарабатывать сопряжено с тем, что развивается профессиональный опыт, появляется уверенность в своих силах. Есть желание и возможность работать в любое время дня, поскольку работоспособность достаточно высока. Хотя в возрастной группе от 31 до 40 лет еще наблюдается высокая работоспособность, но она уже ниже, чем в более ранней возрастной группе.

На втором месте оказалась такая ценность, как «образование». Она имеет значение для 35 % опрошенных. Если рассмотреть с позиции возраста, то наиболее значимо образование, в том числе получение дополнительного, для возрастной группы от 21 до 30 лет (38 %). В меньшей степени его отмечают представители в возрасте от 31 до 40 лет (25 %).

То, что ценность образования и повышение профессиональной квалификации оказались на втором месте, можно объяснить именно спецификой работы. Фрилансеру необходимо постоянно развивать свои профессиональные навыки, чтобы выдерживать высокую конкуренцию: «новые знания помогают найти более высокооплачиваемую работу, а иногда даже и уйти в другую нишу», «здесь нужно постоянно и быстро учиться». Фрилансеру важно отслеживать курсы повышения квалификации, мастер-классы, марафоны и т. д., чтобы не только понимать, как развивается рынок, но и для того чтобы высвободить свое время для этого.

Следующая значимая ценность — «самопознание» (33 %). Ценность самопознания можно трактовать как возможность через самопознание духовно развиваться, стремиться к самореализации. Интересно, что данная ценность имеет значение для 35 % опрошенных от 18 до 20 лет. Чуть менее значима она для респондентов от 21 до 30 лет (30 %). Еще менее значима она для группы в возрасте от 31 до 40 лет (25 %). Объяснить данное распределение можно тем, что молодые респонденты до 20 лет имеют достаточно высокую мотивацию работы в форме фриланса из-за того, что есть желание к личностному развитию, которое дает такая форма занятости. Как нам представляется, такая ценность не относится к тройке лидеров у индивидов, имеющих стандартную форму занятости.

Обращение к себе связано с тем, что для фрилансера важна интересная работа, которая максимально отвечает потребностям, внутреннему миру индивида. Для обретения этого и необходимо самопознание: *«ты начинаешь понимать, к чему предрасположен и на что способен»*.

Для 25 % опрошенных респондентов значимой оказалась такая ценность, как «домашний комфорт». Домашний комфорт как ценность означает возможность работать в домашних условиях с гибким графиком и отсутствием коллектива. Эту ценность можно отнести к числу нехарактерных ценностей для стандартной трудовой занятости. Она в определенном смысле противопоставляется ценности социальности, то есть стремлению индивида быть в коллективе. Но здесь оказывается важной и другая сторона: *«поддерживать дом в порядке гораздо проще», «можно заниматься домашними делами тогда, когда удобно»*.

Что касается распределения по возрасту, то домашний комфорт играет существенную роль для 40 % молодых людей в возрасте от 21 до 30 лет и для 30 % — в возрасте от 31 до 40 лет. В меньшей мере — для молодых от 18 до 20 лет (17 %).

Пятая и шестая ценности («здоровье» и «семья») имеют одинаковую значимость для 23 % опрошенных. При этом максимальное число опрошенных указывают на эти ценности в возрасте от 21 до 30 лет (по 40 %). Хотя в остальных группах тоже интерес к семье высокий, но, вероятно, для этой возрастной группы наиболее значимо создание семьи, поддержание семейных отношений: *«ты имеешь возможность точно видеть, как растут дети»*.

Но стоит отметить, что чаще всего ценность семьи отмечается в числе тройки лидеров респондентами, имеющими стандартную занятость. То, что у фрилансеров она не доминирует, возможно, связано еще и с тем, что нередко именно семья является источником напряжения, оценивая фрилансерство как временную и несерьезную занятость: *«первое время спрашивали, когда найду нормальную работу»*. Требуется время для адаптации к этой форме занятости всеми членами семьи.

Ценность здоровья тоже имеет свою специфику. В целом в российском менталитете не принято в молодом возрасте нацеливать свои усилия на целенаправленное поддержание своего здоровья. Однако, погрузившись в нестандартную трудовую занятость, респонденты даже молодого возраста высказываются так: *«нужно к здоровью относиться внимательнее», «нужно прямо следить за здоровьем»*.

Следующая ценность — «собственный бизнес». Его отмечает лишь каждый пятый опрошенный. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с одной из специфических ценностей фрилансера. С одной стороны, именно собственный бизнес может в большей мере способствовать обретению финансовой независимости индивида. Но, с другой стороны, значительные финансовые, временные, психологические вложения, которых требует собственный бизнес, могут не принести того результата, на который рассчитывает индивид.

Что касается распределения по возрасту, то свой бизнес интересен 40 % респондентов в возрастной группе от 21 до 30 лет, 29 % — в возрасте от 18 до 20 лет, 25 % — в возрасте от 31 до 40 лет.

Ценность «отдых» отмечают лишь 15 % опрошенных. В данном случае, возможно, мы имеем дело со спецификой трудовой деятельности фрилансеров. Дело в том, что стандартно занятые работники имеют установленные дни еженедельного отдыха во время трудовой деятельности и точное время отпуска. Как еженедельный отдых, так и отпуск у фрилансеров не стабильны. Все предопределяется загруженностью, наличием проектов, работой с заказчиками.

Как представляется, здесь возможны две проблемы начинающих фрилансеров. Во-первых, из-за адаптации к собственно этому типу занятости можно не очень серьезно относиться к еженедельному отдыху, поскольку индивид не ходит ежедневно на работу, не перемещается на транспорте и т. д. Во-вторых, можно не спланировать отпуск, а это означает, что не выстроить процессы таким образом, чтобы образовалось время для отдыха: *«отдых превращается в работу на природе»*.

Показательно, что эту ценность вообще не отметили представители возрастной группы от 31 до 40 лет. Максимально высказываются о ценности отдыха представители в возрасте от 21 до 30 лет (50 %). Можно предположить, что в этой возрастной группе уже в большей мере выстроены форматы отдыха.

Две последние ценности — «любовь» (13 %) и «карьера» (12 %). В целом каждому человеку важна ценность любви. То, что фрилансеры не относят ее к приоритетной, говорит о том, что именно для трудовой деятельности она не значима. То же относится и к карьере. В такой форме занятости, как фриланс она почти теряет свою значимость: *«о карьере пока можно не думать вообще»*. Карьера возможна только в случае официального трудоустройства, поскольку в этом случае продвижение по службе имеет значимость. Стоит обратить внимание, что ее отметили только представители возрастной группы от 18 до 20 лет. Возможно, это связано с тем, что они пока еще не утвердились во фрилансе и могут перейти к другим формам занятости.

В исследовании мы выявили также потребности, которые позволяет реализовать такая форма занятости, как фриланс (рис. 2).

Полученные в исследовании данные о ценностях коррелируют с данными о потребностях: финансовая независимость — материальное благополучие, самопознание — самовыражение, отдых — свободное время, семья — семья, карьера — социальный статус. Исключение составляет такая потребность, как свобода.

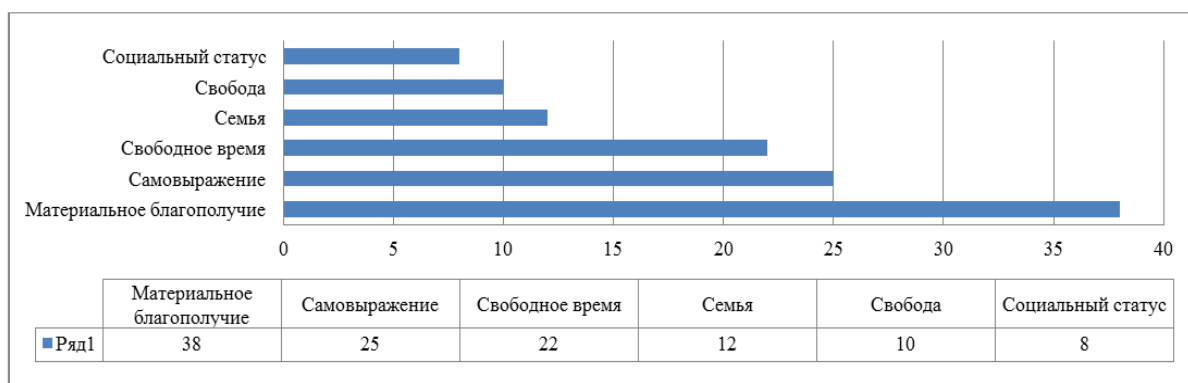

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о потребностях, которые реализуются в трудовой деятельности (множественные ответы, %)

Переход к фрилансу нередко обусловлен не только потребностью материального благополучия, но и независимостью от работодателя. Именно это и подразумевалось под потребностью свободы. Но, как видим, для респондентов эта потребность не является доминирующей. Можем предположить, что наличие руководителя, соблюдение корпоративных правил, контроль совершенно не определяют выбор формы занятости.

Доминируют материальное благополучие (38 %) и самовыражение (25 %). Что касается самовыражения, то эта потребность коррелирует с высоким профессионализмом фрилансера, который, как мы указывали выше, связан с непрерывным повышением квалификации.

Выводы

Фриланс как форма нестандартной занятости достаточно интересна для исследований в связи с тем, что спрос на услуги растет, как растет и число фрилансеров. Исследователи чаще всего в качестве ключевых причин, вынуждающих обращаться к такому типу занятости, называют финансовую независимость, свободу в действиях, реализацию творческих способностей.

Проведенное нами исследование показывает, что, действительно, приоритетной ценностью является финансовая независимость, а потребностью, которая реализуется в деятельности, — материальная обеспеченность. Однако ранжирование других ценностей в большей степени является нетипичным по сравнению с ценностями лиц стандартной занятости. Так, следующей по значимости нами была выявлена ценность образования. Потенциально эта ценность значима для представителей как стандартной, так и нестандартной занятости. Однако фрилансеры, работая в ситуации жесткой конкуренции на рынке труда, вынуждены постоянно повышать свою квалификацию и профессионально развиваться.

Ценность самопознания, которая располагается у фрилансеров в тройке лидеров, также не совсем типична для представителей стандартной занятости. Безусловно, ценность сама по себе достаточно значима для любого человека. Однако самопознание для

фрилансеров необходимо для того, чтобы на основании своих природных задатков, способностей найти интересную работу.

Исследование потребностей, которые реализуются в трудовой деятельности, показало, что они коррелируют с ценностями. За исключением потребности свободы. Она не является доминирующей, что позволяет нам говорить о том, что свобода как независимость от власти руководителя, соблюдения корпоративных правил и норм, контроль не столь важна для исследуемой группы фрилансеров. Хотя отметим, что этот вопрос требует дальнейшего изучения.

В завершение укажем, что материалы статьи могут быть интересны всем, кто занимается исследованием стандартной и нестандартной форм трудовой занятости на современном этапе развития российского общества.

Список источников

- [1] Тощенко, Ж. Т. Прекарная занятость — феномен современной экономики / Ж. Т. Тощенко. – DOI 10.31857/S013216250009904-7. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 3–13.
- [2] Чаплашкин, Н. В. Фриланс как новое социальное явление и его последствия : специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Чаплашкин Николай Владимирович. – Нижний Новгород, 2013. – 25 с. – Место защиты : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Текст : непосредственный.
- [3] Хэнди, Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего / Ч. Хэнди ; перевод с английского Т. Виноградова, Л. Царук, под общей редакцией Ю.Н. Каптуревского. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2001. – 278 с. – Перевод изд.: Arrow Business Books / Charles Handy, 2001. – Текст : непосредственный.
- [4] Хэнди, Ч. По ту сторону уверенности. О новом мире внутри и вокруг организаций / Ч. Хэнди ; перевод с английского С. Жильцова. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 222 с. – Перевод изд.: Beyond Certainly of Changings Worlds of Organisations / Charles Handy. London, 1995. – Текст : непосредственный.
- [5] Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; перевод с немецкого В. Седелника и Н. Федоровой. – Москва : Прогресс-традиция, 2000. – 381 с. – Перевод изд.: Risikogesellschaft / U. Beck. Frankfurt am Main, 1986. – Текст : непосредственный.
- [6] Бехтель, М. Будущее труда : размышления, взгляды, перспективы / М. Бехтель. – 2000. – Текст : непосредственный.
- [7] Кастельс, М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / М. Кастельс ; перевод с английского, под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва, 2000. – 606 с. – Перевод изд.: The information age. Economy, Society and Culture / Manuel Castells. Oxford, 1996. – Текст : непосредственный.
- [8] Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – 2nd edition. – The United Kingdom, Wiley-Blackwell, 1996. – 656 p. – Direct text.

- [9] Пинк, Д. Нация свободных агентов : как новые независимые работники меняют жизнь Америки / Д. Пинк ; перевод с английского А. Кириченко, Н. Киричукова. – Москва : Секрет фирмы, 2009. – 317 с. – Перевод изд.: *Free Agent Nation: How New Independent Workers Are Changing America's Life* / D. Pink, 2005. – Текст : непосредственный.
- [10] Rifkin, J. *The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era* / J. Rifkin. – New York : G. P. Putnam's Sons, 1996. – 350 p. – Direct text.
- [11] Бандюкова, Т. С. Случайная занятость в России : численность, состав, мобильность / Т. С. Бандюкова. – Москва : ГУ-ВШЭ, 2004. – 36 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Занятость и социальная прекаризация в России : введение в анализ : монография / В. Н. Бобков, О. В. Вередюк, Р. П. Колосова, Т. О. Разумова ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва : ТЕИС, 2014. – 94 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Гасюкова, Е. Н. Прекаризация : концептуальные основания, факторы и оценки. Мир и Россия / Е. Н. Гасюкова. – Текст : непосредственный // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Т. 8, № 6 (44). – С. 28–46.
- [14] Гимпельсон, В. Е. Временная или непостоянная занятость в России : данные, уровень, динамика, распространенность / В. Е. Гимпельсон. – Москва : ГУ-ВШЭ, 2004. – 30 с. – Текст : непосредственный.
- [15] Голенкова, З. Т. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова. – Текст : непосредственный // Наемный работник в современной России : монография / Отв. ред. З. Т. Голенкова. – Москва : Новый Хронограф, 2015. – С. 121–138.
- [16] Капелюшников, Р. И. Нестандартные формы занятости и безработицы в России / Р. И. Капелюшников. – Москва : ГУ ВШЭ, 2004. – 50 с. – Текст : непосредственный.
- [17] Колосова, Е. А. Самозанятость в сфере услуг : особенности трудовых отношений / Е. А. Колосова. – DOI 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2018. – № 2 (12). – С. 35–42.
- [18] Шкаратан, О. И. Прекариат : теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) / О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровский, Е. Н. Гасюкова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 99–110.
- [19] Кадничанская, М. И. Фриланс как современная форма занятости на рынке труда в социально-экономическом пространстве г. Ульяновска / М. И. Кадничанская, Е. П. Галкина. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.15. – Текст : непосредственный // *Logos et Praxis*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 125–132.
- [20] Gig-экономика [презентация]. – Текст : электронный. – URL: [https:// www.pwc.ru/publications/freelance-latform/pwc_freelance_market_research_final.pdf](https://www.pwc.ru/publications/freelance-latform/pwc_freelance_market_research_final.pdf) (дата обращения: 10.12.2021). Дата публикации: февраль 2021.

- [21] Вольф, К. В. Фриланс как форма адаптации молодежи к рынку труда в условиях пандемии / К. В. Вольф, И. В. Бархатов. – DOI 10.26794/2226-78672020-10-6-93-96. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – № 10 (6). – С. 93–96.
- [22] Динамика численности экономически активного населения. – Текст : электронный. – URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/I000040R.HTM (дата обращения: 10.12.2021).
- [23] Рынок фриланса : цифры, деньги, влияние пандемии и тренды 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/rynok-frilansa-cifry-dengi-vliyaniye-pandemii-i-trendy-2021> (дата обращения: 10.12.2021).

References

- [1] Toschenko, Z. T. (2020). Precarious employment is a phenomenon of the modern economy. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (8), pp. 3-13. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250009904-7
- [2] Chaplashkin, N. V. (2013). *Frilans kak novoe sotsial'noe yavlenie i ego posledstviya*. Avtoref. diss. ... kand. sotsiol. nauk. Nizhny Novgorod, 25 p. (In Russian).
- [3] Handy, Ch. (2001). *Arrow Business Books*. (In English).
- [4] Handy, Ch. (1995). *Beyond Certainly of Changings Worlds of Organisations*. London, Hutchinson, 224 p. (In English).
- [5] Beck, U. (1986). *Risikogesellschaft*. Frankfurt am Main, Suhrkamp. (In German).
- [6] Bechtel, M. (2000). *The future of labor: Reflections, views, perspectives*. (In Russian).
- [7] Castells, M. (1996). *The information age. Economy, Society and Culture*. Oxford, Blackwell. (In English).
- [8] Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society*. 2nd edition. The United Kingdom, Wiley-Blackwell, 656 p. (In English).
- [9] Pink, D. (2005). *Free Agent Nation: How New Independent Workers Are Changing America's Life*. (In English).
- [10] Rifkin, J. (1996). *The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York, G. P. Putnam's Sons, 350 p. (In English).
- [11] Bandyukova, T. S. (2004). *Sluchaynaya zanyatost' v Rossii: chislennost', sostav, mobil'nost'*. Moscow, HSE University Publ., 36 p. (In Russian).
- [12] Bobkov, V. N., Veredyuk, O. V., Kolosova, R. P., & Razumova, T. O. (2014). *Zanyatost' i sotsial'naya prekarizatsiya v Rossii: vvedenie v analiz*. Moscow, TEIS Publ., 94 p. (In Russian).
- [13] Gasyukova, E. N. (2015). *Precarization: conceptual bases, factors and evaluation. The world and Russia. Problem analysis and public administration projection theory practice methodology*, 8(6(44)), pp. 28-46. (In Russian).
- [14] Gimpel'son, V. E. (2004). *Vremennaya ili nepostoyannaya zanyatost' v Rossii: dannye, uroven', dinamika, rasprostranennost'*. Moscow, HSE University Publ., 30 p. (In Russian).

- [15] Golenkova, Z. T., & Goliusova, Yu. V. (2015). Prekariat kak novoe yavlenie v sovremennoy sotsial'noy strukture. Naemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii. Moscow, Novyy Khronograf Publ., pp. 121-138. (In Russian).
- [16] Kapelyushnikov, R. I. (2004). Nestandartnye formy zanyatosti i bezrobotitsy v Rossii. Moscow, GU VSHE, 50 p. (In Russian).
- [17] Kolosova, E. A. (2018). Self-employment in the service sector : features of labor relations. Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series Philosophy. Sociology. Art Criticism, (2(12)), pp. 35-42. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42
- [18] Shkaratan, O. I., Karacharovskiy, V. V., & Gasyukova, E. N. (2015) Precariat: theory and empirical analysis (polls in Russia, 1994-2013 data). Sotsiologicheskie issledovaniya, (12), pp. 99-110. (In Russian).
- [19] Kadnichanskaya, M. I., & Galkina, E. P. (2019) Freelance as a modern form of employment in the labor market in socio-economic space of the city Ulyanovsk. Logos et Praxis, 18(4), pp. 125-132. (In Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.15
- [20] Gig-ekonomika. (2021). (In Russian). Available at: https://www.pwc.ru/ru/publications/freelance-platform/pwc_freelance_market_research_final.pdf
- [21] Volf , K. V., & Barkhatov, I. V. (2020). Freelance as an adaptative form of youth to the labor market in a period of pandemia. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 10(6), pp. 93-96. (In Russian). DOI: 10.26794/2226-78672020-10-6-93-96
- [22] Dinamika chislennosti ekonomicheski aktivnogo naseleniya. (2021). (In Russian). Available at: https://www.gks.ru/bgd/free/B00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/I000040R.HTM
- [23] Rynok frilansa : tsifry, den'gi, vliyanie pandemii i trendy 2021. (2021). (In Russian). Available at: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/rynok-frilansa-cifry-dengi-vliyanie-pandemii-i-trendy-2021>

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.

УДК 316.4

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-69-84

Нестоличные промышленные города России: подходы к изучению, проблематизация развития

Гузель Ильясовна Макарова

*Отдел этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан, Казань, Россия*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью устойчивого роста экономики РФ, во многом продолжающей определяться реальными производствами, которые концентрируются, прежде всего, в нестоличных промышленных городах страны. Актуальность также связана с задачами пространственного развития России, преодоления оттока населения с периферии в столичные центры. В статье обобщены современные подходы к изучению нестоличных промышленных городов в исследованиях отечественных авторов. В большинстве из них проблематизируются социально-экономические вопросы — диверсификации экономики моногородов, модернизации градообразующих предприятий, формирования малого и среднего бизнеса, улучшения городской инфраструктуры. Предлагается система мер по развитию этих городов «сверху» путем воздействия на городскую экономику с помощью разного рода институциональных структур и их стратегий. В то же время инициативы «снизу» — со стороны самих горожан и их сообществ — остаются малоизученными и незадействованными, либо при их рассмотрении акцент делается на политическом активизме и протестных движениях. В работе артикулируется важность применения акторного подхода, позволяющего сконцентрировать внимание на рассмотрении социально-экономических и культурных инициатив горожан и возможности их использования в формировании привлекательности данного типа городов для высококомпетентных специалистов и прежде всего молодежи. Этот подход не умаляет значимости анализа управленческих решений. Он оказывается также сопряженным с рассмотрением социокультурных смыслов, вкладываемых людьми в свои действия и лежащих в основе их идентичности.

Ключевые слова: промышленный город, нестоличный город, городские сообщества, градообразующее предприятие, идентичность, социокультурное пространство города

Для цитирования: Макарова, Г. И. Нестоличные промышленные города России: подходы к изучению, проблематизация развития / Г. И. Макарова. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-69-84 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 69–84.

Non-capital industrial cities in Russia: approaches to study, problematization of development

Guzel I. Makarova

*Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy
of Sciences, Kazan, Russia*

Abstract. The relevance of the study is due to the need for sustainable economic growth in the Russian Federation, which continues to be largely determined by real production, which are concentrated primarily in non-capital industrial cities of the country. The relevance is also connected with the tasks of the spatial development

of Russia and overcoming the outflow of the population from the periphery to the capital's centers. The article summarizes modern approaches to the study of non-capital industrial cities in the research of Russian authors. Most of them problematize socio-economic issues, namely diversification of the economy of mono-towns, modernization of city-forming enterprises, formation of small and medium-sized businesses, and improvement of urban infrastructure. A system of measures is proposed for the development of these cities "from above" by influencing the urban economy with the help of various kinds of institutional structures and their strategies. At the same time, initiatives "from below" - on the part of the citizens and their communities - remain poorly studied and unused, or when they are considered, the emphasis is placed on political activism and protest movements. The article articulates the importance of using the actor approach, which allows us to focus on considering the socio-economic and cultural initiatives of citizens and the possibility of their use in shaping the attractiveness of non-capital industrial cities of Russia for highly competent specialists, and especially young people. This approach doesn't diminish the importance of the analysis of management decisions. It also turns out to be associated with the consideration of the socio-cultural meanings that people put into their actions and that underlie their identity.

Keywords: industrial city, non-capital city, urban communities, city-forming enterprise, identity, socio-cultural space of the city

For citation: Makarova, G. I. (2022). Non-capital industrial cities in Russia: approaches to study, problematization of development. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 69-84. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-69-84

Введение

В последние десятилетия внимание отечественных исследователей все чаще фокусируется на нестоличных промышленных городах России. Развивавшиеся, а многие из них и возникшие в условиях государственного регулирования производственной сферы, они, в особенности моногорода, с трудом адаптировались к стихийно формирующимся в 1990-е гг. рыночным отношениям. Эти процессы вели к приостановке либо закрытию их ведущих производств, росту безработицы, ухудшению социального самочувствия населения. Ситуация усугублялась господствовавшей в стране установкой на поддержание крупнейших центров за счет депопуляции периферийных городов. В 2000-е гг. положение стало меняться. Руководством РФ предпринимаются шаги по реформированию их экономики, образованию ТОРов или ТОСЭРов, оптимизации деятельности градообразующих предприятий [1]. Власти различных уровней начинают осуществлять программы по улучшению качества жизни горожан, созданию комфортной городской среды. Происходит перемена трендов в пространственном развитии страны — проводятся идеи укрепления каркаса российского государства в виде развитой системы городских поселений.

Обозначенные процессы получают осмысление в трудах ученых, многие из которых оказываются включенными в проектирование реформ, предлагая свои пути их осуществления. При этом одни отмечают важность использования зарубежного опыта [2], другие подчеркивают специфику России [3].

Цель статьи — определить границы явления, систематизировать сложившиеся в российских общественных науках направления его изучения (с проведением параллелей с западными исследованиями) и выделить некоторые новые ракурсы, связанные с

раскрытием потенциала производственных, управленческих и креативных сообществ в развитии нестоличных промышленных городов. Ее актуальность обусловлена тем, что рост экономики РФ и сегодня продолжает во многом определяться реальными производствами, отсюда важность решения проблем городов названного типа. Теоретическая и одновременно практическая значимость связана с обобщением особенностей современного развития городов страны, выстраивающихся вокруг производственной деятельности, и вклада отечественных исследователей в их рассмотрение, в обоснование важности социологического подхода, связанного с выяснением роли различных социальных акторов и их сообществ в городских процессах.

Материалы и методы

В статье представлен обзор работ российских авторов, написанных по проблематике нестоличных промышленных городов в 2000–2021 гг. Главные методы — анализ, синтез и обобщение. Для понимания динамики изучения темы и самих происходивших в городах РФ процессов привлекались статьи и книги предыдущих периодов, для определения специфики отечественного опыта — сопоставление с публикациями зарубежных ученых. Тем самым были применены также сравнительный и сравнительно-исторический методы.

Исследование осуществлялось в четыре этапа. На начальном — производился отбор литературы с использованием научных поисковых систем eLIBRARY и Google Scholar. eLIBRARY — крупнейший в России информационно-аналитический портал, где наиболее полно представлена научная периодика на русском языке. Google Scholar — поисковая платформа, содержащая данные большинства реферируемых журналов мира, а также книг, сборников статей и диссертаций. Поиск велся по ключевым словам: «промышленный город», «моногород», «нестоличный город», в сочетании с терминами «диверсификация», «городские сообщества», «социальная структура», «идентичность» и т. д. Использовался и отбор методом «снежного кома», опирающийся на список литературы найденных таким образом статей и книг. Всего было выделено 248 работ. На втором этапе велась систематизация материала: а) по используемым понятиям и их трактовкам; б) по подходам к рассмотрению изучаемой проблематики; в) по подтемам; г) по характеру освещения информации. На третьем — проходил их анализ, делались обобщения о сущности процессов в нестоличных промышленных городах России и о характере их представленности в работах исследователей. Выяснялись вопросы, по которым между авторами достигнут консенсус либо существуют разногласия. Четвертый этап был связан с формулировкой выводов и выделением тем, не получивших последовательного раскрытия, проводилось сравнение с советским и постсоветским периодами и с зарубежными работами.

Результаты и обсуждение

Понятие «промышленный город» является общепринятым в российской научной литературе. Промышленными называют города по типу преобладающей экономики, артикулируя преимущественно производственную их функцию [4] в отличие от туристиче-

ских, транспортных, торговых, образовательно-научных [5]. Термин «*индустриальный город*» используется как синоним промышленного либо для обозначения города в период индустриализации (Н. А. Новикова, С. С. Чудинова). Согласно второй трактовке, на определенном этапе он преобразуется в постиндустриальный, характеризующийся большим многообразием функций, развитой индустрией знаний и услуг, внедрением высоких технологий в производство. Анализ показал, однако, что в России все города с преобладающей промышленной специализацией, даже если в основе их экономики современные высокопроизводительные предприятия (А. А. Румянцев), чаще обозначаются как «промышленный город».

Важным, влияющим на характер и перспективы развития таких городов фактором [6] является их разделение на *столичные и нестоличные*. Под «столичными» в данном случае имеются в виду города, выступающие административными центрами страны и регионов РФ. Причем имеет место тенденция вытеснения промышленного производства с ведущих позиций в структуре их экономики [7]. В результате преобладающую часть промышленных городов составляют сегодня нестоличные города. Таким поселениям свойственен «индустриальный тип занятости» с большей долей квалифицированных рабочих и меньшей — по сравнению с полифункциональными городами — людей с высшим образованием, а также «индустриальная ментальность» [7].

Особое внимание обществоведов и властей различных уровней приковано в последние десятилетия к *моногородам* или монопрофильным городам. Определяя их, исследователи сходятся на том, что это города, экономика которых выстраивается вокруг градообразующего предприятия или группы взаимосвязанных предприятий, от которого/которых зависят происходящие в них социально-экономические, демографические, экологические и прочие процессы, качество жизни горожан [5]. В то же время численные показатели, согласно которым они относятся к данному типу, различаются. Так, в исследовании Экспертного института при поддержке Всемирного банка конца 1990-х гг. таковыми считались поселения, где 50 % всех занятых работают на одном предприятии/группе предприятий. В 2009 г. Министерством регионального развития РФ закреплён критерий в 25 %, составлен список монопрофильных населённых пунктов. А Постановлением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. (№ 709) утверждён критерий в 20 % работающих на таком предприятии [8].

В мировой научной литературе собственно термин «моногород» — «*monotown*» употребляется в контексте разговора о российских и постсоветских городах. Чаще используется понятие «*company town*» (М. Борхес и С. Торрес, Х. Грин, Л. Карлсон, Л. К. Мориссет, К. Эхсани, О. Дж. Диниус, А. Вергара) либо «*single industry town*» (А.-М. М. Хиней и Дж. Питбладо). Распространённым является и обозначение городов согласно их специализации — «*mining town*», «*textile town*», «*forestry town*» (Л. Марэ и др.) [9]. Ряд исследователей пишут о «сжимающихся» городах, сформированных вокруг индустриальных производств, ныне прекративших свое существование (Х. В. Ричардсон, К. В. Нам; Б. Райан; А. Адхья, Дж. П. Ганнинг и Д. Р. Тай). Что касается моногородов РФ, почти всеми учеными отмечается их уязвимость в периоды кризисов, ограниченность возможностей в плане разнообразия рабочих мест, в развитии человеческого капитала [2], несформированность городской среды. Однако и среди

этих городов есть относительно успешные. Внутренняя их дифференциация обусловлена следующим: а) отраслевой принадлежностью производства; б) тем, находится в городе головное или второстепенное предприятие компании [2; 10]; в) близостью/отдаленностью моногорода от центра страны, городов-миллионников и столиц [11]; д) численностью населения [3].

Рассмотрим далее, какие вопросы развития нестоличных промышленных городов проблематизируют ученые, чьи ракурсы можно обозначить как экономический, социологический и социокультурный.

Экономический ракурс

Наиболее часто городские поселения данного типа становятся объектом изучения для представителей экономических наук. Особое внимание уделяется ими *диверсификации экономики*, разрабатываются индикаторы измерения ее структурных изменений [12]. Рассматривается развитие в городах малого и среднего бизнеса, анализируются трудности, с которыми приходится сталкиваться предпринимателям, сложность привлечения инвесторов [13]. Изучаются и примеры создания хозяйственных агломераций, в частности, кластеров на основе моногородов — их динамика, положительные и отрицательные эффекты (Е. С. Куценко), формирование ТОСЭРов. Продолжает оставаться актуальной *модернизация градообразующих предприятий* (А. М. Столяров), чаще представляющих сегодня крупный бизнес. Учеными раскрываются сложности достижения ими конкурентоспособности на мировом рынке, утверждения заново их места во внутривосточном межотраслевом разделении [1]. Исследователями ставится и вопрос о характере влияния данной позиции на взаимоотношения ведущих хозяйствующих субъектов и города (Т. А. Неклюдова). Однако взаимодействие предприятий и муниципальных властей в части разработки и реализации социальных программ раскрывается редко [14]; недостаточно изучена мотивация владельцев, управленцев компаний в проявлениях социально ответственного отношения к городу.

Острой, особенно в периоды кризисов, остается *проблема занятости*. К ее исследованию, как и рынка труда моногородов в целом, обращаются экономисты, географы, социологи, психологи. И если экономисты анализируют динамику рынков и модели поведения предприятий в кризисных условиях (Е. А. Ефимова, Е. Н. Колесов, Л. В. Здоровцова), социологи подчеркивают важность рассмотрения социально-трудовых отношений и возможностей совершенствования трудового потенциала населения (О. Г. Огий).

В контексте территориального развития страны изучают городскую хозяйственную деятельность экономгеографы [7]. Города рассматриваются ими как опорные точки организации пространственного размещения производительных сил, раскрывается влияние на них географических факторов, формирование сети городов в труднодоступных районах страны и в местах с суровым климатом (Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов и др.). Отдельные исследователи концентрируют внимание на экологических проблемах промышленных поселений, отмечая важность разработки государственной политики, объединяющей усилия в данном направлении городских властей, предприятий, бизнесменов, активистов [15].

Помимо фиксации социально-экономических процессов, работающими в русле экономических наук предлагается система мер, направленных на преодоление кризисных моментов в функционировании промышленных городов, отсюда данный ракурс обозначается как *экономико-управленческий* [3]. Уже выделяя факторы развития монопоселений, авторы подчеркивают значение тех, которые связаны с управленческим воздействием. В частности, среди внешних факторов назван размер их государственной поддержки, среди внутренних — эффективность менеджмента предприятий (А. Н. Маслова). Ряд авторов (В. А. Кожин, А. А. Преснецов, В. С. Провалов) делают акцент на государственном регулировании при разработке генеральной линии в стратегиях городов. Другие отмечают важность проводимой региональными и городскими властями политики в отношении ведущих производств, бизнеса, совершенствования инфраструктуры (О. Г. Крюкова и Е. В. Арсенова и др.). Отдельные исследователи (Г. Рубцов и А. Литвиненко) считают, что в России уже сложилась собственная модель управления монообразованиями, сочетающая множество инструментов и механизмов.

Среди рекомендуемых учеными решений выделим следующие их направления. Первое связано с дальнейшей диверсификацией экономики моногородов, когда предлагаются меры по совершенствованию законодательства РФ в данной сфере, разработке программ поддержки предпринимательства, снижению налогового бремени на него [16]. Отмечается эффективность образования на базе ведущих предприятий спин-оффов, обеспечивающих вариативность их специализации. И все же постепенно, по признанию авторов, сферы деятельности города необходимо расширять за счет принципиально новых их видов — туризм, производство продуктов питания и т. д. [1]. Это должно осуществляться с учетом географической, социокультурной специфики территории, местных компетенций, отсюда и название — модель «местноориентированного экономического роста» [17]. Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов отмечают при этом, что необходимо не просто найти пути переориентации городов на новые направления, но и настроиться на постоянный инновационный поиск [1; 10]. Подчеркивается и важность преодоления «блокировок», препятствующих выходу из привычной колеи: сохранившихся высоких ожиданий от градообразующих предприятий населения, устоявшихся форм взаимодействия их руководства, ряда коммерческих фирм и городских властей, инерционности мышления и коррумпированности местных чиновников, ограниченного видения акторами перспектив развития города.

Другие авторы предлагают действия по формированию инновационного предпринимательства и высокотехнологичных производств. Продвигается идея создания в нестолических промышленных городах технопарков и инженерных центров [18], требующих привлечения высококвалифицированных специалистов и совершенствования имеющихся человеческих ресурсов путем организации системы дополнительного образования и переквалификации кадров [19]. Это особенно важно, поскольку в настоящий период авторы фиксируют в них относительно «невысокое качество населения», имея в виду преобладание работников со средним специальным образованием [2].

Третье направление связано с поиском путей стимулирования социальной ответственности предприятий в новых экономических условиях [14; 20]. Исследователи от-

мечают различия в характере их взаимодействия с городом в зависимости от функциональной принадлежности производства — когда оно является частью международного, федерального холдинга либо региональной производственной структуры — а также от его статуса в этих компаниях [1]. Не теряют актуальности и вопросы антикризисного управления в моногородах (А. Н. Ряховская, О. Г. Крюкова), разработки механизмов регулирования деятельности предприятий в состоянии кризиса (В. И. Жмачинский, М. В. Иванов, И. Г. Ильющенко).

Обобщая, отметим, что большинство представителей экономических и экономико-управленческих наук делают акцент на решении проблем нестоличных промышленных городов «сверху» путем воздействия на происходящие в них процессы разного рода институциональными структурами. Однако представляется значимым использование наряду с институциональным деятельностного или *акторного подхода* (идущего от М. Вебера). Применительно к обозначенной теме это предполагает изучение вклада различных социальных акторов и их групп в городское развитие. Такой аспект исследований характерен, прежде всего, для социологов.

Социологический и социокультурный ракурсы

Город определялся как общность социально неоднородных индивидов еще Л. Виртом. Р. Парк трактовал его как состоящий из сообществ, каждое из которых обладает своей культурой и нормами поведения. Представители ряда современных направлений развивают различные аспекты данной проблематики. Основы для изучения городского активизма закладывают А. Лефевр и Д. Харви. Особый ракурс связан с рассмотрением соседских сообществ (К. П. Швириан). Роль креативного класса в формировании привлекательности города раскрывает Р. Флорида, а Дж. Лейв и Э. Венгер ставят вопрос о «сообществах практики», понимая под ними группы социальных субъектов, объединенных общей деятельностью.

В отечественной науке в поздний советский период также начинается осмысление формирующихся в городах социально-поселенческих общностей (В. И. Пароль и др.). В 1990-е гг. — в период демократизации — актуализируется тема включенности каждого в решении городских проблем (Л. Б. Коган, В. Л. Глазычев, О. Н. Яницкий, Е. С. Шомина). Сегодня о праве горожан на участие в выборе характера городской застройки пишут О. Паченков, А. Хохлова, Е. Тыканова и др. Нужно, однако, отметить, что многие из них раскрывают тему на примере столичных городов, в то время как в нестоличных она может обретать иное звучание.

Значимой в городах изучаемого типа представляется, прежде всего, *проблематика сообществ*, формирующихся вокруг ведущих производств. В русле акторного подхода ее, на примере Центра социальных программ РУСАЛа в г. Шелехове, поднимают авторы статьи «Социальная деятельность градообразующих предприятий» [21]. Они отмечают участие представителей Центра в осуществлении проектов, связанных с совершенствованием инфраструктуры, повышением комфортности городских пространств, с волонтерским движением и образованием. О промышленном предприятии как субъекте создания и продвижения образа города размышляет, опираясь на опыт г. Ноябрьска, Е. П. Дубинкин [22]. В свою очередь, Е. Н. Заборова поднимает вопрос о

противоречивости взаимодействия представителей крупного бизнеса (к которому сегодня относится большинство градообразующих предприятий) и малого, локальных и региональных властей, а также населения как акторов городского развития [23]. Ю. Л. Балюшина выделяет в качестве таковых также функционирующие в промышленных городах университеты, а М. В. Рослякова (на примере г. Иваново) рассматривает многообразие общественных объединений, видя в них ресурс муниципального управления для решения городских проблем [24]. Таким образом, тема сообществ — производственных, управленческих, образовательно-культурных — поднимается в работах российских исследователей. Однако эти работы пока единичны и не дают целостного представления о действующих лицах происходящих в промышленных городах процессов.

Активно развиваются вопросы *качества жизни*. Причем, если в советский период больше писали об образе жизни горожан (Л. Б. Коган, В. И. Пароль, Ю. Л. Пивоваров, О. Н. Яницкий, позже Р. З. Алтынбаев и др.), — о соотношении в нем профессиональной, общественной, семейной, бытовой и досуговой сфер, о важности развития в городе многообразия форм деятельности — в настоящий период ученые концентрируют внимание на качестве жизни. Понимая его как составляющую образа жизни [25], социологи фокусируются на субъективной оценке населением различных сторон жизнедеятельности. На примере г. Череповца это делает Т. А. Гужавина, г. Таганрога — И. А. Ильченко и т. д. Причем по отношению к промышленным городам особенно важным становится изучение влияния на эти оценки экологической ситуации и связанного с ней здоровья населения (Т. Е. Иванова, Н. Р. Балынская и др.), а также развития городского социокультурного пространства (О. В. Максимчук, Т. А. Першина, В. И. Захарова и др.).

Другая, также изучавшаяся еще в советский период тема — *социальная структура города*. Отталкиваясь от традиций отечественной социологии (Н. А. Аитов, В. Г. Мордкович, М. Х. Титма) и используя потенциал мировой науки, ученые концентрируют внимание на ее деформации в условиях кризиса предприятий (Ф. Ф. Ишкинеева), деиндустриализации нестоличных городов [26] и маргинализации населения. Проблемы социального неравенства внутри них и с другими городскими поселениями (прежде всего столичными), в том числе недополучения такими городами своих доходов, поднимают Н. Зубаревич, И. А. Вершинина [27] и др. Отдельными исследователями рассматривается роль промышленных рабочих как социальной группы (О. Л. Лейбович, Н. В. Шушкова), однако в целом тема «город и труд» остается на сегодняшний день незаслуженно забытой.

В связи с теми сложностями, с которыми пришлось столкнуться в последние десятилетия городам изучаемого типа, актуализируется *тема миграции* и изменения социально-демографического состава населения. Отмечается отток из них высококвалифицированных специалистов, прежде всего молодежи (Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская, Н. Б. Бабусова и др.). Одновременно имеет место увеличение числа иноэтничных мигрантов (К. В. Григоричев и др.), в связи с чем анализируются их социально-экономические практики и появление «мигрантских» локальностей (Е. Варшавер и др.).

На стыке собственно социологического, социально-антропологического и социокультурного ракурсов разрабатывается *тема идентичности*, сконцентрированная во-

круг смыслов, становящихся для жителей промышленных городов основой чувства сопричастности к месту и к его людям. В качестве таковых выступают в первую очередь связанные с градообразующими предприятиями, что дает повод называть такую идентичность «локально-заводской» [28]. Встречаются и более обобщенные ее репрезентации — как отражения индустриального наследия города/региона в целом [29]. Так или иначе исследователи отмечают сохраняющуюся роль ведущего производства в формировании городского образа [24]. Если производство закрывается, происходит не только потеря фундамента социальной общности, но и изменение всего склада повседневной жизни горожан (Д. Димке, И. Корюхина). Вместе с тем подчеркивается важность поиска иных оснований идентичности, взятых из истории города, его культуры, современных практик [30]. О содержащемся в городских мифах, персонажах, знаковых местах символическом потенциале размышляют А. С. Бреславский, Н. С. Дегилева, М. Тимофеев, Ю. П. Шабаев и др. [31].

Учеными рассматриваются также стратегии и механизмы конструирования городских лояльностей (Е. В. Хохрин, С. А. Смольков), в частности, путем брендинга (Д. В. Визгалов, А. Согомонов). Формирование виртуальных образов города посредством СМИ, форумов и блогов, художественных произведений на примере г. Череповца изучает Ю. Л. Балюшина [32], визуальные коды поселений Свердловской области — П. А. Путинцев и Т. А. Быстрова [33], использование бывших промышленных площадок для реновации городского образа — М. Ю. Тимофеев, Л. Э. Старостова и др. [29]. Тем самым делаются попытки обобщения вклада социокультурных (в том числе новых креативных) сообществ в развитие нестоличных промышленных городов.

Наконец, ряд исследователей сосредоточивают внимание на их *социокультурных пространствах*. При этом имеется в виду не только художественно-архитектурная среда, но и коммуникативные, культурные практики горожан, наличие креативных сообществ и сформированность социокультурной жизни [34; 35]. Развитие привлекательной городской среды, творческих индустрий — в том числе в нестоличном промышленном городе — как его преимущество в притяжении высококвалифицированных специалистов и инвестиций рассматривают Т. А. Вивчар, И. Ирбитская, А. Лавриненко и др.

Выводы

Проведенный анализ продемонстрировал увеличивающийся интерес отечественных исследователей к проблематике нестоличных промышленных городов, обусловленный важностью укрепления пространственного каркаса России, роста экономики страны и регионов в контексте новых политических и экономических вызовов. Он позволил выявить специфику развития подобного рода городских поселений, определяемую такими исходными условиями, как их «нестоличность» и преобладание производственной функции.

Системный обзор подходов к изучению современных промышленных нестоличных городов показал, что тот из них, что обозначается как экономический или экономико-управленческий, концентрируется вокруг происходящих в них социально-экономических процессов и механизмов их регулирования. Среди предлагаемых представителями экономических и смежных с ними наук путей реструктуризации экономи-

ки промышленных городов России (и моногородов в частности) — модернизация ведущих предприятий, развитие новых производств и услуг, в том числе высокотехнологичных, привлечение инвестиций и совершенствование инфраструктуры. Все эти действия трактуются в русле данного подхода как осуществляемые «сверху» — с помощью разного рода объективированных социальных институтов, в которых разрабатываются соответствующие стратегии и тактики.

Социологи концентрируют внимание на рассмотрении города как социальной общности и обращаются к проблематике изменения социальной структуры, растущей социальной дифференциации внутри нестоличных промышленных поселений, а также между ними и многофункциональными столичными городами, к изучению связанной с этим миграции, исследуют качество жизни горожан и связь субъективного его восприятия с решением обусловленных, прежде всего, характером производственной деятельности экологических проблем. Они рассматривают идентичности населения и механизмы их конструирования. Однако такая важная с точки зрения дальнейшего развития анализируемого типа городов тема, как тема акторов городских процессов, пока не разработана в отечественной науке последовательно и всесторонне. Нередко ее рассмотрение сводится к изучению разного рода протестных движений, в то время как роль сообществ, формирующихся вокруг реальной деятельности — производственной (в первую очередь связанной с ведущими предприятиями города), образовательной, культурной (в том числе выстраивающейся вокруг новых креативных индустрий) — раскрывается лишь фрагментарно. Малоизученными остаются и проблемы взаимодействия участников городского развития, поиска новых форм координации их усилий, особенно значимые в условиях ограниченности государственного и регионального финансирования нестоличных городов. И это в то время, когда именно социальные инновации начинают играть в ведущих в экономическом плане странах мира главную роль в обновлении промышленных городских поселений, поскольку они ориентированы, прежде всего, на использование местного человеческого потенциала, мобилизацию имеющихся человеческих ресурсов.

Список источников

- [1] Замятина, Н. Ю. Новая промышленная политика в монопрофильных городах России / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов. – Текст : непосредственный // Современные производительные силы. – 2015. – № 1. – С. 37–55.
- [2] Зубаревич, Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала / Н. В. Зубаревич. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 5–19.
- [3] Малые города в социальном пространстве России : монография / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019. – Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2019. – 545 с. – Текст : непосредственный.

- [4] Ушаков, В. А. Современное состояние и перспективы развития российской системы крупных промышленных городов / В. А. Ушаков. – Текст : непосредственный // Экономика и управление. – 2009. – № 5 (98). – С. 37–48.
- [5] Манаева, И. В. Города России : классификация и типология / И. В. Манаева. – DOI 10.24891/re.16.7.1235. – Текст : непосредственный // Региональная экономика : теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 7 (454). – С. 1235–1249.
- [6] Тургель, И. Д. Крупные промышленные города России : в поисках новой парадигмы развития / И. Д. Тургель, В. А. Ушаков. – Текст : непосредственный // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. – 2008. – Т. 4, № 12 (33). – С. 31–42.
- [7] Зубаревич, Н. В. Социальная дифференциация регионов и городов / Н. В. Зубаревич. – Текст : непосредственный // Pro et Contra. – 2012. – Т. 16, № 4–5. – С. 135–152.
- [8] Кулай, С. В. Анализ критериев отнесения муниципальных образований к моногородам / С. В. Кулай. – Текст : непосредственный // Социум и власть. – 2019. – № 3 (77). – С. 50–62.
- [9] Манаева, И. В. Обзор современных мировых исследований по вопросам экономики моногорода / И. В. Манаева, Н. С. Колий. – Текст : непосредственный // Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества : сборник статей. – Белгород : Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований» : Костромское областное отделение Общества «Знание» России, 2015. – С. 158–164.
- [10] Замятина, Н. Ю. Инновационный поиск в монопрофильных городах : блокировки развития, новая промышленная политика и план действий : монография / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов. – Москва : Ленанд, 2015. – 216 с. – Текст : непосредственный.
- [11] Моногород : управление развитием / Т. В. Ускова, Л. Г. Иогман, С. Н. Ткачук [и др.] ; под ред. Т. В. Усковой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 220 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Антонова, И. С. Динамический подход к оценке процесса диверсификации экономики моногорода / И. С. Антонова. – DOI 10.24891/ni.13.3.431 – Текст : непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – № 3 (348). – С. 431–441.
- [13] Даванков, А. Ю. Диверсификация социально-экономических процессов монопромышленного города / А. Ю. Даванков, Е. А. Колесник. – Текст : электронный // Экономика, финансы, рынок : электронный журнал. – 2008. – № 2. – URL: www.csu.econ.ru (дата обращения: 12.09.2021).
- [14] Антонов, Г. Д. Стратегическое управление развитием социально-производственного комплекса моногорода / Г. В. Антонов, О. П. Иванова. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 3–1. – С. 45–49.
- [15] Ляховенко, О. И. Основные экологические проблемы российских городов и стратегия их разрешения / О. И. Ляховенко, Д. И. Чулков. – Текст : непосредственный // Русская политология. – 2017. – № 3 (4). – С. 21–26.

- [16] Мироседи, Т. Г. Развитие малого и среднего предпринимательства в среднем промышленном городе / Т. Г. Мироседи. – Текст : электронный // Интернет-журнал «Наукосведение». – 2014. – Вып. 4 (23). – URL: <http://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-4-14>.
- [17] Анимица, Е. Г. Исследование эволюции города : от зарождения, процветания к депрессии (на примере монопрофильного города) / Е. Г. Анимица, Н. В. Сбродова, И. В. Ивлева. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2011. – № 2 (34). – С. 41–46.
- [18] Медведева, Л. Н. Средние города в модернизационном пространстве России / Л. Н. Медведева. – Текст : непосредственный // Экономическое возрождение России. – 2011. – № 3 (29). – С. 150–154.
- [19] Угольникова, О. Д. Управление социально-экономическим развитием моногородов / О. Д. Угольникова. – DOI 10.21603/2500-3372-2018-1-166-171. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 166–171.
- [20] Ишимов, В. М. Монопрофильные города : устойчивое развитие и социальная ответственность / В. М. Ишимов, В. М. Капицын. – Текст : непосредственный // *Ars Administrandi*. Искусство управления. – 2012. – № 1. – С. 64–74.
- [21] Зими́на, Е. В. Социальная деятельность градообразующих предприятий монопрофильных территорий (на примере центра социальных программ РУСАЛа и города Шелехова) / Е. В. Зими́на, Е. И. Нефедьева, Е. А. Попова. – DOI 10.18334/ce.14.8.110768. – Текст : непосредственный // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, № 8. – С. 1625–1644.
- [22] Дубинкин, Е. П. Градообразующее предприятие как субъект продвижения территории с моноэкономической структурой / Е. П. Дубинкин. – Текст : непосредственный // Брендинг малых и средних городов России : опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Екатеринбург : УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. – С. 85–87.
- [23] Заборова, Е. Н. Развитие рынка труда в малых городах Урала : позиции власти, бизнеса и населения / Е. Н. Заборова. – DOI 10.34022/2658-3712-2021-43-2-110-118. – Текст : непосредственный // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 2 (43). – С. 110–118.
- [24] Рослякова, М. В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления / М. В. Рослякова. – DOI 10.7256/2454-0684.2018.8.27143. – Текст : непосредственный // Политика и общество. – 2018. – № 8. – С. 42–55.
- [25] Гужавина, Т. А. Качество жизни в условиях промышленного города / Т. А. Гужавина // Россия : тенденции и перспективы развития. – 2019. – Вып. 14, часть 2. – С. 629–634.
- [26] Путилова, Е. С. Влияние деиндустриализации на социальную структуру населения и человеческий капитал старопромышленных городов уральского экономического района / Е. С. Путилова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2018. – № 6. – С. 94–99.

- [27] Вершинина, И. А. Социальное неравенство в современных городах : перспективы урбанистической революции / И. А. Вершинина. – Текст : непосредственный // Социология города. – 2017. – № 2. – С. 5–19.
- [28] Витковская, Т. Б. Промышленные города Урала : специфика локальной идентичности и политических практик / Т. Б. Витковская, М. В. Назукина. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 3. – С. 148–165.
- [29] Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России : индустриальное наследие и городская идентичность / О. Шипицына, Н. Солонина, К. Бугров [и др.]. – DOI 10.17323/usp612021125-144. – Текст : непосредственный // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 125–144.
- [30] Давыдов, Д. А. Моногородская идентичность и проблемы «промышленной ментальности» (на примере г. Магнитогорска) / Д. А. Давыдов. – Текст: непосредственный // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2014. – № 5. – С. 73–79.
- [31] Форум «Исследования города». – Текст : электронный // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf (дата обращения: 28.01.2021).
- [32] Балюшина, Ю. Л. Индустриальный город как виртуальный феномен (на материалах города Череповца) / Ю. Л. Балюшина. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9, № 1 (30). – С. 212–218.
- [33] Путинцев, П. А. Визуальные коды промышленных городов Свердловской области / П. А. Путинцев, Т. Ю. Быстрова. – Текст : непосредственный // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2015. – № 3. – С. 93–99.
- [34] Столбов, В. П. Социально-культурное пространство промышленного города как объект социологического исследования / В. П. Столбов, Э. П. Литова. – Текст : непосредственный // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. – 2009. – № 4. – С. 192–200.
- [35] Косицына, С. В. Социокультурное пространство современного монопромышленного города (теоретический анализ) / С. В. Косицына. – Текст : непосредственный // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 4 (18). – С. 107–110.

References

- [1] Zamyatina, N. Yu., & Pilyasov, A. N. (2015). New industrial policy in mono-profile cities of Russia. *Sovremennye proizvoditel'nye sily*, (1), pp. 37-55. (In Russian).
- [2] Zubarevitch, N. V. (2010). Cities as Centers of the Modernization of the Economy and Human Capital. *Social sciences and contemporary world*, (5), pp. 5-19. (In Russian).

- [3] Markin, V., & Chernysh, M. (Eds.). (2019). Small towns in the social space of the Russian Federation. Moscow, SIC Russian Academy of Sciences, 545 p. (In Russian). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019
- [4] Ushakov, V. A. (2009). Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiyskoy sistemy krupnykh promyshlennykh gorodov. *Regional economics: theory and practice*, (5(98)), pp. 37-48. (In Russian).
- [5] Manaeva, I. V. (2018). Cities and towns of Russia: classification and typology. *Regional economy: theory and practice*, 16(7), pp. 1235-1249. (In Russian). DOI: 10.24891/re.16.7.1235
- [6] Turgel', I. D., & Ushakov, V. A. (2008). Krupnye promyshlennye goroda Rossii: v poiskakh novoy paradigmy razvitiya. *National interests: priorities and security*, 4(12(33)), pp. 31-43. (In Russian).
- [7] Zubarevich, N. V. (2012). Social differentiation of Russian regions and cities. *Pro et Contra*, 16(4-5), pp. 135-152. (In Russian).
- [8] Kulay, S. V. (2019). Analyzing criteria for classifying municipalities as single-industry (single-industry cities). *Socium i vlast'*, 3(77), pp. 50-62. (In Russian).
- [9] Manaeva, I. V., & Koliy, N. S. (2015). Review of modern world research on the economy of a single-industry town. Integration models of cross-border and interregional cooperation: collection of articles. Belgorod, Foundation "Institute for Socio-Economic and Political Research": Kostroma Regional Branch "Knowledge" Society of Russia, Publ., pp. 158-164. (In Russian).
- [10] Zamyatina, N. Yu., & Pilyasov, A. N. (2015). Innovatsionnyy poisk v monoprofil'nykh gorodakh : blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i plan deystviy. Moscow, Lenand, 216 p. (In Russian).
- [11] Uskova, T. V., Iogman, L. G., Tkachuk, S. N., Nesterov, A. N., & Litvinova, N. Yu. (2012). Monogorod: upravlenie razvitiem. Vologda, ISERT RAN Publ., 220 p. (In Russian).
- [12] Antonova, I. S. (2017). A dynamic approach to evaluating the diversification of the single-industry town economy. *National interests: priorities and security*, (3(348)), pp. 431-441. (In Russian). DOI: 10.24891/ni.13.3.431
- [13] Davankov, A. Yu., & Kolesnik, E. A. (2008). Diversification of socio-economic processes of a mono-industrial city. *Economy, finance, market*, (2). (In Russian). Available at: www.csu.econ.ru
- [14] Antonov, G. D., & Ivanova, O. P. (2015). Management by strategic development of city socio-industrial complex. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, (3-1), pp. 45-49. (In Russian).
- [15] Lyakhovenko, O. I., & Chulkov, D. I. (2017). Osnovnye ekologicheskie problemy rossiyskikh gorodov i strategiya ikh razresheniya. *Russian political science*, (3(4)), pp. 21-26. (In Russian).
- [16] Miroseidi, T. G. (2014). Development of small and medium business in average industrial city. *Science Science*, (4(23)). (In Russian). Available at: <http://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-4-14>

- [17] Animica, E. G., Sbrodova, N. V., & Ivleva, I. V. (2011). Issledovanie evolyutsii goroda : ot zarozhdeniya, prosperiti k de-pressii (na primere monoprofil'nogo goroda). *Journal of the Ural State University of Economics*, 2(34), pp. 41-46. (In Russian).
- [18] Medvedeva, L. N. (2011). Average cities at the Russian modernization space. *Economic Revival of Russia*, (3(29)), pp. 150-154. (In Russian).
- [19] Ugolnikova, O. D. (2018). Management of social and economic development of mono-towns. *Bulletin of Kemerovo state university. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, (1), pp. 166-171. (In Russian). DOI: 10.21603/2500-3372-2018-1-166-171
- [20] Ishimov, V. M., & Kapitsyn, V. M. (2012). Monoprofil'nye goroda: ustoychivoe razvitie i sotsial'naya otvetstvennost'. *ARS Administrandi. Iskustvo upravleniya*, (1), pp. 64-74. (In Russian).
- [21] Zimina, E. V., Nefedeva, E. I., & Popova, E. A. (2020). Social activity of monotown enterprises (on the example of the center for social programs of RUSAL and Shelekhov town). *Creative Economy*. 14(8), pp. 1625-1644. (In Russian). DOI: 10.18334/ce.14.8.110768
- [22] Dubinkin, E. P. (2014). A city-forming enterprise as a subject of promoting a territory with a mono-economic structure. Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects. *Materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Publ.*, pp. 85-87. (In Russian).
- [23] Zaborova, E. N. (2021) Labor Market Development in Towns of the Urals: Position of the Government, Business, and Population. *Social & labor research*, (2(43)), pp. 110-118. (In Russian). DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-110-118
- [24] Roslyakova, M. V. (2018). Gorodskie soobshchestva kak ob"ekt i vazhneyshiy resurs munitsipal'nogo upravleniya. *Politics and Society*, (8), pp. 42-55. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0684.2018.8.27143
- [25] Guzhavina, T. A. (2019). Quality of life in industrial cities. Russia: trends and development prospects, (14(chast' 2)), pp. 629-634. (In Russian).
- [26] Putilova, E. S. (2018). The impact of deindustrialization on the social structure of the population and human capital in old industrial cities of the Ural economic region. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, (6), pp. 94-99. (In Russian).
- [27] Vershinina, I. A. (2017). Social inequality in modern cities: urban revolution's perspectives. *Sociology of the city*, (2), pp. 5-19. (In Russian).
- [28] Vitkovskaya, T. B., & Nazukina, M. V. (2018). Industrial cities of the Urals: specificity of local identity and political practices. *Bulletin of Perm University. Political science*, (3), pp. 148-165. (In Russian).
- [29] Shipicyna, O., Solonina, N., Bugrov, K., Nazukina, M., Snitko, A. & Timofeev, M. (2021). Mining and plain-factory civilizations of Russia: industrial heritage and urban identity. *Urban Studies and Practices*, 6(1), pp. 125-144. (In Russian). DOI: 10.17323/usp612021125-144.
- [30] Davydov, D. A. (2014). Monotown identity and problems of industrial mentality (on example of Magnitogorsk). *Perm Federal Research Center Journal*, (5), pp. 73-79. (In Russian).
- [31] Forum "Issledovaniya goroda". (2010). *Antropologicheskiy forum*, (12). (In Russian). Available at: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf

- [32] Balyushina, Yu. L. (2019). Industrial city as a virtual phenomenon (on the material of cherepovets). Proceedings of the southwest state university. Series: Economics, Sociology and Management, 9(1(30)), pp. 212-218. (In Russian).
- [33] Putinzev, P. A., & Bystrova, T. Yu. (2015). Visual codes industrial cities of the Sverdlovsk region. Akademicheskij vestnik UralNIiproekt RAASN, (3), pp. 93-99. (In Russian).
- [34] Stolbov, V. P., & Litova, E. P. (2009). Sotsial'no-kul'turnoe prostranstvo promyshlennogo goroda kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniya. Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta, (4), pp. 192-200. (In Russian).
- [35] Koscina, S. V. (2011). Social and cultural space of the modern monoindustrial city (the theoretical analysis). Science Vector of Togliatti State University, (4(18)), pp. 107-110. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 08.01.2022; одобрена после рецензирования 06.02.2022; принята к публикации 16.02.2022.

The article was submitted 08.01.2022; approved after reviewing 06.02.2022; accepted for publication 16.02.2022.

УДК 314

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-85-95

Ожидания молодежи Тюменской области в отношении государства и власти

Владимир Дмитриевич Сбитнев, Сергей Александрович Шестаков

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В статье описаны и подвергнуты анализу отношение молодежи Тюменской области к институтам государственной власти в Российской Федерации, политические взгляды и социальные установки молодежи, то, как они влияют на восприятие политической действительности, а также на доверие или недоверие к определенным структурам и органам власти. Выявлена корреляция между этими факторами на основании проведенного социологического опроса молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет. В рамках социологического опроса были выделены главные государственные и общественные институты страны с целью выявления отношения к ним молодежи. В исследование были включены Президент Российской Федерации, Правительство России, губернатор Тюменской области, Государственная Дума и Совет Федерации, политические партии, полиция, Федеральная служба безопасности, а также СМИ. Было выявлено и подвергнуто анализу мнение молодежи относительно ее видения перспектив развития власти в стране, приоритетности решений в сфере государственной политики, а также отношение к проблеме удовлетворенности либо неудовлетворенности определенными аспектами жизни в ракурсе восприятия политической действительности.

Ключевые слова: молодежь, гражданская идентичность, государственный аппарат, социальные установки

Для цитирования: Сбитнев, В. Д. Ожидания молодежи Тюменской области в отношении государства и власти / В. Д. Сбитнев, С. А. Шестаков. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-85-95 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 85–95.

Expectations of young people in Tyumen region regarding the state and the authorities

Vladimir D. Sbitnev, Sergey A. Shestakov

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article describes and analyzes the attitude of young people in Tyumen region to the institutions of state power in the Russian Federation, the political views and social attitudes of young people. It is shown how they affect the perception of political reality, as well as trust or distrust of certain structures and authorities. The correlation between these factors was revealed on the basis of a sociological survey of young people are 14 to 35 years old. The sociological survey highlighted the main state and public institutions of the country in order to identify the attitude of young people to them. The study included the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the Governor of Tyumen Region, the State Duma and the Federation Council, political parties, the police, the Federal Security Service, and the media. We have identified and analyzed the opinion of young people concerning their vision of the prospects of development of power in the country, the priority of decisions in the sphere of state policy, as well as their attitude to the problem of satisfaction or dissatisfaction with certain aspects of life in the context of perception of political reality.

Keywords: youth, civic identity, the state apparatus, social attitudes

For citation: Sbitnev, V. D., & Shestakov, S. A. (2022). Expectations of young people in Tyumen region regarding the state and the authorities. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 85-95. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-85-95

Введение

Молодежь является крупной социально-демографической группой, отличающейся определенными возрастными характеристиками, специфическим особо динамичным социальным статусом, переживающей период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к выполнению социальных ролей взрослых. Возрастные границы молодежи, как правило, определяются в периоде от 14 до 35 лет. В молодости личность претерпевает большое количество изменений, обретений новых социальных статусов и обязанностей, формирует для себя социальные ценности. Молодежь является самой мобильной социальной группой. Эффективное использование потенциала социально-политической активности молодежи в интересах построения гражданского общества возможно только при условии создания адекватной общегосударственной системы социализации молодежи [1].

Гражданская идентичность молодежи и способность государства влиять на нее возможны только при доверии молодых людей к государственному аппарату и структурам власти. В этой связи требуется определить отношение молодежи к государственному аппарату и власти в России. На формирование отношения к определенным социальным структурам, помимо окружения, в котором развивается молодой человек, в большой степени влияют каналы коммуникативного воздействия в информационной среде. Благодаря развитию технологий виртуальное социокультурное пространство становится доступным огромному количеству людей и, более того, дает им возможность объединяться в сообщества. Так как изменения, происходящие в мире, усиливают стремление молодежи к свободе, независимости и наиболее полной реализации своих способностей, то начинают возникать все новые и новые каналы для всех типов самореализации личности. Главное место среди них занимает виртуальное социокультурное пространство, которое в силу своей доступности и широкой распространенности становится одной из наиболее благоприятных сфер для возникновения новых, не институциональных каналов творческой и коммуникативной самореализации личности.

Молодое поколение является катализатором изменений во всем мире, начиная от молодых исследователей и заканчивая молодыми революционерами, меняющими государственный строй. Желание менять и не соглашаться с устоявшимися нормами в обществе — это главный признак юношеского периода. Именно юношеское поколение не боится, а, наоборот, желает изменений и готово их делать [2]. Молодежь — стратегический ресурс изменений, поскольку не только наследует доставшееся ему общество, но и формирует образ будущего; она является инновационным потенциалом, роль которого возрастает в современный период, когда происходит глобальная трансформация общества. Поэтому молодежь — это весьма важный объект исследования как в теоретическом, так и в прикладном значениях. В этой связи значимым является региональный аспект молодежной проблемати-

ки, что особенно актуально для России как федеративного государства, ведь политическая стабильность регионов — это залог политической стабильности всей страны. В частности, одним из аспектов молодежной проблематики является исследование ожиданий молодежи в отношении государства и власти, в нашем случае — молодежи Тюменской области.

Материалы и методы

Материалами для статьи послужили научные публикации отечественных ученых, а также авторский эмпирический материал, полученный в результате социологического исследования. Согласно поставленной цели и сформулированным задачам в статье были использованы общенаучные методы: диалектический, позволивший выявить взаимосвязи различных социально-политических феноменов и процессов при формировании и развитии политического сознания и культуры современной молодежи; системный, позволивший выявить системообразующие элементы в структуре политического сознания молодежи; структурно-функциональный, позволивший определить функциональные свойства различных политических феноменов, институтов, влияющих на формирование политической культуры и политических мотиваций молодежи; формально-логический, позволивший выявить последовательность процесса формирования и развития политического сознания молодежи. С целью изучения актуального политического мировоззрения молодого поколения был проведен социологический опрос, направленный на выявление степени оформленности и зрелости установок на политическую активность в системе политической культуры молодежи Тюменской области.

Результаты исследования

В условиях современной политической обстановки, усиления социальной и экономической нестабильности во всем мире отношение граждан к институту демократических выборов, а также к политике в целом становится базовой проблемой организации эффективного процесса политической коммуникации и в конечном счете развития политической системы в целом. В этих условиях социологический мониторинг отношения россиян к политическим институтам и процессам призван дать ответы на животрепещущие вопросы развития российского общества, наметить пути повышения политической активности граждан, что, в свою очередь, является необходимым условием стабильного существования и развития общества.

Особое место в изучении этого круга проблем следует выделить молодежи, играющей важную роль в долгосрочном развитии общественно-политических процессов в стране. Отношение молодежи к политическому взаимодействию и политике в целом — это острая проблема для современного общества и государства, поскольку дальнейшее социально-политическое развитие общества зависит от позиционирования молодежи. Политические взгляды и самосознание молодежи, в свою очередь, определяют судьбу и будущее государства в целом. Следует отметить, что современная модель взаимодействия молодежи и политической системы общества далека от идеала [3]. Молодежь в целом проявляет достаточно низкую политическую активность, что, с одной стороны, вполне типично для большинства развитых демократических стран, а с

другой — представляет значительную угрозу процессу легитимации существующей политической системы в среднесрочной и долгосрочной перспективе [4].

Вместе с тем современная российская молодежь активно интересуется вопросами публичной политики, а текущие социально-экономические условия детерминируют возрастание внимания к политической повестке со стороны молодежи [5]. Электоральная и политическая активность современной молодежи является важным объектом научных исследований и публикаций [6]. В то же время молодое поколение России проявляет относительно низкую готовность как к участию в выборах, так и в любых других форматах политического участия. При этом политический абсентеизм нашей молодежи не является признаком отсутствия интереса к политике или соответствующей политической позиции. В связи с этим исследование особенностей отношения молодежи к политическим институтам представляется весьма актуальной задачей.

Накануне общероссийских парламентских выборов, состоявшихся в сентябре 2021 года, было проведено социологическое исследование, направленное на изучение ожиданий молодежи в отношении государства и власти на территории Тюменской области. В социологическом опросе приняли участие молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет, которые считают себя заинтересованными в политической и общественной жизни страны. Всего было опрошено 96 респондентов, среди них 69 женщин (71,9 %) и 27 мужчин (28,1 %).

В процессе исследования необходимо было рассмотреть политические взгляды современной молодежи, так как они влияют на восприятие политической действительности, а также на доверие или недоверие к определенным структурам и органам власти. Результаты ответа на вопрос: «Приверженцем каких политических взглядов Вы бы могли себя назвать?» показали следующее (табл. 1).

Таблица 1

Идейно-политические взгляды тюменской молодежи

Вариант ответа	Результат (количество человек)
Не придерживаюсь каких-то конкретных взглядов, политика намного шире и сложнее этих стереотипов	47
Социал-демократические	15
Консервативные	3
Либеральные	9
Анархистские	3
Националистические	1
Социалистические	3
Затрудняюсь ответить	15

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что почти половина опрошенных (49 %) не приравнивает свои политические взгляды ни к одному из исторически устоявшихся, «мейнстримных». Вторым по популярности ответом стали социал-демократические и либеральные взгляды, что соответствует 15,6 и 9,4 % респондентов. Затем в равных долях распределились социалистические, консервативные и анар-

хистские взгляды — 3,1 % каждый. Один респондент отнес свои политические взгляды к националистическим. 15,6 % респондентов не смогли ответить на вопрос.

В рамках социологического опроса были выделены главные государственные и общественные институты. Респондентам был представлен список из 13 институтов и предложено выбрать, какому институту из включенных в список опрашиваемые доверяют или не доверяют; деятельность какого института одобряют или не одобряют. В перечень вошли Президент РФ и Правительство РФ как главные институты исполнительной власти. Губернатор Тюменской области был включен для понимания отношения молодежи к региональному представителю исполнительной власти. Государственная Дума и Совет Федерации РФ были включены для изучения доверия и одобрения деятельности главных органов законодательной власти. Это представлялось особенно важным для изучения в преддверии выборов депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва (которые прошли в сентябре 2021 года). Политические партии включены в опрос для анализа политической системы на предмет состояния политического плюрализма. Полиция, Федеральная служба безопасности и прокуратура были включены в опрос для оценки доверия и одобрения молодежи к деятельности правоохранительных органов. СМИ являются главным инструментом влияния на молодежь и ее политические предпочтения, от доверия к «четвертой власти» зависит восприятие информации, которую слышит общество, и, соответственно, восприятие других «столпов власти». Согласно исследованию фонда «Общественное мнение», в России на сегодняшний день причисляют себя к верующим людям 79 % населения [7]. Однако причастность к определенной религии не означает доверие и одобрение деятельности самой религиозной организации, поэтому необходимо включение в опрос религиозных организаций как отдельного института.

Исходя из данных, изложенных в таблице 2, можно сделать следующие выводы. Наибольшим процентом доверия среди молодежи обладают губернатор Тюменской области — 68,75 %, Федеральная служба безопасности — 62,5 % и Президент РФ — 59,38 %. Общий высокий уровень доверия молодежи к губернатору Тюменской области связан в немалой степени с высокой положительной оценкой его работы в социальных сетях [8], а также с направленностью политики губернатора в сторону поддержки молодежных инициатив [9]. Наименьший уровень доверия имеют средства массовой информации — 30,21%, религиозные организации — 31,25 % и политические партии — 36,46 %. Подобный тренд на снижение наблюдается не только среди молодежи Тюменской области, он имеет и общефедеральную тенденцию [10]. Так, Л. Паутова, социолог фонда «Общественное мнение», связывает это с ростом популярности интернет-СМИ и социальных сетей, откуда получать информацию проще, она доступнее и понятнее для молодого поколения [11].

Если рассматривать уровень одобрения молодежи Тюменской области по отношению к государственным, политическим, гражданским институтам, то здесь наблюдается довольно интересная тенденция. Самыми одобряемыми остались следующие институты: губернатор Тюменской области — 76,04 %, Федеральная служба безопасности — 62,5 % и Президент РФ — 62,5 %. Что касается самых неодобряемых институтов, то здесь имеет место изменение в тенденциях. Самыми неодобряемыми госу-

дарственными, политическими, гражданскими институтами стали Государственная Дума Российской Федерации — 48,96 %, средства массовой информации — 42,71 % и религиозные организации — 40, 63 %.

Таблица 2

Степень доверия молодежи Тюменской области к государственным, политическим и общественным институтам

Государственный, политический, гражданский институт	Доверяют	Не доверяют	% доверия	Одобрят деятельность	Не одобряют деятельность	% одобрения
Президент РФ	57	39	59,38	60	36	62,5
Правительство РФ	40	56	41,67	51	45	53,13
Губернатор Тюменской области	66	30	68,75	73	23	76,04
Государственная Дума	41	55	42,71	47	49	48,96
Совет Федерации	48	48	50	56	40	58,33
Политические партии	35	61	36,46	49	47	51,04
Полиция	46	50	47,92	49	47	51,04
Федеральная служба безопасности	60	36	62,5	60	36	62,5
Средства массовой информации	29	67	30,21	41	55	42,71
Российская армия	55	41	57,29	59	37	61,46
Судебная система	42	54	43,75	49	47	51,04
Прокуратура	54	42	56,25	54	42	56,25
Религиозные организации	30	66	31,25	39	57	40,63

Что касается мнения молодежи относительно ее видения перспектив развития властных структур, то 42,7 % ответили, что на сегодняшний день требуется выборная власть, в рамках которой всегда предусмотрен учет мнения меньшинства; 15,6 % респондентов считают, что сегодня требуется власть, гарантирующая полную свободу действий; 13,5 % выбрали твердую власть, ограничивающую деятельность оппозиции и выборы, и никто из опрошенных не выбрал в качестве желаемой власти диктатуру, запрещающую оппозицию и выборы. 28,1 % опрошенных затруднились ответить на вопрос.

Интересными стали ответы на вопрос относительно того, что необходимо решить в приоритетном порядке в сфере государственной политики. Каждый участник мог выбрать до трех проблем, которые необходимо решать в первую очередь. Результаты ответа на вопрос: «Что необходимо решить в первую очередь в сфере государственной политики?» представлены в таблице 3.

Таблица 3

Приоритетность решения социальных проблем органами государственной власти, согласно мнению молодежи

Необходимые решения	Количество ответов	Количество респондентов, %
Сократить государственный аппарат, контрольные функции государства	47	49
Усилить борьбу со своеволием бюрократии	39	40,6
Снизить налоги для тех, кто вкладывает деньги в экономику страны	29	30,2
Активно привлекать в российскую экономику передовые иностранные предприятия	33	34,4
Расширить государственную поддержку коллективного сельского хозяйства	36	37,5
Развить государственную поддержку фермерских хозяйств	37	38,5
Усилить поддержку и развитие системы образования	64	66,7
Всемерно стимулировать рост рождаемости в стране	18	18,8
Ввести полный государственный контроль (государственную монополию) на производство и реализацию всех видов спиртных напитков	18	18,8
Усилить поддержку и развитие учреждений культуры	40	41,7
Создать в государственных масштабах условия для массового занятия спортом	44	45,8
Развить условия содержательного досуга молодежи	51	53,1%

Таким образом, по мнению молодежи, в первую очередь в сфере государственной политики необходимо усилить поддержку и развитие системы образования — 66,7 %; развить условия содержательного досуга молодежи — 53,1 %; сократить государственный аппарат, контрольные функции государства — 49 %. Закономерным здесь является то, что респонденты, выбравшие как один из вариантов ответа «сократить государственный аппарат, контрольные функции государства» выказывают низкий уровень доверия и одобрения действий власти. Так, более 50 % респондентов выбрали только два государственных, политических, гражданских института, действия которых одобряют: губернатор Тюменской области — 69,57 % и российская армия — 50 %. Среди тех, кому выказала свое доверие данная группа респондентов, оказался только институт губернатора Тюменской области — 58,7 %.

Серьезное влияние на формирование доверия к институтам государственной власти и к общественным организациям оказывает состояние удовлетворенности либо неудовлетворенности определенными аспектами жизни. В рамках исследования опрашиваемым предлагалось оценить конкретные аспекты своей жизни от 1 до 5 баллов. Средние значения по каждому аспекту жизни представлены в таблице 4.

Таблица 4

Удовлетворенность некоторыми аспектами жизни молодежи Тюменской области

Аспект жизни	Средний уровень удовлетворенности (от 1 до 5 баллов)
Материальное положение	2,75
Состояние здоровья	3,04
Своя работа	3,01
Свое образование	3,09
Отношения с близкими и друзьями	3,92
Отношения с коллегами	3,43
Экологическая ситуация	2,3

Исходя из вышепредставленных данных, можно сделать вывод, что самыми неудовлетворенными аспектами жизни являются экологическая ситуация — 2,3 балла в среднем и материальное положение — 2,75 балла. Если низкое материальное положение является нормальным для данной социальной группы, то неудовлетворенность экологической обстановкой выражает общемировой тренд на развитие экологической устойчивости в стране и мире. Самым удовлетворенным аспектом являются отношения с близкими и друзьями — 3,92 балла в среднем и отношения с коллегами — 3,43 балла. Эта тенденция является также закономерной для данной социальной группы, так как в молодом возрасте социальные связи образуются и разрушаются быстрее [12].

Таблица 5

Политические мотивации тюменской молодежи

Мотивация респондентов	Количество ответов	Количество респондентов, %
Чувство долга	24	25
Желание изменить жизнь к лучшему	67	69,8
Традиции, привычка	11	11,5
Побуждение к активности со стороны близких и родных	11	11,5
Приверженность к определенной партии/общественно-политическому движению	17	17,7
СМИ, блоги, интернет	13	13,5
Боязнь осуждения окружающих	3	3,1
Затрудняюсь ответить	12	12,5

Для участия в социологическом опросе были приглашены только те респонденты, которые считают себя политически и общественно активными людьми. Вследствие определения данного критерия для отбора респондентов интересно рассмотреть лич-

ную мотивацию проявления гражданской активности, участия в выборах, наблюдение за политической жизнью страны. Результаты ответа на вопрос: «Что Вас лично побуждает проявлять гражданскую активность, участвовать в выборах, следить за политической жизнью страны?» приведены в таблице 5. Респонденты могли выбрать как один, так и несколько вариантов ответа (до 3 вариантов).

Исходя из данных, изложенных в таблице 5, главной мотивацией молодежи для проявления гражданской активности, участия в выборах, слежения за политической жизнью страны являются желание изменить жизнь к лучшему — 69,8 % ответов; затем, с большим отрывом по ответам, идет принадлежность либо симпатия к определенной партии/общественно-политическому движению — 17,7 %.

Выводы

Результаты проведенного исследования говорят о том, что большинство респондентов не придерживаются каких-то конкретных политических взглядов и считают, что политика намного шире сложившихся стереотипов. Большинство опрошенных одобряют деятельность высших органов исполнительной и законодательной власти, однако имеет место низкий уровень доверия и одобрения у молодого поколения по отношению к СМИ, судебной власти и правоохранительным органам. По мнению молодежи, в первую очередь власть должна усилить поддержку и развитие системы образования, а также развить условия содержательного досуга молодежи. Молодежь Тюменской области наиболее удовлетворена отношениями с друзьями, родными и коллегами и наименее удовлетворена экологической обстановкой. Главной же мотивацией молодежи является желание изменить жизнь к лучшему. Таким образом, базовые политические установки молодежи Тюменской области представляются в немалой степени аморфными.

Список источников

- [1] Коряковцева, О. А. Гражданская идентичность современной молодежи Ярославской области / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1, № 4. – С. 143–149.
- [2] Гаджиева, С. Ю. Особенности формирования межличностных отношений молодежи как важная педагогическая проблема / С. Ю. Гаджиева. – Текст : непосредственный // Вестник университета. – 2015. – № 5. – С. 294–296.
- [3] Аржаных, Т. Ф. Электоральное поведение студенческой молодежи в избирательном процессе современной России / Т. Ф. Аржаных, Е. В. Панкратова. – Текст : непосредственный // Sociologie člověka. – 2016. – № 1. – Р. 48–50.
- [4] Вакуленко, А. С. Общественное мнение и выборы : региональная специфика электорального поведения молодежи / А. С. Вакуленко. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Специальный выпуск. – Краснодар : Краснодарский центр научно-технической информации (ЦНТИ), 2011. – С. 14–16.

- [5] Жиркова, С. К. Политическая активность и электоральное поведение молодежи / С. К. Жиркова. – Текст : непосредственный // Материалы XXI Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной науки» (Таганрог, 24 октября 2013 г.) / Науч. ред. И. А. Рудакова. – Таганрог : Перо, 2013. – С. 207–209.
- [6] Мюллер, Д. Г. Проблемы современной российской экономики глазами студенческой молодежи : по результатам социологического исследования / Д. Г. Мюллер, Д. Р. Фатыхова. – DOI 10.18454/IRJ.2016.48.046 – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 6–1 (48). – С. 126–128.
- [7] Фаустова, М. В России недосчитались верующих / М. Фаустова. – Текст : электронный // НГ-Религии : [сайт]. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2019-03-05/10_460_opros.html. – Дата публикации : 05.03.2019.
- [8] Александр Моор вошел в ТОП-20 медиарейтинга в соцсетях. – Текст : электронный // Тюменская линия : [сайт]. – URL: <https://t-l.ru/>. – Дата публикации: 21.06.2021.
- [9] Бабенко, Е. Креативные проекты тюменской молодежи получили поддержку главы региона / Е. Бабенко. – Текст : электронный // Тюменская линия : [сайт]. – URL: <https://t-l.ru/306426.html>. – Дата публикации: 26.06.2021.
- [10] О СМИ и журналистах. – Текст : непосредственный // ДОМИНАНТЫ. Поле мнений. Социологический бюллетень / Фонд «Общественное мнение». – Выпуск от 22 ноября 2018. – С. 29–35.
- [11] Дергачев, В. Социологи зафиксировали снижение доверия россиян к государственным СМИ / В. Дергачев, М. Истомина. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51>. – Дата публикации: 27.11.2018.
- [12] Паршина, В. В. Молодежь как особая социально-демографическая группа в социальной структуре общества / В. В. Паршина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 10–5. – С. 114–117.

References

- [1] Koryakovtseva, O. A., & Bugaychuk, T. V. (2013). Civil identity of the modern youth in the Yaroslavl region. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 1(4), pp. 143-149. (In Russian).
- [2] Gadzhieva, S. Yu. (2015). Features interpersonal adolescents as important pedagogical problem. *Vestnik universiteta*, (5), pp. 294-296. (In Russian).
- [3] Arzhanykh, T. F., & Pankratova, E. V. (2016). Electoral behavior of student's youth in electoral process of modern Russia. *Sociologie člověka*, (1), pp. 48-50. (In Russian).
- [4] Vakulenko, A. S. (2011). Public opinion and elections : regional specificity of electoral behavior of youth. *Sotsialno- gumanitarniy vestnik. Vserossiyskiy sbornik nauchnykh trudov. Spetsial'nyy vypusk. Krasnodar, Krasnodar Center for Scientific and Technical Information (TsNTI) Publ.*, pp. 14-16. (In Russian).

- [5] Zhirkova, S. K. (2013). Politicheskaya aktivnost' i elektoral'noe povedenie molodezhi. Materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki", Taganrog, October, 24, 2013. Taganrog, Pero Publ, pp. 207-209. (In Russian).
- [6] Muller, D. G., & Fatykhova, D. R. (2016). Problems of modern Russian economy through the eyes of student youth: results of sociological research, International Research Journal, (6-1(48)), pp. 126-128. (In Russian). DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.046
- [7] Faustova, M. (2019). V Rossii nedoschitalis' veruyushchikh. (In Russian). Available at: https://www.ng.ru/ng_religii/2019-03-05/10_460_opros.html
- [8] Aleksandr Moor voshel v TOP-20 mediareytinga v sotssetyakh. (In Russian). Available at: <https://t-l.ru/>
- [9] Babenko, E. (2021). Kreativnye proekty tyumenskoy molodezhi poluchili podderzhku glavy regiona. (In Russian). Available at: <https://t-l.ru/306426.html>
- [10] O SMI i zhurnalistakh. (2018). DOMINANTY. Pole mneniy. Sotsiologicheskii byulleten'. Vypusk ot 22 noyabrya 2018, pp. 29-35. (In Russian).
- [11] Dergachev, V., & Istomina, M. (2018). Sotsiologi zafiksirovali snizhenie doveriya rossiyan k gosudarstvennym SMI. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51>
- [12] Parshina, V. V. (2015). Molodezh' kak osobaya sotsial'no-demograficheskaya gruppa v sotsial'noy strukture obshchestva. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, (10-5), pp. 114-117. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 08.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 04.02.2022.

The article was submitted 08.01.2022; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 04.02.2022.

УДК 394:314.15

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-96-111

Этнический бизнес: адаптация к современным российским реалиям

Сергей Геннадьевич Симонов

Кафедра экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Обоснована необходимость адаптации этнического бизнеса к современной российской действительности. В рамках стратегии выживания этнического бизнеса определены его тактические шаги, чтобы оперативно адаптироваться к затяжному и волнообразному характеру COVID-19. Сформулированы гипотезы, верификация которых осуществлялась в рамках проведенного исследования. По итогам проведенного в 2020–2021 гг. исследования процессов становления и развития малых и средних форм хозяйствования Тюменской области выявлены изменения в структуре этнического бизнеса региона. Определены подвиги в организационно-правовых формах малого и среднего бизнеса в сторону увеличения доли и числа микропредприятий, самозанятости, совмещения последней с индивидуальным предпринимательством и др. Актуализирована проблема обеспечения рабочей силой этнического бизнеса и установлены этого феномена. Оценена значимость понесенных этническим бизнесом транзакционных издержек на адаптацию к российской действительности в периоды третьей и четвертой волн пандемии коронавируса. Выявлены особенности издержек, которые несет региональный социум от адаптационной активности этнического бизнеса в условиях COVID-19. Проанализированы приоритеты различных аспектов жизни в России хозяйствующих субъектов внешней миграции. Разработаны практические предложения по реализации стратегии выживания этнического бизнеса в ковидный период.

Ключевые слова: крупный, средний и малый бизнес, этнический бизнес, местное бизнес-сообщество, адаптация этнического бизнеса, транзакции, транзакционные издержки, трудовые мигранты, пандемия коронавируса

Для цитирования: Симонов, С. Г. Этнический бизнес: адаптация к современным российским реалиям / С. Г. Симонов. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-96-111 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 96–111.

Ethnic business: adaptation to modern Russian realities

Sergey G. Simonov

Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The necessity of adaptation of the ethnic business to modern Russian reality has been substantiated. As part of the ethnic business survival strategy, its tactical steps have been identified in order to quickly adapt to the lingering and undulating nature of COVID-19. Hypotheses are formulated, the verification of which was carried out within the framework of the research. According to the results of the study conducted in 2020-2021 of the processes of formation and development of small and medium-sized forms of management of the Tyumen region, changes in the structure of the ethnic business of the region were revealed. The progress in the organizational and legal forms of small and medium-sized businesses in the direction of increasing the share and number of microenterprises, self-employment, combining the latter with individual entrepreneurship, etc. is determined.

The problem of providing ethnic business with a labor force has been actualized and this phenomenon has been established. The significance of the transaction costs incurred by ethnic businesses for adapting to Russian reality during the third and fourth waves of the coronavirus pandemic was assessed. The features of the costs incurred by the regional society from the adaptive activity of ethnic business in the conditions of COVID-19 have been clarified. The priorities of various aspects of life in Russia of economic entities of external migration are analyzed. Practical proposals have been developed for the implementation of the strategy for the survival of ethnic business in the period of COVID-19.

Keywords: large, medium and small business, ethnic business, local business community, adaptation of ethnic business, transactions, transaction costs, labor migrants, coronavirus pandemic

For citation: Simonov, S. G. (2022). Ethnic business: adaptation to modern russian realities. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 96-111. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-96-111

Введение

Третья волна COVID-19 и большой отток трудовых мигрантов из РФ существенно изменили ситуацию на региональных рынках — вотчине среднего и малого бизнеса. Антиковидные меры и ограничения Роспотребнадзора внесли в деятельность хозяйствующих субъектов малого и среднего форматов известную неопределенность в краткосрочной перспективе, потребовали дополнительных затрат на адаптацию к непредсказуемой и сложной обстановке.

На важность адаптации субъектов внешней трудовой миграции совсем недавно обратил внимание Президент России В. В. Путин: «Нужно заниматься тем, чтобы те люди, которые хотели бы приехать к нам на работу, уже готовились к этой поездке в нашу страну и к работе здесь у себя на родине, изучали язык, наше законодательство, знали бы свои права, знали бы то, на что ориентируют их наши общественные организации и государственные органы по соблюдению законов и правил Российской Федерации, наших обычаев» [1].

Нельзя не отметить, что руководство страны не осталось в стороне от проблем среднего и малого бизнеса. В период пандемии государство потратило на его поддержку около 3 трлн рублей, что составило свыше 4,5 % ВВП страны [2]. Сумма, разумеется, немалая, однако, учитывая механизм ее распределения, сроки получения денег и общее число бизнес-структур среднего и малого форматов в России (в настоящее время, по данным Единого реестра субъектов среднего и малого бизнеса, в стране их насчитывается примерно 3,4 млн), можно смело сказать, что одного этого недостаточно, необходимы также эффективные меры организационного и правового характера, управленческие решения в области демографической и миграционной политики и пр. Очевидно, решение проблемы адаптации среднего и малого бизнеса требует *комплексного подхода*.

В научной литературе уже отмечалось, что на уровне региона средний и малый бизнес представлен местным бизнес-сообществом и этническим бизнесом [3]. Первое из них, куда в реальной бизнес-практике относят субъектов малых и средних форм хозяйствования, индивидуальных предпринимателей, а также экономически неактивное

население региона (самозанятых, представителей домохозяйств, личных и подсобных хозяйств), легче и быстрее адаптируется к изменениям внешней хозяйственной среды. На наш взгляд, это связано не только с тем, что предприятий местного бизнес-сообщества больше по числу и удельному весу, чем этнических бизнес-структур. Существенное значение здесь имеют финансовая поддержка со стороны федеральных и региональных властей, лояльность органов власти на местах, доверие населения, относительная стабильность кадров, давно сформировавшаяся культура делового общения, знание местности, менталитет и т. д.

Что касается этнического бизнеса, то ему адаптироваться в столь непростой социально-экономической и эпидемиологической ситуации, которая сегодня сложилась в России, гораздо труднее. Причинами являются не только более скромная «финансовая подушка безопасности», высокая зависимость от миграционных процессов, малый кредит доверия со стороны местных органов власти, но и замкнутость среды диаспоры, так как мигранты искусственно ограждают себя от окружающего населения, предпочитая общаться в своей среде и среди своих же соплеменников и заниматься предпринимательской деятельностью. Это дает им эффект защищенности, сохранения своего «маленького мирка», «островка родины» в большом пространстве чуждой в языковом, этническом и культурном отношении принимающей страны [4].

Материалы и методы

Периоды протекания третьей и четвертой волн пандемии коронавируса подтвердили правильность использования этническим бизнесом стратегии выживания, на которую он начал переходить еще осенью 2020 года [5]. На наш взгляд, теперь дело за тактикой: какой должна быть последовательность (алгоритм) шагов со стороны этнического бизнеса, чтобы оперативно адаптироваться к затяжному и волнообразному характеру COVID-19?

По нашему мнению, такой алгоритм пошагово включает:

- 1) SWOT-анализ современного состояния этнического бизнеса в исследуемом регионе;
- 2) определение основных элементов системы адаптации этнического бизнеса (транзакций), затрат на их формирование (транзакционных издержек) и рейтинговых оценок последних;
- 3) разработку перечня практических предложений по реализации стратегии выживания этнического бизнеса в ковидный период.

Таким образом, в рамках проводимого нами исследования осуществлялась верификация следующих гипотез:

- решение проблемы адаптации этнического бизнеса к современным российским реалиям требует комплексного подхода;
- использование данного подхода должно проходить в рамках стратегии выживания этнического бизнеса;

- сроки и успешность реализации стратегии выживания этнического бизнеса во многом зависят от выбранной тактики, в качестве которой предлагается указанный выше пошаговый алгоритм.

Результаты и обсуждение

Согласно Единому реестру субъектов малого и среднего предпринимательства, в настоящее время в Тюменской области местное бизнес-сообщество и этнический бизнес представлены 66 743 бизнес-структурами, в том числе 175 средними предприятиями, 2 349 малыми предприятиями и 64 219 микропредприятиями [6]. К сожалению, конкретно по этническому бизнесу подобная статистика не ведется, поэтому автором были проведены несколько выборочных обследований. Итоги последних дают возможность утверждать, что сегодня доля этнических бизнес-структур в регионе составляет около 15 %, а их число — немногим более 9,5 тыс. единиц.

Наряду с выборочными обследованиями в 2020–2021 гг. нами осуществлена социодиагностика процессов становления и развития бизнеса Тюменской области, охватившая около 400 хозяйствующих субъектов среднего и малого форматов и свидетельствующая о серьезных изменениях в структуре этнического бизнеса региона.

Во-первых, в разрезе отраслей и сфер увеличилась доля средних и малых бизнес-структур, возглавляемых представителями российских диаспор (дагестанской, чеченской, ингушской и пр.).

Во-вторых, при прежних объемах и численности средних и малых бизнес-структур, во главе которых стоят выходцы из диаспор республик Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия), удельный вес последних также повышается.

В-третьих, претерпел изменения национальный состав этнических бизнес-структур среднего и малого форматов в связи с увеличением присутствия отечественной рабочей силы взамен уехавших к себе на родину в республики Средней Азии гастарбайтеров.

Нельзя не отметить, что в границах регионального бизнес-сообщества (крупный бизнес — местное бизнес-сообщество — этнический бизнес) сделан шаг назад в части создания здоровой конкурентной среды на потребительских рынках Тюменской области. Присутствующий здесь крупный ретейл заметно подвинул не только этнический бизнес, но и местных средних и малых субъектов хозяйствования. Применяя высокую технологичность, он создает в регионе новые сервисы и направления бизнеса, которые забирают потребительские рынки. К сожалению, противостоять этому бизнес, представленный субъектами местного бизнес-сообщества и этнического бизнеса, сегодня практически не в состоянии. Последние особо пострадали в условиях третьей волны COVID-19 в продуктовом ретейле, «индустрии досуга» и «индустрии красоты».

Как показали наши исследования, уже в середине 2021 года внутри этнического бизнеса нарушилось сложившееся в большинстве сегментов потребительского рынка региона под влиянием второй волны пандемии коронавируса зыбкое динамическое равновесие между бизнес-структурами, во главе которых выходцы из среднеазиатских

республик, бизнес-структурами, представленными диаспорами Северного Кавказа, и бизнес-структурами, где собственниками являются члены диаспор Закавказья (табл. 1).

Данные таблицы 1 показывают, что каждая из группировок этнических бизнес-структур в региональном рыночном пространстве обладает своим набором услуг потребительского характера. Знаки «+», «++» и «+++» отражают, соответственно, низкую, среднюю и высокую концентрацию и бизнес-активность этнических субъектов хозяйствования.

Таблица 1

Распределение видов товаров и услуг между группировками этнических бизнес-структур на потребительском рынке Тюменской области

Виды товаров и услуг потребительского характера	Группировка этнических бизнес-структур в региональном рыночном пространстве		
	Бизнес-структуры, представленные диаспорами Средней Азии	Бизнес-структуры, представленные диаспорами Северного Кавказа	Бизнес-структуры, представленные диаспорами республик Закавказья
Продажа овощей и фруктов	+	+	++
Продажа мяса и мясных продуктов	+	+	+++
Продажа рыбы и рыбных продуктов	+	++	++
Продажа молока и молочных продуктов	+	+	++
Продажа хлеба и хлебобулочных изделий	+	++	++
Курьерские услуги	++		+
Услуги по ремонту жилья	+		++
Услуги частных такси	++	+	++
Услуги на дачных участках, работы, требующие простого физического труда	++	+	
Услуги по уборке квартир, жилых помещений	++		+
Ритуальные услуги	+	+	++
Услуги по ремонту обуви, одежды	+		++
Продажа бытовых и электроприборов, компьютерной техники		+	+
Продажа стройматериалов, угля, дров	+	++	++
Продажа цветов	+	+	++
Услуги «индустрии досуга», «индустрии красоты»	+	+	+

Это, на наш взгляд, позволяет судить о степени заполнения того или иного сегмента потребительского рынка Тюменской области и наличии рыночных ниш, а также

дает определенную информацию об изменениях экономического поведения этнических субъектов хозяйствования и уровне их конкуренции.

Усиление во второй половине 2021 года противоэпидемиологических мер в регионах РФ обусловило определенные подвижки в организационно-правовых формах среднего и малого бизнеса в сторону увеличения доли и числа микропредприятий, самозанятости, совмещения последней с индивидуальным предпринимательством и др. Только за первый и второй кварталы 2021 года численность самозанятых в РФ выросла в 1,5 раза. При этом статус индивидуального предпринимателя и самозанятого совмещают пока лишь 7 % зарегистрированных, но такая тенденция, как отмечает директор Центра развития компетенций в маркетинге Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ Т. Комиссарова, однозначно усиливается [7]. Это коснулось и этнических бизнес-структур, вылившись в определенной степени в диверсификацию труда и капитала из традиционной для них сферы торговли в сферу услуг (услуги такси, курьерские услуги, сборка посылок на склады, ритуальные услуги и т. п.).

Вообще надо отметить, что проблема обеспечения рабочей силой этнического бизнеса сегодня стоит достаточно остро. И на это, по нашему мнению, есть ряд причин. Прежде всего, в составе занятой в этнических бизнес-структурах рабочей силы уменьшилась доля «своих» работников (представителей той же национальности, диаспоры). Согласно официальной статистике, из-за пандемии коронавируса Россию покинуло более двух миллионов трудовых мигрантов [8]. Кроме того, как выше уже было сказано, переток этнической рабочей силы из бизнес-структур среднего и малого форматов в институт самозанятых также породил известную нехватку работников в сфере традиционного ретейла.

Отток внешних трудовых мигрантов в периоды третьей и четвертой волн COVID-19 этнический бизнес пытался компенсировать за счет местной рабочей силы. Однако этому во многом помешала естественная убыль населения в регионах страны, достигшая за 2021 год почти одного миллиона человек. Подобная избыточная смертность, по мнению А. Ракши, отбросила Россию на десять лет по продолжительности жизни из-за пандемии коронавируса [9]. Добавим, что в 2020 году 42,5 % прироста смертей в российских регионах дал COVID-19 [8].

Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя связывать нехватку местной рабочей силы для нужд бизнес-структур среднего и малого форматов лишь с влиянием пандемии коронавируса. Здесь внесли свою лепту и другие заболевания, которые в 2020 году обеспечили рост числа смертей в российских регионах на 35,8 тыс. больше, чем от COVID-19. В их числе болезни системы кровообращения (97,3 тыс. смертных случаев), органов дыхания (37,4 тыс.), нервной системы (21,1 тыс.), эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (10,8 тыс.), органов пищеварения (9,1 тыс.), от психических расстройств (4,7 тыс. смертных случаев) [10].

Пожалуй, для некоторых регионов страны весьма интересен источник пополнения местной рабочей силы, предложенный ныне уже экс-директором ФСИН А. Калашниковым. По его словам, в 2021 году ФСИН вела активный диалог с бизнес-сообществом на предмет расширения сети исправительных центров на самих предприятиях. Сегодня 188 тыс. человек имеют право подать заявление на замену наказания

принудительными работами. Даже для крупного бизнеса эта цифра достаточно существенная. Что уже говорить про средние и малые предприятия!? [11].

Адаптация этнического бизнеса к современным российским реалиям характеризуется определенными социальными издержками. Причем эти издержки несут как представители диаспоральных бизнес-структур, так и российское общество в целом.

Для этнического бизнеса указанные издержки носят *транзакционный* характер [12; 13] и касаются различных элементов его системы адаптации в условиях третьей и четвертой волн COVID-19. Среди подобных транзакций в первую очередь следует, по нашему мнению, выделить открытие своего дела в регионе, конкурентную среду, безопасность и возможности развития бизнеса, жизненный цикл бизнеса, взаимодействия с органами власти на местах, выстраивание отношений с функционирующим на потребительском рынке региона крупным бизнесом, взаимодействия с местным населением, социокультурную среду для жизнеобеспечения диаспоры, среду обитания и ее факторы (климат, экологию, природный ландшафт и т. д.).

В рамках проводимого исследования нами было предложено представителям этнического бизнеса Тюменской области оценить значимость понесенных ими транзакционных издержек на адаптацию к российской действительности в периоды третьей и четвертой волн пандемии коронавируса (табл. 2).

Таблица 2

Оценка значимости транзакций в структуре затрат этнического бизнеса региона на адаптацию к российской действительности в периоды третьей и четвертой волн COVID-19

Наименование транзакций, затраты на которые обеспечивают адаптацию этнического бизнеса к современным российским реалиям	Ранг значимости транзакций в структуре затрат этнического бизнеса на адаптацию к условиям региона
Открытие своего дела (бизнеса)	VI
Конкурентоспособность бизнеса	II
Безопасность и возможности развития бизнеса	I
Взаимодействия с органами власти на местах	IV
Жизненный цикл бизнеса	III
Выстраивание отношений с функционирующим на потребительском рынке региона крупным бизнесом	V
Взаимодействия с местным населением	VII
Социокультурная среда для жизнеобеспечения диаспоры (язык, менталитет, обычаи, традиции и т. д.)	VIII
Среда обитания и ее факторы (климат, экология, природный ландшафт и т. п.)	IX
Форс-мажорные ситуации (забастовки, антитеррористические мероприятия, наводнения, ураганы и пр.)	X

Как видно из таблицы 2, по мнению респондентов, представляющих этнический бизнес в Тюменской области, с точки зрения обеспечения адаптации к сегодняшним

непростым российским реалиям наиболее капиталоемкими являются такие транзакции, как безопасность и возможности развития своего дела, конкурентоспособность бизнеса и его жизненный цикл, а также «настройка» взаимовыгодных связей с местными органами власти и крупными бизнес-структурами, функционирующими на потребительском рынке данного региона.

Что же касается издержек, которые несет региональный социум от адаптационной активности этнического бизнеса в коронавирусный период, то хотелось, прежде всего, обратить внимание на два *момента*.

Первый из них касается продолжающего роста числа этнических анклавов в мегаполисах и крупных городах страны за последние два-три года, что обуславливает усиление процесса маргинализации населения. Концентрация в них трудовых мигрантов и семей последних достаточно высока. Так, относительно недавно сформировавшийся этнический анклав в городском поселении Сосенское в Новой Москве насчитывает 66 тыс. человек, что в настоящее время составляет 31,7 % общей численности жителей региона [14]. Многодетные семьи этнических мигрантов слабо контактируют с местным населением в силу языковых барьеров, диаспоральной автаркии, иной конфессиональной принадлежности и менталитета, боязни ассимиляции. Все это не позволяет интегрировать духовные ценности этнических общностей в единую социокультурную среду российских регионов и, как следствие, порождает недоверие и социальный дискомфорт [15].

На фоне этнического диссонанса растет нагрузка на социально-бытовую инфраструктуру региона (детские дошкольные учреждения, школы, жилищно-коммунальное хозяйство, учреждения здравоохранения и т. п.) и органы социальной защиты населения, к которому теперь относятся и этнические хозяйствующие субъекты вместе с членами их семей. Учитывая тот факт, что большинство объектов названных сфер являются низкорентабельными, а то и планомерно убыточными, можно, на наш взгляд, смело говорить о дополнительных издержках российского общества на решение проблем трудовых мигрантов и этнического бизнеса.

Второй момент, порождающий социальные издержки регионального социума от адаптационной активности этнического бизнеса в периоды третьей и четвертой волн COVID-19, связан с ростом преступлений и противоправных действий, совершаемых в регионах РФ хозяйствующими субъектами внешней миграции. Как заявил в своем интервью «Интерфаксу» председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин, если за первую половину 2020 года в отечественных регионах было зарегистрировано более 17 тыс. преступлений и противоправных действий, совершенных иностранцами, то за первое полугодие 2021 года — почти 19 тыс. [16]. Это не только наносит большой ущерб национальной экономике, но и способствует росту напряженности среди коренного населения и может привести к возникновению массовых беспорядков на региональном уровне. Поэтому не случайно, по мнению заместителя главы Администрации Президента страны М. Магомедова, число россиян, отрицательно относящихся к этническим мигрантам, увеличилось на 7,5 % в 2020 году [17].

В целях недопущения проявлений ксенофобии и повышения уровня общественной безопасности в районах проживания мигрантов, а также функционирования этнического бизнеса в полном соответствии с законами РФ необходимо, считает А. Бастрыкин, коди-

фицировать миграционное законодательство посредством введения обязательной геномной регистрации (дактилоскопии) всех въезжающих в Россию трудовых мигрантов из ближнего зарубежья [18]. Конечно, реализация такой меры российского государства потребует определенных вложений. Однако, на наш взгляд, они быстро окупятся за счет снижения издержек российского общества на борьбу с преступлениями и противоправными действиями со стороны хозяйствующих субъектов внешней миграции. Протекающий в рамках стратегии выживания процесс адаптации этнического бизнеса к непростым современным реалиям российских регионов имеет, на наш взгляд, еще один ракурс рассмотрения — *личностный*. Каждый открывший свой бизнес и находящийся продолжительное время (проживающий) в нашей стране этнический субъект хозяйствования руководствуется своими собственными, индивидуальными приоритетами такого выбора. В основе последних выступают различные аспекты жизни в России представителей этнического бизнеса:

- качество жизни, которое отражает сегодня не столько уровень удовлетворения основных потребностей человека и его потребительскую корзину, сколько комфортность проживания, «замешанную» на социальных жизненных стандартах;
- личные финансы, которые остаются у проживающего и ведущего бизнес в РФ этнического предпринимателя после уплаты налогов и формирования фонда накопления предприятия. Они (личные финансы) могут пойти как на непроизводительное потребление его семьи, так и на цели вложения их в ценные бумаги для получения активного (дивиденды) или пассивного (банковский процент) дохода;
- карьерные возможности, открывающиеся у представителей этнического бизнеса в нашей стране, особенно в мегаполисах и регионах-донорах, после получения ими российского гражданства или даже вида на жительство:
- легкость поселения в РФ, затраты на которое значительно ниже, чем, например, в странах Евросоюза, не говоря уже о Великобритании или Швейцарии [19];
- стоимость проживания, которая достаточно важна для этнического предпринимателя, прежде всего, в первые годы становления его бизнеса в России;
- поддержка со стороны членов своей диаспоры, этнической общности, дислоцирующейся в данном российском регионе, и др.

Рисунок. Приоритеты различных аспектов жизни в России представителей этнического бизнеса, %

В ходе данного исследования нами был проведен социологический опрос, в котором приняли участие 100 этнических предпринимателей, проживающих в Тюменской области и имеющих здесь свой бизнес, касательно приоритетов различных аспектов их жизни в данном регионе (рисунок).

Из рисунка следует, что в качестве главных приоритетов жизненных аспектов представителей диаспор Тюменской области, у которых здесь открыто свое дело и которые проживают в данном регионе, выступают качество жизни (треть опрошенных этнических предпринимателей) и личные финансы (четверть указанных респондентов). На них приходится более половины (55 %) всех участников проводимого нами социологического опроса. Любопытно, что такой важный, на первый взгляд, аспект жизни в России, как поддержка со стороны своей диаспоры (этнической общности), дислоцирующейся в Тюменской области, приоритетным указали всего лишь 7 % этнических субъектов хозяйствования.

Выводы

Результаты SWOT-анализа современного состояния хозяйствующих субъектов среднего и малого форматов в России и в частности в изучаемом регионе, а также проведенного нами исследования основных элементов системы его адаптации, транзакционных издержек на формирование последних позволяют прежде всего оценить *значимость* и определить *границы* протекания данного процесса.

1. Развитие этнического бизнеса в России и привлечение внешних трудовых мигрантов в ее регионы не следует переоценивать, рассматривать как панацею в решении экономических проблем нашей страны. Это, скорее, мера временная, рассчитанная на получение определенной «передышки» в деле технического переоснащения и эффективного использования отечественной квалифицированной рабочей силы.

2. Процесс адаптации этнического бизнеса должен быть увязан со Стратегией национальной безопасности РФ, не противоречить ее нормативно-правовым документам, целям и задачам развития титульной нации страны — россиянам. В настоящее время в качестве одного из главных таких ориентиров выступает Постановление Правительства РФ от 07.10.2021 года № 1706 «Об установлении на 2022 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности» [20].

3. Вектор процесса адаптации и использования этнического бизнеса, на наш взгляд, сегодня должен быть направлен не столько на мегаполисы, сколько в территориальном плане — на трудодефицитные российские регионы, а в отраслевом плане — на строительный комплекс в части обеспечения его трудовыми ресурсами и оказания разного рода услуг (вспомогательных услуг, услуг по обслуживанию персонала и т. п.). Сформулированные выше общие рамки адаптационного процесса этнического бизнеса лежат в основе следующих практических предложений по реализации стратегии его выживания в ковидный период:

а) на федеральном уровне:

- ввести налоговые каникулы для этнических средних и малых бизнес-структур по основным налогам, включая НДС, в первый и второй кварталы 2022 года. При этом, как справедливо отмечает Г. Явлинский, отсрочку по налогам желательно предоставить без залога или банковской гарантии [21];

- предоставить отсрочку по страховым взносам микропредприятиям, индивидуальным предпринимателям, а также хозяйствующим субъектам, совмещающим в себе индивидуальное предпринимательство и институт самозанятости;

- расширить положение, согласно которому средние и малые предприятия местного бизнес-сообщества могут претендовать на полугодовое освобождение от платежей за аренду снимаемых у государства площадей, включив сюда этнические бизнес-структуры;

- в целях облегчения этническому бизнесу доступа к получению кредита не практиковать резкое повышение ключевой ставки, при этом обеспечив негосударственным банкам должное финансирование и государственные гарантии погашения таких кредитов;

- усилить контроль над формированием и функционированием в российских регионах этнических анклавов, в которых, по заявлению заместителя председателя Совета безопасности РФ Д. А. Медведева, сегодня имеют место втягивание представителей диаспор в нелегальный бизнес, публичные массовые конфликты, нарушения сроков пребывания этнических мигрантов в нашей стране и другие административные правонарушения [22];

б) на местном уровне:

- при подготовке и реализации законодательных инициатив по разработке и утверждению программ развития потребительского рынка Тюменской области на ближайшие годы, поддержки самозанятых и микропредприятий исходить из приоритета интересов местного населения;

- систематически пересматривать решения по запретам на привлечение этнических субъектов хозяйствования в те или иные сферы экономики Тюменской области, исходя из экономической целесообразности. Сегодня такие запреты действуют не только в исследуемом регионе, но и в Калужской, Тверской, Калининградской областях, Карелии и в других регионах страны [23]. В Тюменской области запреты на 2022 год коснулись сферы автомобильного грузового транспорта, в том числе оказывать услуги по перевозкам, сферы пассажирского сухопутного транспорта, включая перевозку в городском и пригородном сообщении, а также такси (касается легковых автомобилей) [24];

- для облегчения платежей за аренду площадей, которые средний и малый бизнес региона снимает у частных предпринимателей, изыскать средства на выделение прямых денежных дотаций для поддержки местного бизнес-сообщества и этнического бизнеса;

- на основе дифференцированного подхода к анализу проблемы адаптации этнического бизнеса как трехзвенной хозяйственной структуры (см. табл. 1) создать единый информационный канал под эгидой Комитета по делам национальностей Тюменской обла-

сти. Данный канал по существу будет представлять систему взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов, которые определяют роль, статус, функциональную нагрузку и степень адаптации этнического бизнеса к современным реалиям региона;

- обеспечить возможность адресного получения этническими самозанятыми микрозаймов из Фонда микрофинансирования с правом рассчитывать на поручительство гарантийного фонда Инвестиционного агентства Тюменской области до 70 % от суммы основного долга [25];

- способствовать участию представителей этнического бизнеса региона в обучающих семинарах и тренингах, получению правовых услуг и консультаций от областного департамента инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства;

- содействовать построению «плюралистической модели социального партнерства» [26], как наиболее эффективной формы взаимодействия этнического бизнеса с местными органами власти, что находит свое выражение в снижении степени «теневизации» этнических хозяйствующих субъектов-выходцев из диаспор, включении этнических предпринимателей в состав экспертных групп, дающих общественную оценку разрабатываемым и принимаемым решениям на региональном уровне, «прозрачности» проведения торгов и тендеров и т. п.

На наш взгляд, есть основания полагать, что принятие во внимание органами государственной власти данных предложений будет способствовать продуманной адаптации этнического бизнеса Тюменской области к современным российским реалиям.

Список источников

- [1] Путин : мигранты должны приезжать в Россию уже зная язык и законы. – Текст : электронный // Новости mail.ru : [сайт]. – URL: <https://news.mail.ru/politics/49154699/?frommail=1>. – Дата публикации: 09.12.2021.
- [2] Путин заявил о 3 трлн рублей, потраченных на помощь населению и бизнесу. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/09/2021/61444e059a7947f0a51c3ffa>. – Дата публикации: 17.09.2021.
- [3] Симонов, С. Г. Развитие регионального бизнес-сообщества в период пандемии COVID-19 : корректировка или смена парадигмы? / С. Г. Симонов. – Текст : непосредственный // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2021. – № 1. – С. 97–114.
- [4] Simonov, S. G. Problems of the formation and development of diaspora business in the regions of Western Siberia / S. G. Simonov, M. A. Khamatkhanova, I. V. Lysenko. – Direct text // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2015. – Vol. 5 (Special Issue). – P. 287–291.
- [5] Симонов, С. Г. Средний и малый бизнес в условиях первой волны пандемии коронавируса : потери и сценарии их преодоления / С. Г. Симонов, М. А. Хаматханова, М. А. Амирова. – Текст : непосредственный // Финансовая экономика. – 2021. – № 3. – С. 83–90.

- [6] Федеральная налоговая служба. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства : [сайт]. – URL : <https://ofd.nalog.ru/index.html>. – Текст : электронный.
- [7] Соболев, М. «Отложенная смертность» : почему в России массово закрываются ИП / М. Соболев. – Текст : электронный. // Газета.ru : [сайт]. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/19/13765970.shtml?updated>. – Дата публикации: 20.06.2021.
- [8] Ворсобин, В. Бизнес заплакал о нехватке мигрантов, лишь бы не поднимать зарплаты россиянам / В. Ворсобин, Д. Стешин. – Текст : электронный // Комсомольская правда : [сайт]. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27278/4414338/>. – Дата публикации: 21.05.2021.
- [9] Гудошников, С. Смертность в России достигла миллиона человек в год. Это максимум за историю страны / С. Гудошников. – Текст : электронный // Афиша Daily : [сайт]. – URL: https://www.daily.afisha.ru/news/55569-smernost-v-rossii-dostigla-milliona-chelovek-v-god-eto-rekord-za-istoriyu-strany/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. – Дата публикации: 12.010.2021.
- [10] Нас мало. И нас всё меньше // Яндекс Дзен : [сайт]. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/santlaurys/nas-malo-i-nas-vse-menshe-60d4bb4b548a76196f2bb12a>. – Текст : электронный. – Дата публикации : 27.06.2021.
- [11] Цыганов, О. Трудовых мигрантов могут заменить осужденными / О. Цыганов // mk.ru : [сайт]. – URL: <https://www.mk.ru/social/2021/05/20/>. – Текст : электронный. – Дата публикации: 20.05.2021.
- [12] Коуз, Р. Фирма, рынок и право : сборник статей / Р. Коуз ; перевод с английского Б. Пинскера ; науч. ред. Р. Капелюшников. – Москва : Дело, 1993. – 192 с. – Перевод изд.: *The Firm, the Market and the Law* / Ronald Coase. Chicago London, 1988. – Текст : непосредственный.
- [13] Радаев, В. В. Российский бизнес : структура транзакционных издержек / В. В. Радаев. – Текст : непосредственный // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 6. – С. 5–19.
- [14] Вальман, А. Жительницы Новой Москвы перестали выходить по вечерам на улицу из-за мигрантов / А. Вальман. – Текст : электронный // Мослента : [сайт]. – URL: <https://www.moslenta.ru/news/zhitelnicy-novoi-moskvy-perestali-vykhodit-po-vecheram-na-ulicu-iz-za-migrantov-19-10-2021.htm>. – Дата публикации : 19.10.2021.
- [15] Симонов, С. Г. Этническое предпринимательство и население региона : опыт социального взаимодействия / С. Г. Симонов, М. А. Хаматханова, О. В. Ямова. – Текст : непосредственный // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 115–123.
- [16] Бастрыкин предложил ввести геномную регистрацию мигрантов. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/01/11/2021/617f770f9a7947406b37a766>. – Дата публикации : 01.11.2021.
- [17] Сергеев, А. В Кремле прокомментировали рост напряжения между мигрантами и гражданами РФ / А. Сергеев. – Текст : электронный // Газета.ru : [сайт]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/04/08/n_15837122.shtml?updated. – Текст : электронный. – Дата публикации: 08.04.2021.

- [18] Исенекоев, С. Глава СК предложил ввести геномную регистрацию всех трудовых мигрантов. – Текст : электронный // tjournal.ru : [сайт]. – URL: <https://www.tjournal.ru/news/466309-glava-sk-predlozhit-vvesti-genomnuyu-registraciyu-vseh-trudovyh-migrantov>.
- [19] Жить и работать : сколько стоит переехать за границу. – Текст : электронный // Тинькофф журнал : [сайт]. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/zhivi-tam-horosh/>. – Дата публикации : 26.04.2019.
- [20] Постановление Правительства Российской Федерации от 07.10.2021 № 1706 «Об установлении на 2022 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110080034>. – Текст : электронный.
- [21] Явлинский, Г. Цена коронавируса : как защитить экономику и людей / Г. Явлинский. – Текст : электронный // yavlinsky.ru : [сайт]. – URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/tsena-koronavirusa/>. – Дата публикации: 27.03.2020.
- [22] Медведев, Д. Медведев призвал не допустить появления в РФ этнических анклавов мигрантов / Д. Медведев. – Текст : электронный // Интерфакс : [сайт]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/805581>. – Дата публикации: 29.11.2021.
- [23] В Калужской области мигрантам запретили работать в торговле и общепите. – Текст : электронный // malls.ru : [сайт]. – URL: <https://www.malls.ru/rus/news/>. – Дата публикации: 08.02.2022.
- [24] Лисицына, М. В Тюменской области мигрантам запретили работать в такси / М. Лисицына. – Текст : электронный // news.mail.ru : [сайт]. – URL: <https://news.mail.ru/economics/49280554/?frommail=1>. – Дата публикации: 18.12.2021.
- [25] Бессонов, М. Тюменские власти потратили десятки миллионов на бизнес для безработных / М. Бессонов. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/25/11/2021/615c2a6a9a794762cb0bc3a5>. – Дата публикации: 18.12.2021.
- [26] Бутова, Т. В. Анализ моделей взаимодействия власти и бизнеса в зарубежных странах / Т. В. Бутова, А. И. Дунаева, Н. О. Удачин. – Текст : электронный // Интернет-журнал «Наукоедение». – 2014. – № 2. – URL: <http://publ.naukovedenie.ru> (дата обращения : 21.02.2020).

References

- [1] Putin: migranty dolzhny priezzhat' v Rossiyu uzhe znaya yazyk i zakony. (2021). (In Russian). Available at: <https://news.mail.ru/politics/49154699/?frommail=1>
- [2] Putin zayavil o 3 trln rubley, potrachennykh na pomoshch' naseleniyu i biznesu. (2021). URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/09/2021/61444e059a7947f0a51c3ffa>

- [3] Simonov, S. G. (2021). Development of the regional business community during the COVID-19 pandemic: adjustment or change of the paradigm? *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 98-114. (In Russian).
- [4] Simonov, S. G., Khamatkhanova, M. A., & Lysenko, I. V. (2015). Problems of the formation and development of diaspora business in the regions of Western Siberia. *International Journal of Economics and Financial Issues*, (5(Special Issue)), pp. 287-291. (In English).
- [5] Simonov, S. G., Hamathanova, M. A., & Amirova, M. A. (2021). Medium and small businesses in the conditions of the first wave of the Coronavirus Pandemic: Losses and Scenarios of their Overcoming. *Financial Economy*, (3), pp. 83-90. (In Russian).
- [6] Federal'naya nalogovaya sluzhba. Edinyy reestr sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva. (2022). (In Russian). Available at: <https://ofd.nalog.ru/index.html>
- [7] Sobol', M. (2021). "Otlozhennaya smertnost'": pochemu v Rossii massovo zakryvayutsya IP. (In Russian). Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/19/13765970.shtml?updated>
- [8] Vorsobin, V., & Steshin, D. Biznes zaplakal o nekhvatke migrantov, lish' by ne podnimat' zarplaty rossiyanam. (In Russian). Available at: <https://www.kp.ru/daily/27278/4414338/>
- [9] Gudoshnikov, S. (2021). Smertnost' v Rossii dostigla milliona chelovek v god. Eto maksimum za istoriyu strany. (In Russian). URL: https://www.daily.afisha.ru/news/55569-smertnost-v-rossii-dostigla-milliona-chelovek-v-god-eto-rekord-za-istoriyu-strany/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
- [10] Nas malo. I nas vsyo men'she. (In Russian). URL: <https://zen.yandex.ru/media/santlaurys/nas-malo-i-nas-vse-menshe-60d4bb4b548a76196f2bb12a>
- [11] Tsyganov, O. (2021). Trudovykh migrantov mogut zamenit' osuzhdennymi. (In Russian). Available at: <https://www.mk.ru/social/2021/05/20/>
- [12] Coase, R. (1988). *The Firme, the Market and the Law*. Chicago London, the University of Chicago Press, 226 p. (In English).
- [13] Radaev, V. V. (1999). Rossiyskiy biznes: struktura transaktsionnykh izderzhkek. *Social sciences and contemporary world*, (6), pp. 5-19. (In Russian).
- [14] Val'man, A. (2021). Zhitel'nitsy Novoy Moskvy perestali vykhodit' po vecheram na ulitsu iz-za migrantov. (In Russian). Available at: <https://www.moslenta.ru/news/zhitelnicy-novoi-moskvy-perestali-vykhodit-po-vecheram-na-ulicu-iz-za-migrantov-19-10-2021.htm>
- [15] Simonov, S. G., Khamatkhanova, M. A., & Yamova, O. V. (2019). Ethnic business and population of the region: experience of social interaction. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 12(4), pp. 115-123. (In Russian).
- [16] Bastykin predlozhl vvesti genomnyu registratsiyu migrantov. (2021). (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/society/01/11/2021/617f770f9a7947406b37a766>
- [17] Sergeev, A. (2021). Kremle prokomentirovali rost napryazheniya mezhdu migrantami i grazhdanami RF. (In Russian). Available at: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/04/08/n_15837122.shtml?updated

- [18] Isenkov, S. (2021). Glava SK predlozhl vvesti genomnuyu registratsiyu vsekh trudovykh migrantov. (In Russian). Available at: <https://www.tjournal.ru/news/466309-glava-sk-predlozhl-vvesti-genomnuyu-registratsiyu-vseh-trudovyh-migrantov>
- [19] Zhit' i rabotat' : skol'ko stoit pereekhat' za granitsu. (2019). (In Russian). Available at: <https://journal.tinkoff.ru/zhivi-tam-horosh/>
- [20] Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 07.10.2021 No 1706 "Ob ustanovlenii na 2022 god dopustimoy doli inostrannykh rabotnikov, ispol'zuemykh khozyaystvuyushchimi sub"ektami, osushchestvlyayushchimi na territorii Rossiyskoy Federatsii ot del'nye vidy ekonomicheskoy deyatel'nosti". (In Russian). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110080034>
- [21] Yavlinsky, G. (2020). Tsena koronavirusa : kak zashchitit' ekonomiku i lyudey. (In Russian). Available at: <https://www.yavlinsky.ru/article/tsena-koronavirusa/>
- [22] Medvedev, D. (2021). Medvedev urged to prevent the appearance of ethnic enclaves of migrants in the Russian Federation. (In Russian). Available at: <https://www.interfax.ru/russia/805581>
- [23] V Kaluzhskoy oblasti migrantam zapretili rabotat' v trgovle i obshchepite. (2022). (In Russian). Available at: <https://www.malls.ru/rus/news/>
- [24] Lisitsyna, M. (2021). V Tyumenskoy oblasti migrantam zapretili rabotat' v taksi. (In Russian). Available at: <https://news.mail.ru/economics/49280554/?frommail=1>
- [25] Bessonov, M. (2021). Tyumenskie vlasti potratili desyatki millionov na biznes dlya bez-rabotnykh. (In Russian). Available at: <https://t.rbc.ru/tyumen/25/11/2021/615c2a6a9a794762cb0bc3a5>
- [26] Butova, T. V., Dunaeva, A. I., & Udachin, N. O. (2014). Analysis of models of interaction between government and business in foreign countries. *Naukovedenie*, (2). (In Russian). Available at: <http://publ.naukovedenie.ru>

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 18.02.2022.

УДК 316.356.2

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-112-121

Некоторые аспекты формирования и реализации современной семейной политики Российской Федерации

**Давид Таймуразович Торчинашвили, Наталья Ивановна Скок,
Юлия Ивановна Колтунова**

*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет,
Тюмень, Россия*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа концептуальных основ и практически-политических аспектов формирования и реализации современной семейной политики Российской Федерации. Семья, ее теоретическое осмысление и семейная политика рассмотрены как динамичные, исторически, культурно и социально-экономически определенные феномены. Дана ретроспектива формирования современной семейной политики, охарактеризован уровневый характер ее реализации. На основе анализа базовых документов, определяющих формирование и реализацию семейной политики, экспертных оценок и теоретических исследований сделан вывод о фамилистическом характере модели современной семейной политики Российской Федерации. Выявлены основные аспекты субъектности семьи как принципиального положения современной семейной политики. Систематизированы проблемы реализации семейной политики, выделена группа проблем, связанных с многосубъектностью современной семейной политики, даны рекомендации по усилению научно-методологического и информационного сопровождения семейной политики.

Ключевые слова: семья, фамилизм, семейная политика, факторы семейной политики, проблемы формирования и реализации семейной политики

Для цитирования: Торчинашвили, Д. Т. Некоторые аспекты формирования и реализации современной семейной политики Российской Федерации // Д. Т. Торчинашвили, Н. И. Скок, Ю. И. Колтунова. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-112–121 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 112–121.

Some aspects of the formation and implementation of the modern family policy of the Russian Federation

David T. Torchinashvili, Natalia I. Skok, Yulia I. Koltunova

*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen,
Tyumen, Russia*

Abstract. The article presents the results of the analysis of the conceptual foundations and practical-political aspects of the formation and implementation of modern family policy of the Russian Federation. The family, its theoretical understanding and family policy are considered as dynamic, historically, culturally and socio-economically defined phenomena. A retrospective of theoretical approaches to the sociological study of the family, domestic and foreign models of social policy is given, the level nature of its implementation is characterized. Based on the analysis of the basic documents defining the formation and implementation of family policy, expert assessments and theoretical studies, the conclusion is made about the familistic nature of the model of

modern family policy of the Russian Federation. The main aspects of the subjectivity of the family as a fundamental position of modern family policy are identified. The problems of implementing family policy are systematized, a group of problems related to the multi-personality of modern family policy is identified, and recommendations are given to strengthen the scientific, methodological and informational support of family policy.

Keywords: family, familism, family policy, factors of family policy, problems of formation and implementation of family policy

For citation: Torchinashvili, D. T., Skok, N. I., & Koltunova, Yu. I. (2022). Some aspects of the formation and implementation of the modern family policy of the Russian Federation. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 112-121. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-112-121

Введение

Отечественная социология семьи получила новый импульс развития на рубеже XX–XXI вв. Причиной тому стало взаимоналожение ряда процессов, следовавших за коренными социально-политическими и социально-экономическими переменами на территории бывшего СССР. Кризисный характер этих перемен выразился в существенном (по ряду оценок — катастрофическом) снижении уровня и качества жизни основной части населения, что сказалось как на мотивации демографического поведения, так и на деформации ценностных установок относительно семьи и семейной жизни. Суммарный эффект этих тенденций принял угрожающий характер, а графическое выражение их статистики получило название «русский крест». Развитие семьи в новых реалиях России в глобальном мире, теоретическое осмысление семьи на новом историческом этапе и постепенное формирование семейной политики — взаимосвязанные процессы, активизировавшиеся в начале XXI в.

В практически-политическом плане с конца 1990-х происходит не только постепенное возвращение государства в социальную сферу, но и постепенное формирование семейной политики как особого направления. Свидетельством тому стали Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. «Об основных направлениях государственной семейной политики», Семейный Кодекс (1996 г.), принятие Концепции демографической политики Российской Федерации (2007 г.), проведение Года семьи (2008 г.). В 2014 г. принята Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [1] (далее — «Концепция») с последующей разработкой мер по реализации ее базовых положений в регионах [2].

Интерес к семье и семейной политике в концептуальном плане выражается в исследовании ее в различных аспектах: социологическом [3], историческом [4], правовом [5], институциональном [6], демографическом [7]. В связи с изучением состояния и перспектив семьи, анализа и прогнозов демографических процессов сформировались два основных подхода, принципиально различных по характеру выводов относительно семьи, демографической и семейной политики: модернистский и фамилистский.

Несмотря на активное изучение динамики моделей семейной политики и ее актуального состояния в Российской Федерации [8–10], исследователи воздерживаются от прямой характеристики действующей модели семейной политики. Многочисленные

проблемы реализации семейной политики рассматриваются исследователями разрозненно, что мешает выработке практических рекомендаций. Все это определило выбор предметного поля исследования: теоретические и практико-политические аспекты разработки семейной политики в России в первые десятилетия XXI в. и постановку цели работы: анализ теории и практики семейной политики России начала XXI в. Соответственно, задачами работы являются, во-первых, анализ концептуального содержания современной семейной политики в Российской Федерации и, во-вторых, систематизация проблем теоретического и практического характера, актуализированных началом реализации государственной семейной политики.

К исследованию привлечены официальные издания документов [11], актуальные диссертационные исследования фамилизма [12], работы ведущих исследовательских центров — Института демографических исследований и Института социологии РАН и специалистов, прежде всего С. И. Голода, Т. К. Ростовской, О. В. Кучмаевой, А. И. Антонова, А. Г. Вишневого, Х. Г. Адзиева.

Материалы и методы

В исследовании, согласно его предмету и поставленной цели, использован ряд общенаучных и частнонаучных методов.

Исторический подход в данном исследовании предполагает понимание семьи и семейной политики как исторически изменяющихся феноменов, динамических систем, связанных с потребностями человека и общества, его стабильностью и развитием в конкретных социально-культурных, политических и экономических условиях. Этот подход представлен в работах социологов [3; 10], демографов [7], политологов [9], а также в изучении российского законодательства о семье [13].

Метод анализа документов использован при изучении базовых документов, регламентирующих государственную семейную политику и ее реализацию.

Системный подход, в рамках которого семья и семейная политика рассматриваются как системы и как элементы более широких социальных систем. Методологически продуктивными представляются отмеченные многими исследователями интегральные свойства семьи, возникающие не как сумма индивидуальных характеристик ее членов, а как результат целостности системы. Важен системный подход и в исследовании факторов развития семьи. Неслучайно, что Рассел Л. Акофф, один из пионеров системного подхода в менеджменте, именно на примере проблем регулирования рождаемости в развивающихся странах иллюстрировал необходимость системного, а не механистического подхода к их пониманию и решению, обратив внимание на социокультурную обусловленность мотивации демографического поведения.

Структурно-функциональный подход использован при рассмотрении состава и динамики функций семьи, содержания и распределений функций и полномочий органов государственного и местного самоуправления в реализации семейной политики. Это особенно актуально в связи с разграничением функций органов управления и организации их взаимодействия в проведении семейной политики.

Метод сравнительно-исторического анализа использован при исследовании теоретических подходов и концептуальных позиций в отечественной и зарубежной социологии семьи, а также и при исследовании моделей семейной политики в СССР, России и европейских странах. В совокупности это и позволило сделать вывод о фамилистическом характере современной модели семейной политики в России.

Литературный обзор

В эволюции семейной политики в России рубеж XX–XXI вв. характеризуют как кризисный. Это связано с резким переходом от патерналистского участия советского государства в делах семьи и фактического «перехвата» государством семейных функций к установке на автономию и самообеспечение семьи в начале 1990-х. В условиях ускоренного перехода к рыночной экономике экономическая и социальная дезадаптация значительной части населения быстро привела к кризису традиционных семейных ценностей. Поэтому ни в экономическом, ни в духовном аспекте семья оказалась не готовой к реализации всех «возвращенных» ей государством функций [5]. Рост социального неблагополучия и падение рождаемости привели к тому, что уже в 1993 г. появляется первая концепция стратегического развития семейной политики, а в 1996 г. семейная политика получает государственный статус. Возвращение государства в социальную сферу, начатое в 1996 году, и научно-исследовательский интерес к семье и семейной политике обозначили два взаимосвязанных направления деятельности в этой сфере: практически-политическое и концептуальное. Само появление термина «семейная политика» и последующая разработка этого понятия было результатом этого взаимодействия [8].

Осмысление демографических процессов и исторической трансформации семьи привело к формированию в исследовательском сообществе двух подходов, различно трактующих демографическую ситуацию и перспективы семьи. Модернистский подход, ярко представленный, например, в работах А. Г. Вишневого, предполагает, что демографические процессы имеют глобальный характер и должны рассматриваться с точки зрения саморегуляции численности населения Земли: снижение смертности вызывает реакцию снижения рождаемости [14]. Этот подход не предполагает активной семейной политики, особенно в аспекте стимулирования рождаемости. Основное внимание уделяется модернизационным процессам в экономике, культуре, образе жизни.

В рамках фамилистского (семьецентрического) подхода, разработку которого связывают с работами А. И. Антонова [15], демографические процессы современности трактуются как катастрофические, особенно в России. Демографическое поведение, в связи с действием социально-экономических и культурных факторов, рассматривается как объект активной семейной политики, а сама семья — как один из системообразующих социальных институтов, стабилизирующих общество [15].

Результаты и обсуждение

Несмотря на то, что с конца 1990-х семья постепенно возвращается в круг политических и экономических интересов государства, вплоть до последнего времени исследо-

ватели говорили о неопределенном статусе семьи, о противоречиях в законодательной базе семейной политики [13], о краткосрочном характере предпринимаемых ранее мер поддержки семьи [5]. «Концепция» в развитии семейной политики России имеет, безусловно, этапный характер. Принципиальными моментами являются утверждение высокого социального статуса семьи, утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни в качестве приоритета, неоднократное указание на их важность и определение брака как союза мужчины и женщины [1], отражение взаимосвязи экономических и духовно-нравственных факторов развития семьи [1]. Сравнительный анализ существующих моделей семейной политики: либеральной, консервативной, социал-демократической и южно-европейской, как и указание на особое положение пост-социалистических стран [6; 8–10], позволяет сделать вывод, что по базовому содержанию «Концепция» носит истинно фамилистский характер.

По охвату факторов поддержки семьи «Концепция» имеет системный характер. Однако именно эта системность заставляет по-новому взглянуть на возможные противоречия и проблемы, связанные с ее реализацией. Прежде всего, стоит различать взаимосвязанные группы концептуальных и практически-политических проблем.

В концептуальном плане важны разработка понятийного аппарата и развитие методологии исследования семьи. Например, само определение семьи, как главного субъекта правовых отношений, «широкая» и «узкая» трактовка семейной политики все еще остаются предметом дискуссий [6; 10]. Концептуальное обоснование нужно и для организации исследований, особенно на региональном и местном уровнях. Так, политики часто отмечают, что семья остается в составе базовых ценностей населения, а исследователи напоминают, что важно знать, какова мотивация брачного поведения, какая модель семьи выступает желательной для молодежи [7]. Концептуальные основы важны и для истолкования статистических данных, например, исследователи предупреждают, что неоднократно упомянутая эффективность «материнского капитала» не должна вводить в заблуждение относительно долгосрочных прогнозов [15]. Экспертное сообщество стоит рассматривать как субъект социальной политики, поскольку его работа не только фиксирует актуальное положение дел, но на уровне экспертных оценок оказывает влияние на формирование и реализацию семейной политики [11].

В практически-политическом плане реализация семейной политики нуждается как в правовом, так и в ресурсном обеспечении. Например, перечень поправок в Семейный Кодекс РФ наглядно показывает трудности совершенствования законодательства о семье, а делегирование значительной части полномочий на региональный уровень — проблемы согласования возлагаемой на регионы ответственности и их финансовых возможностей реализации семейной политики [6].

Анализ актуальных исследований и практики позволяет систематизировать существующие проблемы реализации семейной политики не только по макросистемным и внутрисемейным уровням ее реализации, но и по источникам: демографическим, социально-экономическим, правовым, ценностным и культурно-образовательным. Их действие проявляется во взаимосвязи как на глобальном, так и региональном и местном уровнях. Исследователи уже отмечают, что западные образцы новейших моделей демографического поведения начинают оказывать влияние и в России [16]. Среди социаль-

но-демографических и социально-экономических проблем на первое место выдвигается поляризация семей по уровню и качеству жизни.

Принципиальное положение «Концепции» о многосубъектном характере семейной политики, о том, что семья и государство — партнеры в ее реализации, подразумевает переход семьи из позиции объекта поддержки в позицию партнера, субъекта, имеющего собственные специфические интересы, осознающего и реализующего их наряду с интересами других субъектов, перечисленных в «Концепции» [1]. Анализ исследовательской литературы показал, что при всем внимании к факторам реализации семейной политики [10] эта группа проблем еще не выделена как самостоятельный предмет изучения. Между тем реализация практически всех функций семьи затрагивает интересы различных субъектов, в частности интересы бизнеса, что наглядно при рассмотрении корпоративной семейной политики [6]. Согласование интересов перечисленных субъектов или их конфликт — вопрос действий по урегулированию возможной конфликтности, а значит и активной социальной коммуникации, диалога, что требует навыков и соответствующих институтов согласования.

Реализация воспитательной и образовательной функций семьи может быть, пожалуй, самым ярким примером взаимодействия глобальных тенденций, региональных особенностей и местной специфики, на фоне которых и разворачиваются конфликты интересов и обозначаются новые проблемы. Например, идея усиления воспитательной роли семьи, повышение статуса родителей в воспитании требует и повышения «семейно-родительской компетентности граждан» [17]. Традиционная связка «семья и школа» в деле воспитания уже давно дополнена участием социальных сетей, за которыми стоят не только новые коммуникативные возможности, но и вполне реальные коммерческие интересы. Технические возможности постепенно меняют и характер образования. Неслучайно, именно вопрос о цифровизации образования стал поводом активизации и консолидации родительского сообщества. Пример Родительского Всероссийского Сопротивления (РВС) [18] может быть примером действительных трудностей согласования интересов субъектов семейной политики, обозначенных в «Концепции». Поскольку основные направления деятельности РВС связаны с базовыми функциями семьи, образовательной и здоровьесберегающей, постольку частный пример РВС представляется показательным по ряду позиций. Во-первых, семья и семейная политика в силу своей актуальности для большинства граждан всегда оказывается в поле зрения различных политических сил. Влияние противоборствующих политических сил на принятие решений в области семейной политики и связь их с политическим циклом уже отмечены исследователями [6]. Во-вторых, наглядны противоречия понимания проблем различными группами и институтами, а механизмов диалога и согласования явно недостаточно. В-третьих, это еще одно подтверждение присутствия «семейного аспекта» в различных сферах жизни, что и определяет специфику семейной политики.

Для всех выделенных и охарактеризованных выше групп проблем реализации семейной политики стоит выделить информационно-коммуникативный и образовательный (просветительский) аспекты. Неслучайно одна из программ, утвержденных правительством Тюменской области, связывает задачи формирования ценностей се-

мейной жизни с просвещением, а ее организация отражает многосубъектность семейной политики [2].

Выводы

Итак, проведенный анализ позволяет заключить, что действующая Концепция государственной семейной политики по ряду базовых положений может быть охарактеризована как фамилистическая — система идей, предпочтительных ценностей и социально-экономических действий, ориентированных на семью.

Возможности фамилистического подхода в исследовании семьи и семейной политики связаны с интеграцией институционального и межличностного уровней исследования с учетом не только функционального, но и ценностного аспектов. Сегодня, когда формирование семейной политики и ее реализация рассматриваются как комплексная задача, что предполагает правовой, политический, идеологический, научно-методологический и другие аспекты, а не сведение, как это было в 1990-е гг. лишь к мерам материальной помощи малообеспеченным семьям, такая междисциплинарность фамилизма как научного направления представляется особенно актуальной. Возможности объединить исследования семьи как института и как малой группы уже отмечены исследователями [19], а инструментарий требует дальнейшего развития в конкретных исследованиях.

Существование комплекса проблем и потенциальная конфликтность реализации многосубъектной семейной политики делают необходимым в том числе и ее постоянное научно-методическое обеспечение. Статистических данных, сколь ни важны они для анализа ситуации и оценки эффективности действий, недостаточно. Необходимо социологическое и социально-психологическое сопровождение реализации семейной политики, арсенал методов для которого уже наработан. Столь же необходимым является информационно-коммуникативное ее обеспечение, содержанием которого будут не только информирование, но и диалог, согласование интересов субъектов семейной политики.

Список источников

- [1] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. – Текст : непосредственный // Государственная семейная политика в Российской Федерации. Сборник материалов. – Москва : Издание Государственной Думы, 2014. – С. 8–25.
- [2] Комплексная программа просвещения и формирования ценностей семейной жизни среди детей, подростков, молодежи и родительской общественности в Тюменской области до 2025 года : утверждена распоряжением Правительства Тюменской области от 27 декабря 2019 г. № 1796-рп. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/570894192>. – Текст : электронный.
- [3] Голод, С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи / С. И. Голод. – Текст : электронный // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-01/golod.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

- [4] Вишневский, А. Г. Эволюция российской семьи. Кризис семейных ценностей с исторической точки зрения / А. Г. Вишневский. – Текст : непосредственный // *Экология и жизнь*. – 2008. – № 7. – С. 4–11.
- [5] Сазонова, А. В. Проблемы формирования государственной семейной политики / А. В. Сазонова. – Текст : непосредственный // *Власть*. – 2007. – № 4. – С. 21–24.
- [6] Козлов, В. А. Институциональный подход к разработке семейной политики / В. А. Козлов. – Москва : Институт экономики РАН, 2010. – 51 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 : монография / Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. – DOI 10.38085/978-5-905790-49-2-2020-1-210. – Москва : ООО «Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2021. – 414 с. – Текст : непосредственный.
- [8] Адзиев, Х. Г. Семейная политика Российской Федерации / Х. Г. Адзиев. – Текст : непосредственный // *Социально-гуманитарные знания*. – 2011. – № 4. – С. 149–164.
- [9] Носкова, А. В. Эволюция государственной семейной политики в России : от советских к современным моделям / А. В. Носкова. – DOI 10.24833/2071-8160-2013-6-33-155-159. – Текст : непосредственный // *Вестник МГИМО – Университета*. – 2013. – № 6 (33). – С. 155–159.
- [10] Ростовская, Т. К. Семья в системе социальных институтов общества : учебное пособие / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева. – Москва : Галлея принт, 2015. – 372 с. – Текст : непосредственный.
- [11] Государственная семейная политика в Российской Федерации : сборник материалов / Федеральное собрание Российской Федерации, Государственная дума ; [сост.: И. Ф. Ковтуненко, А. П. Покровская]. – Москва : Издание Государственной Думы, 2014. – 432 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Березовая, А. Ю. Фамилизм как система ценностей российской семьи : региональный аспект : специальность : 22.00.06 «Социология культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Березовая Анна Юрьевна ; Волгоградский государственный медицинский университет. – Волгоград, 2017. – 320 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Кузин, С. И. О реализации государственной семейной политики в современной России / С. И. Кузин, О. В. Кучмаева. – Текст : непосредственный // *Вестник университета*. – 2017. – № 1. – С. 192–198.
- [14] Вишневский, А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* / А. Г. Вишневский. – Текст : непосредственный // *Демографическое обозрение*. – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 6–33.
- [15] Антонов, А. И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве / А. И. Антонов. – Текст : непосредственный // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. – 2010. – № 4. – С. 134–150.
- [16] Тюменцева, Г. И. Государственная семейная политика : региональный аспект / Г. И. Тюменцева. – DOI 10.19073/2306-1340-2018-15-4-392-399 – Текст : непосредственный // *Вестник Омской юридической академии*. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 392–399.

- [17] Гительсон, Н. А. Педагогические условия социально-культурного развития семьи : фамилистический подход / Н. А. Гительсон. – Текст : непосредственный // Человек и образование. – 2011. – № 4 (29). – С. 128–131.
- [18] Родительское Всероссийское Сопротивление : сайт. – URL: <https://rvs.su>. – Текст : электронный.
- [19] Проневская, И. В. Фамилистические исследования : количественный и качественный подходы / И. В. Проневская. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 151–163.

References

- [1] Kontsepsiya gosudarstvennoy semeynoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda. (2014). Gosudarstvennaya semeynaya politika v Rossiyskoy Federatsii. Sbornik materialov. Moscow, Izdanie Gosudarstvennoy Dumy, pp. 8-25. (In Russian).
- [2] Kompleksnaya programma prosveshcheniya i formirovaniya tsennostey semeynoy zhizni sredi detey, podrostkov, molodezhi i roditel'skoy obshchestvennosti v Tyumenskoy oblasti do 2025 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Tyumenskoy oblasti ot 27 dekabrya 2019 g. No 1796-rp. (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/570894192>
- [3] Golod, S. I. (2008). Sotsiologo-demograficheskiy analiz sostoyaniya i evolyutsii sem'i. Sotsiologicheskie issledovaniya. (In Russian). Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-01/golod.pdf>
- [4] Vishnevskiy, A. G. (2008). Evolyutsiya rossiyskoy sem'i. Krizis semeynykh tsennostey s istoricheskoy tochki zreniya. Ekologiya i zhizn', (7), pp. 4-11. (In Russian).
- [5] Sazonova, A. V. (2007). Certain aspects of formation of family policy by the state. Vlast', (4), pp. 21-24. (In Russian).
- [6] Kozlov, V. A. (2010). Institutsional'nyy podkhod k razrabotke semeynoy politiki. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 51 p. (In Russian).
- [7] Rostovskaya, T. K., & Shabunova, A. A. (2020). Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskiy doklad-2020. Moscow, "Izdatel'sko-torgovyy Dom "Perspektiva" LLC, 414 p. (In Russian).
- [8] Adziev, H. G. (2011). The family policy of the Russian Federation. Social and humanitarian knowledge, (4), pp. 149-164. (In Russian).
- [9] Noskova, A. V. (2013). Evolution of state family policy in Russia from soviet times to the present. MGIMO Review of International Relations, (6(33)), pp. 155-159. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2013-6-33-155-159.
- [10] Rostovskaya, T. K., & Kuchmaeva, O. V. (2015). Sem'ya v sisteme sotsial'nykh institutov obshchestva. Moscow, Galleya print Publ., 372 p. (In Russian).
- [11] Kovtunencko, I. F., & Pokrovskaya, A. P. (Eds.). (2014). Gosudarstvennaya semeynaya politika v Rossiyskoy Federatsii: sbornik materialov. Moscow, Izdanie Gosudarstvennoy Dumy, Publ., 432 p. (In Russian).

- [12] Berezovaya, A. Yu. (2017). Familizm kak sistema tsennostey rossiyskoy sem'i : regional'nyy aspekt. Diss. ... kand. sotsiolog. nauk. Volgograd, 320 p. (In Russian).
- [13] Kuzin, S. I., & Kuchmaeva, O. V. (2017). On the implementation of the state family policy in modern Russia. Vestnik Universiteta, (1), pp. 192-198. (In Russian).
- [14] Vishnevsky, A. G. (2014). The demographic revolution changes the reproductive strategy of Homo sapiens. Demographic Review, 1(1), pp. 6-33. (In Russian).
- [15] Antonov, A. I. (2010). Current demographic trends and analytical projections, the problems of family and demographic policy in the social state. Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and political science, (4), pp. 134-150. (In Russian).
- [16] Tyumentseva, G. I. (2018). State family Policy: regional aspect. Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii, 15(4), pp. 392-399. (In Russian). DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-392-399
- [17] Gitelson, N. A. (2011). Pedagogical conditions of socio-cultural development of family: family-centric approach. Man and education, 4(29), pp. 128-131. (In Russian).
- [18] Roditel'skoe Vserossiyskoe Soprotivlenie: sayt. (In Russian). Available at: <https://rvs.su>
- [19] Pronevskaya, I. V. (2010). Familisticheskie research: quantitative and qualitative approaches. Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and political science, (4), pp. 151-163. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 08.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 11.02.2022.

The article was submitted 08.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 11.02.2022.

**ИНФОРМАЦИЯ
INFORMATION**

В журнале «Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика», № 4, 2021 была опубликована статья Белоношко М. Л., Гюрджиняна А. С., Барбакова О. М. «Качество жизни аборигенных этносов».

Редакция журнала вносит следующее уточнение по данной публикации: статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07355/19 «Человеческий капитал арктического региона в концепции пространственного развития России».

На научный журнал
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»
(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного
каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,

а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:

<https://www.akc.ru/itm/izvestiy-a-vy-iss-hih-uc-hebny-ih-zavedeniy-sot-siologiy-a-y-ekonomika-politika/>

Подписано в печать 13.04.2022. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,28. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 500. Заказ № 2398.
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.